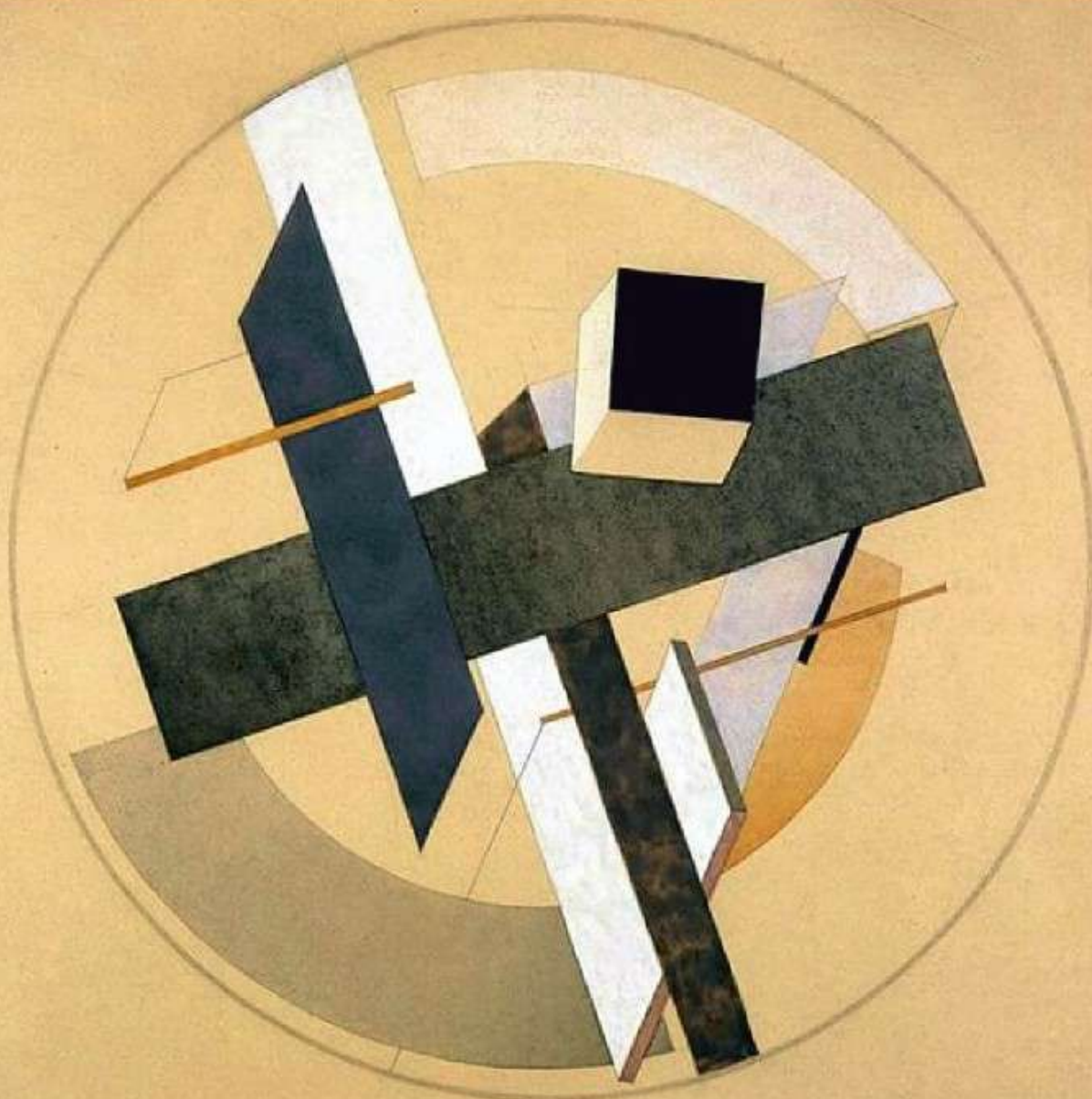

Е. Ф. Синельникова, В. С. Соболев

НА ПУТИ К НОВОМУ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ
ПРОСТРАНСТВУ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Исторические очерки

St. Petersburg Branch
Federal State Budgetary Institution of Science
S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of
Russian Academy of Sciences

Sinelnikova E.F., Sobolev V.S.

**ON THE WAY TO
A NEW SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE
IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER**

Historical essays

St. Petersburg
2023

Санкт-Петербургский филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
Российской академии наук

Синельникова Е.Ф., Соболев В.С.

НА ПУТИ К НОВОМУ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ПРОСТРАНСТВУ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Исторические очерки

Санкт-Петербург
2023

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)61 «197/1922»
С38

Рецензенты:

д-р. пед. наук В.П. Леонов
канд. ист. наук А.Ю. Скрыдлов

Синельникова Е.Ф., Соболев В.С.

С38 На пути к новому научно-образовательному пространству в первые годы советской власти. Исторические очерки. — СПб.: Скифия-принт, 2023. — 172 с.

ISBN 978-5-98620-675-2

Книга посвящена истории взаимодействия научных и образовательных учреждений и организаций центра и провинции в условиях формирования нового научно-образовательного пространства в первые годы советской власти. Особое внимание уделено проблемам взаимовлияния центра и провинции, рассмотрению результатов совместных усилий представителей центра и местных научных сообществ по развитию науки и образования на местах, по организации и проведению революционных преобразований в этих сферах жизни общества, в частности, по созданию новых составляющих научной и образовательной инфраструктуры.

В основу монографии положен комплекс разнообразных по своему составу и содержанию исторических источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Настоящее издание адресовано специалистам в области истории науки и культуры, а также широкому кругу читателей.

*Утверждено к печати Ученым советом Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова*

*Российской академии наук
30 марта 2023 г. Протокол № 2*

Sinelnikova E.F., Sobolev V.S.

On the way to a new scientific and educational space in the first years of Soviet power. Historical essays. — St. Petersburg: Skifia-print, 2023. — 172 p.

The book is devoted to the study of the interaction between scientific and educational institutions and organizations of the center and province in the conditions of the formation of a new scientific and educational space in the early years of Soviet power. The authors pay special attention to the problems of mutual influence between the center and the province, to consider the results of joint efforts of scientist and scholars from the center and local scientific communities to develop science and education in province, to organize and succeed revolutionary changes in these areas of public life, to create new components of the scientific infrastructure.

The monograph is based on a complex of historical sources that are diverse in their composition and content, many of which are introduced into scientific circulation for the first time.

This publication is addressed to specialists in the field of the history of science and culture, as well as to a wide range of readers.

*В оформлении обложки использован фрагмент картины Эль Лисицкого
«Проун А-2» (1920)*

ISBN 978-5-98620-675-2

© Синельникова Е.Ф., Соболев В.С., 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>Е.Ф. Синельникова, В.С. Соболев</i>)	9
Часть 1. Деятельность научных центров (<i>В.С. Соболев</i>).	15
1.1. Зоологический музей Академии наук в первые годы советской власти	15
1.2. Музей антропологии и этнографии Академии наук в 1917–1922 гг.	23
1.3. Комиссия по изучению естественных производительных сил России Академии наук — один из центров пропаганды и распространения научно-прикладных знаний в первые послереволюционные годы	27
1.4. Центральное бюро краеведения Академии наук — центр организации краеведческого движения в стране в 1920-е гг.	31
1.5. Академическая комиссия по изучению научных сил — центр по исследованию интеллектуальных возможностей СССР в 1920-е гг.	39
Часть 2. Трансформация провинциального научного сообщества (<i>Е.Ф. Синельникова</i>)	46
2.1. Периодические издания университетов как источник по истории формирования нового научно-образовательного пространства в первые годы советской власти	46
2.2. Профессора и преподаватели «новых» университетов: изменение кадрового состава в 1917–1922 гг.	52
2.3. Петроградские ученые в Самаре в первые послереволюционные годы	61
2.4. Попытка создания Археологического института в Самаре в первые годы советской власти	73

2.5. Из Москвы в Саратов: отражение научной жизни провинции в письмах этнографа Б.М. Соколова . . .	78
2.6. Научные общества при университетах в российской провинции в 1917–1922 гг.	83
2.7. Динамика социально-демографических характеристик провинциального студенчества в первые годы советской власти	91
Заключение (Е.Ф. Синельникова, В.С. Соболев)	98
Приложения (Е.Ф. Синельникова)	101
Литература	146
Именной указатель	155
Summary (E.F. Sinelnikova, V.S. Sobolev)	165
Сведения об авторах	171

TABLE OF CONTENTS

Introduction (<i>E.F. Sinelnikova, V.S. Sobolev</i>)	5
Part 1. Activities of scientific centers (<i>V.S. Sobolev</i>)	15
1.1. Zoological Museum of the Academy of Sciences in the first years of Soviet power	15
1.2. Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences in 1917–1922.	23
1.3. The Commission for the Study of the Natural Productive Forces of Russia of the Academy of Sciences is one of the centers for the promotion and dissemination of scientific and applied knowledge in the first post-revolutionary years.	27
1.4. The Central Bureau of Local History of the Academy of Sciences was the center for organizing the local history movement in the country in the 1920s.	31
1.5. Academic Commission for the Study of Scientific Forces — a center for the study of the intellectual capabilities of the USSR in the 1920s.. . . .	35
Part 2. Transformation of the provincial scientific community (<i>E.F. Sinelnikova</i>)	46
2.1. Periodicals of the universities as a source on the history of the formation of a new scientific and educational space in the early years of Soviet power . . .	46
2.2. Professors and lecturers of the “new” universities: staff change in 1917–1922	52
2.3. Petrograd scholars and scientists in Samara in the first post-revolutionary years	61
2.4. The attempt to create an archaeological institute in Samara in the early years of Soviet power	73
2.5. From Moscow to Saratov: reflection of the province scientific life in the ethnographer B.M. Sokolov’s letters .	76

2.6. Scientific societies at universities in the Russian provinces in 1917–1922	83
2.7. Dynamics of socio-demographic characteristics of the provincial students in the first years of Soviet Power . . .	91
Conclusions (<i>E.F. Sinelnikova, V.S. Sobolev</i>)	98
Applications (<i>E.F. Sinelnikova</i>).	101
Literature	146
Name index	155
Summary (<i>E.F. Sinelnikova, V.S. Sobolev</i>)	165
Information about authors.	171

ВВЕДЕНИЕ

Советская власть с первых дней своего существования декларативно заявляла о том, что революция «все завоевания науки и культуры должна поставить на службу народу». Достаточно значимую роль в решении этой сложной задачи в первые годы советской власти, играло взаимодействие столичных центров науки и с провинциальным научным сообществом.

Несмотря на грандиозные по своим масштабам революционные преобразования и социальные потрясения, научным центрам и, прежде всего, учреждениям и структурам Российской академии наук, удавалась поддерживать свой общегосударственный авторитет на высоком уровне. Данное положение отчетливо выразилось в том, что у центров получалось выстраивать плодотворные взаимоотношения с научной интеллигенцией российской провинции, особенно в решении многих задач дальнейшего развития науки и образования на местах. Одним из важных результатов данного плодотворного взаимодействия стало формирование в России качественно нового научно-образовательного пространства. В провинциальных городах были созданы государственные и общественные научные структуры, проводилась работа по спасению памятников истории и культуры, комплектованию музейных и архивных фондов как основы будущих исследований. Впервые систематическому и всестороннему изучению подверглись значительные территории страны. Получили «право на гражданство» новые формы просветительской деятельности, наблюдался значительный рост краеведческой работы и др.

В первые годы советской власти мощный импульс получили традиционные формы взаимодействия научных центров с провинцией.

В основе их лежало формировавшееся десятилетиями стремление научной интеллигенции центров оказывать всемерную поддержку и помощь своим коллегам, работавшим «в градах и весях» России. Эта глубокая академическая традиция после революции получила еще и идеологическую поддержку новой государственной власти, поставившей решение глобальных задач развития образования и просвещения в стране в ряд своих самых первостепенных задач.

С другой стороны, качественные изменения во взаимодействии «двух ветвей» науки и образования (в нашем случае «центральной» и «местной») были вызваны повышением уровня общественной и профессиональной активности периферийной научной интеллигенции. Это было прямым результатом отмены революцией всех идеологических и цензурных ограничений, существовавших прежде в России. Практически во всех даже отдаленных уголках огромной страны, на основе неподдельного энтузиазма и самодеятельности местной интеллигенции, велась работа по организации учебных заведений, музеев, научных обществ, клубов и т.п. Органы советской власти часто поддерживали данные благотворные начинания, но, в результате разрухи народного хозяйства и начавшейся Гражданской войны, эта помощь, и особенно ее материальная составляющая, была незначительна. В этих условиях поддержка и помощь со стороны центров, для провинциального научного сообщества, были важны и полезны.

К сожалению, данная тематика до настоящего времени еще не получила должного отражения в историографии. Долгое время исследователи основное внимание уделяли демонстрации плодотворного сотрудничества ученых с советской властью, привлечению «старой интеллигенции» к социалистическому строительству, перевоспитанию спецов¹.

В первые годы после революции концентрация научных сил в провинции приводила к ускоренному построению научной инфраструктуры, в первую очередь, вузов и научных обществ. Труды, посвященные становлению и развитию высшего образования в первые годы после революции, также достаточно многочисленны². В ряде

¹ Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. (1917–1938 гг.). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973. 472 с.; Интеллигенция и революция. XX век. Сборник статей / отв. ред. К.В. Гусев. М.: Наука, 1985. 334 с.

² McClelland James C. The Professoriate in the Russian Civil War // Party, State, and Society in the Russian Civil War: Exploration in Soviet History / Ed. D.P. Koenker,

работ, основанных на местных архивных материалах, исследована история создания и функционирования университетов в провинции в первые годы советской власти³, а также деятельность в них отдельных ученых⁴. Собранный региональными историками обширный

W.G. Rosenberg, R.G. Suny. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1989. P. 243–266; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. Состав и юридический статус учебных заведений. М.: Институт истории СССР, 1991. 392 с.; *Он же.* Студенчество России конца XIX — начала XX в.: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.; *Аврус А.И.* История российских университетов: Очерки. Саратов: Гос. учеб.-науч. центр «Колледж», 1998. 126 с.; *Фомичев И.В.* Школа и просвещение в России в условиях войны и революции. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2001. 338 с.; *Сафронов П.А.* «Чутко отразились все требования революции»: советский университет в 1920–1930-е годы // Вопросы образования. 2010. № 4. С. 182–196; и др.

³ *Кертман Л.Е., Васильева Н.Е., Шустов С.Г.* Первый на Урале. Пермь: Кн. изд-во, 1987. 234 с.; *Лебедева Е.В.* Научно-исследовательская деятельность Самарского государственного университета. 1918–1927 гг. Самара: Б.и., 2000. 73 с.; *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. 498 с.; *Ермаков А.М.* Первые шаги Ярославского педагогического института (1918–1924 гг.) // История ЯГПУ за 100 лет. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. С. 37–119; *Ерегина Н.Т.* Медицинский факультет Ярославского университета: несостоявшаяся судьба (1919–1924 гг.) // Новый исторический вестник. 2009. № 21. С. 20–31; *Канищев В.В., Будюкина Н.Н.* Трудный старт. К истории Тамбовского государственного университета 1918–1921 гг. // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 4 (120). С. 9–22; *Каиш М.В.* Из истории становления университетского образования в советской провинции // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 256–272; *Бушуева Л.А.* 1917 год в жизни университетского сообщества Казани // «Гасыпар авазы — Эхо веков». 2017. № 1/2. С. 6–17; *Левина Т.А., Чуйков Ю.С.* К истории первого Астраханского университета (первый выпуск медицинского института имени А.В. Луначарского) // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 4 (42). С. 108–120; и др.

⁴ *Белявский М.Т., Сукаев А.Г.* Новые материалы о М.Н. Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области // Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 129–134; *Соболев В.С.* Отчет академика В.Н. Перетца о своей деятельности в первые годы революции (1918–1923) // Труды Отдела древнерусской литературы. Вып. XLV. Л.: Изд-во АН СССР, 1992. С. 30–33; *Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А.* Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: ООО «Офорт», 2007. 168 с.; *Фокин С.И.* «Интерес мой к области растет». Короткая жизнь зоолога Д.М. Дьяконова (1893–1923) // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 4. С. 23–43; *Гапоненков А.А.* Философ в провинции. С.Л. Франк и его окружение в годы революции и Гражданской войны в Саратове. Из летописи событий 1917–1921 годов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2019. 304 с.; *Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я.* «Теперь ра-

фактический материал нуждается в обобщении, т. к. неизученным остается значение динамики профессорско-преподавательских кадров в провинции для развития образования и науки на местах, почти не освещены такие важные аспекты проблемы, как характер и результаты совместных усилий представителей науки центра и местных научных сообществ по созданию новых составляющих научной инфраструктуры, а также роль и значение деятельности в провинции и ее результатов для дальнейшей научной карьеры ученых, пребывавших на периферию в первые послереволюционные годы.

В свою очередь, исследования такой важной составляющей части организации науки, как научные общества, в основном носят коммеморативный характер. Преимущественно исследуются только крупные общества всероссийского и всесоюзного масштаба⁵, а те общества, которые создавались и активно действовали в провинции в первые послереволюционные годы, оставались за пределами внимания исследователей. Вопросы вовлечения в работу провинциальных научных обществ и местных отделений всероссийских научных обществ ученых, прибывших из центра после Октябрьской революции, также не получили освещения.

бота, прежде всего работа особенно нужна для России...» (А.А. Рихтер в 1917–1923 годы в Пермском университете) // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 29–34; и др.

⁵ Берг Л.С. Всесоюзное Географическое общество за сто лет. М.-Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М, 1946. 263 с.; Орешкин В.В. Вольное Экономическое общество в России: Историко-экономический очерк. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 195 с.; Соловьев С.П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук. К 150-летию со дня основания (1817–1967). Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1967. 232 с.; Кричко В.А. Продолжая традиции... (К 125-летию Русского технического общества). М.: Знание, 1991. 62 с.; Соловьев С.П., Доливо-Добровольский В.В. История Всесоюзного минералогического общества и его роль в развитии геологических наук. СПб.: Наука, Санкт-Петербургское отд-ние, 1992. 333 с.; Жамойда А.И., Алексеев А.С., Розанов А.Ю., Суяркова А.А. Палеонтологическому обществу России — 100 лет. Исторический очерк. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2016. 243 с.; Камелин Р.В. Русскому ботаническому обществу — 100 лет // Ботанический журнал. 2016. Т. 101. № 1. С. 3–12; Публичный статус российской химии. Русское химическое общество: история и традиции / под ред. Е.А. Баум, Т.В. Богатовой. М.: Янус-К, 2019. 350 с.; Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.): в 3 тт. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 588+688+272 с.; и др.

Тем не менее в последние годы стали появляться исследования, посвященные малоизвестным страницам истории науки и образования в первые годы советской власти. Так, отдельные вопросы миграции ученых в первые послереволюционные годы исследовались А.Н. Еремеевой в ее монографии 2017 г.⁶ В этой работе преимущественно изучены южные и восточные регионы страны, которые долго находились под властью несоветских режимов. Автор попыталась реконструировать практики выживания ученых в условиях противостояния, преодоления физической, материальной и психологической угроз. Проблемы самоидентификации и самоорганизации академического сообщества в годы Гражданской войны рассматривались в ряде работ известным историком науки Э.И. Колчинским⁷.

Таким образом, актуальным представляется исследование взаимодействия центра и провинции в деле организации высшего образования, привлечения молодежи к научной работе и формирования нового научно-образовательного пространства в первые годы советской власти.

Авторы предлагаемой вниманию читателей настоящей монографии в течение ряда лет вели работу по выявлению и изучению источников по данной теме в ряде архивных учреждений и библиотек Санкт-Петербурга и Москвы. Одним из результатов этой деятельности стали подготовленные авторами исторические очерки, которые и стали основой этой книги. Все очерки объединены в двух основных блоках издания: «Деятельность научных центров» и «Трансформация провинциального научного сообщества».

В первую часть книги вошли очерки, подготовленные на основе материалов по истории деятельности одного из главных научных центров страны — Российской академии наук, ее учреждений и структур. Вторую часть составили очерки, в которых анализируются изменения, происходившие в научном сообществе на местах.

⁶ Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И., 2017. 208 с.

⁷ Колчинский Э.И. Российская академия наук и Гражданская война: в поисках путей выживания // Мавродинские чтения 2018: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 547–551; Колчинский Э.И., Синельникова Е.Ф. Самоорганизация российской науки в годы кризиса, 1917–1922 гг. СПб.: Скифия-принт, 2020. 276 с.

Авторы очерков ставили перед собой несколько непростых задач. Была предпринята попытка отразить и объективно оценить некоторые важные аспекты и результаты исторического процесса:

1. На основе выявленных архивных источников показать эволюцию традиционных взаимоотношений сотрудников научных центров страны со своими коллегами на периферии в первые годы советской власти. В частности, оценить влияние позиции советской власти, впервые в истории России, декларировавшей необходимость проведения культурной революции.
2. Проанализировать качественные изменения в развитии культуры и образования на местах, возникшие в результате значительного повышения уровня социальной и профессиональной активности периферийной интеллигенции.
3. Рассмотреть некоторые наиболее яркие и радикальные формы и методы деятельности и ее результатах, возникших в ходе взаимодействия «двух ветвей» культуры и образования в первые годы советской власти.
4. Отметить повышение активности ученых — представителей центра по оказании всемерной помощи местным коллегам. Оценить значение миграции отдельных ученых и результаты их научных командировок.
5. Дать оценку результатам совместных усилий научных работников центра и провинции по формированию качественно нового научно-образовательного пространства в стране.

Полагаем, что монография сможет внести свой скромный вклад в историографию истории отечественных науки и образования первых послереволюционных лет.

ЧАСТЬ 1.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ

1.1. Зоологический музей Академии наук в первые годы советской власти

К началу Октябрьской революции 1917 г. в Российской академии наук насчитывалось пять музеев. Это были старейшие и авторитетные научные учреждения страны, всероссийские центры музейной работы. Они занимали важное место в системе академических учреждений и руководство Академии наук придавало большое значение организации их деятельности, особенно в плане продолжения и развития вековых просветительских традиций Академии. На наш взгляд, далеко не случайным было то обстоятельство, что в «Записке русских ученых о необходимых мероприятиях для сохранения и поддержания научной работы», направленной Академией наук весной 1920 г. в Советское правительство, в частности, говорилось и о необходимости развития музейного дела в Академии наук для просвещения «неподготовленных кругов народа», о роли музеев «в спасении и сохранении научного и культурного наследия»⁸.

⁸ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1-1920. Д. 7. Л. 3-4.

Достойное место среди академических музеев занимал Зоологический музей. Начало Зоологическому музею следует искать в петровской Кунсткамере. Самостоятельным он стал в 1832 г. В музее были отделения: «Млекопитающих», «Орнитологии», «Геронтологии», «Ихтиологии», «Энтомологии» и шесть отделений «Беспозвоночных». Основной фонд музея составляли коллекции общим числом около 3 миллионов экземпляров (в т.ч. свыше 150 тыс. «экземпляров позвоночных»). Музей решал задачи изучения и популяризации зоологии, в особенности, фауны нашей страны и сопредельных государств, распространения сведений по зоологии среди широких слоев населения. Экспозиции были открыты для посещения 5 дней в неделю. При музее были созданы лаборатории: Техническая и Энтомологическая. Библиотека Зоологического музея составляла 30 тыс. томов.

Зоологический музей, вместе с другими академическими музеями, стал одним из первых учреждений культуры России, которые откликнулись на призыв Советского правительства к сотрудничеству. Даже в самые тяжелые моменты гражданской войны он продолжал выполнять свои основные функции. В частности, продолжалось комплектование его фондов. Эта работа проводилась в трудных условиях разрухи на путях сообщения и в связи, в условиях политики военного коммунизма, при отмене товарно-денежных отношений в стране, когда успех обеспечивался, прежде всего, энтузиазмом и профессионализмом музейных работников, помощью актива на местах. Так, весной 1920 г. сотрудниками Зоологического музея был предпринят ряд экспедиций: Н.М. Тюлин выезжал в низовье Волги для сбора птиц; Е.К. Боброва в Баку для сбора животных; С.М. Пергамент — в Саратовскую губернию по сбору жесткокрылых и др.⁹ В марте 1920 г. дирекция Зоологического музея обратилась в Петроградский отдел народного образования с просьбой выделить простейшее оборудование и продовольствие для того, чтобы открыть Зоологическую станцию на Сестрорецком побережье Финского залива, т. к. «пора возобновлять экскурсионные¹⁰ работы своих сотрудников»¹¹. Летом 1920 г. Зоологический музей, при содействии Наркомпроса, предпринимал энергичные меры к спасению и передаче в музей ряда ценных собра-

⁹ СП6Ф АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4. Л. 33, 36, 50.

¹⁰ «Экскурсионные» — в то время имело и смысл — «экспедиционные».

¹¹ СП6Ф АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 167. Л. 15.

ний: лепидоптиерологической коллекции¹² В.Н. Всеволожского из его бывшего имения Рябово Петроградской губернии, энтомологической коллекции¹³ В.А. Кизерицкого из Петроградского Реального училища, энтомологической коллекции С.Н. Радионова из Иркутска и др.¹⁴

Наше внимание привлек один очень любопытный документ — «Отчет по сбору естественно-исторических коллекций, произведенный в 1920 г. Гидрографической экспедицией Восточного океана» — отложившейся в архивном фонде Зоологического музея¹⁵. Оказывается, небольшая экспедиция под руководством А.Н. Покровского летом 1920 г. на транспортном корабле «Охотск» вела сбор коллекций и научные наблюдения, продвигаясь вдоль Восточного побережья Камчатки. «Охотск» являлся старым, уже списанным судном, на нем удалось оборудовать каюту-лабораторию, где проводилось «консервирование» добытых тралом животных, снятие шкурок и набивка чучел. В распоряжении экспедиции было три трала: «Бим-трал», «Большой Сигзби» и «Малый китайский». Кроме того, попутно собирались гербарии и велись научные наблюдения за температурой и удельным весом воды, воздушными потоками и др. В целом, «Отчет» может стать основой для захватывающего приключенческого рассказа — о том, как в сложнейших условиях «Охотск» пересек Японское и Охотское моря, как встретило отважных ученых побережье Камчатки, о том, как попутно была еще оказана помощь вспомогательному крейсеру «Командор Беринг», который потерпел аварию (к отчету приложена и фотография полузатонувшего «Беринга»). За время этой экспедиции было собрано 430 экз. растений (200 видов), 22 шкурки животных, 37 образцов горных пород и др. В стране еще полыхала Гражданская война, но многие научные сотрудники музеев продолжали свою работу, сохраняя верность долгу.

Новые поступления в Зоологическом музее активно использовались в научно-исследовательской работе, ими дополнялись стационарные экспозиции и на их основе строились выставки. Так, в начале 1920-х гг. в музее были созданы и функционировали несколько вы-

¹² Коллекция ископаемых чешуйчатых млекопитающих.

¹³ Коллекция насекомых.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4. Л. 24-26.

¹⁵ Там же. Д. 166. Л. 86-101.

ставок: по истории музея, «Фауна озер России», «Колибри и райские птицы», «Антропоморфные обезьяны», «Энтомологическая» и др.¹⁶

Одним из главных показателей музейной деятельности была и остается посещаемость. Проведенный нами анализ данных о динамике посещаемости Зоологического музея, свидетельствует о том, что к середине 1920-х гг. музею удалось достичь самого высокого ее уровня, зафиксированного ранее, в 1913 г.¹⁷:

Годы	Местные	Иногородные	Рабочие и служащие	Военнослужащие	Всего
1913	19546	6947	–	7670	94241
1917	5259	1270	–	3726	81456
1918	845	–	–	–	4228
1919	17119	5510	–	348	35889
1920	11202	9464	–	595	31665
1921	4004	2666	504	689	12533
1922	9470	1097	45	1100	32361
1923	28028	2636	1681	4027	83889
1924	24743	1135	1287	2837	66414
1925 за 6 мес.	21412	1447	1515	1921	48826

Заметим, что в подготовленной нами и приводимой выше таблице удалось обобщить сведения и о социальном составе посетителей музея, что само по себе достаточно интересно.

Следует отметить, что Зоологический музей, как и все другие музеи Академии наук, долгие годы был открыт для бесплатного посещения. Первые попытки изменить подобное исторически-сложившееся положение были предприняты после введения в стране новой экономической политики. Отдел музеев Наркомпроса в декабре 1922 г. обратился к руководству Академии наук с предложением «о введении в музеях платности за посещения». Этот вопрос тогда был передан в дирекции самих музеев на заключение, и сами музеи «выразили желание о сохранении бесплатности»¹⁸. Только после того, как бедственное материальное положение академических музеев достигло преде-

¹⁶ Там же. Д. 449. Л. 8-8 об.

¹⁷ Там же. Л. 29.

¹⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1а-1923. Д. 172. § 2.

ла и началось систематическое сокращение их штатной численности, в мае 1923 г. было принято решение Общего собрания Академии наук и, наконец, была «введена платность за посещение музеев»¹⁹.

Внимания историка науки заслуживает и опыт издательской деятельности Зоологического музея. С 1896 г. выходил «Ежегодник Зоологического музея Академии наук», объем одного тома составлял около 40 авторских листов. С 1911 г. музеем издавался сборник «Фауна России и сопредельных стран», объем каждого сборника составлял около 20 авторских листов. В советское время было продолжено издание этих упомянутых традиционных научных трудов.

Для популяризации научных знаний большое значение имели музейные издания другого типа: путеводители, пособия, инструкции и др. В 1917 г. было подготовлено к печати уже 5-е издание «Путеводителя по Зоологическому музею». В первой половине 1920-х гг. было выпущено 12 различных выпусков «Наставлений для собирания зоологических коллекций», причем, эти научно-методические пособия имели большой спрос и неоднократно переиздавались. К 200-летию Академии наук музеем была издана брошюра с описанием экспозиций и коллекций (тиражом — 2000 экз.). Упомянутая выше богатая библиотека музея была «открыта для сторонних читателей» ежедневно, с 11.00 до 16.00 (кроме субботы)²⁰.

Здесь следует сказать о том, что все упомянутые научные и научно-популярные издания музеем рассылались бесплатно по заявкам учреждений и организаций во все концы России, и это было в духе давних академических традиций. Так, в феврале 1920 г. Череповецкому музею местной природы по его просьбе были высланы несколько экземпляров «Ежегодника Зоологического музея» и томов «Фауны России»²¹. В марте того же года Общеобразовательным советским курсам в г. Юрьеве-Польском был направлен «комплект инструкции для собирания зоологических коллекций»²². В январе 1921 г. музей выслал свои издания «Станции по борьбе с вредителями растений» Киевскому губземотделу²³, а в апреле того же года Орловскому уни-

¹⁹ Там же. § 89.

²⁰ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 166. Л. 141.

²¹ Там же. Д. 4. Л. 15.

²² Там же. Л. 30.

²³ Там же. Д. 168. Л. 167.

верситету были отправлены «все выпуски» «Ежегодника Зоологического музея» и сборника «Фауна России»²⁴.

Руководство музея оказывало действенную помощь учреждениям и общественным организациям, которые в своей учебной и просветительской деятельности использовали музейные формы работы. Так, в мае 1920 г. Уральскому горному институту были предоставлены «зоологические и энтомологические коллекции для оборудования кабинетов и лабораторий»²⁵. В сентябре того же года музей выделил ряд дублетных экспонатов и препараты для оборудования «Естественно-исторического кабинета» Отдела народного образования Кронштадтского Совета²⁶. В конце 1921 г. кружку «Любителей естествознания» в Старой Руссе так же были предоставлены «несколько экземпляров животных»²⁷. Таким образом, Зоологический музей вносил конкретный вклад в традиционную просветительскую деятельность Академии наук.

Музей одним из первых в России развивал в своих стенах передовые технологии, которые обеспечивали его основную деятельность. В первой половине 1920-х гг. в нем были созданы и функционировали таксидермическая мастерская и фотолаборатория; постоянно велись работы по улучшению состояния обеспечения сохранности экспонатов. Фондовые помещения (или как тогда говорили «магазинные помещения») оборудовались новыми шкафами, стеллажами и др.

В те годы сотрудникам Зоологического музея были присущи замечательные черты, характерные для представителей российской интеллигенции: насущная потребность активного участия в развитии науки и культуры; осознание необходимости просвещения народных масс; подлинный демократизм — живые и непосредственные связи с самой «глубинкой» огромной страны, наличие неформального актива в самых отдаленных уголках России. Так, внештатный сотрудник Зоологического музея А.А. Емельянов писал в январе 1921 г. в музей, что с 1917 г. проведение работ для пополнения зоологических коллекций было невозможным, но теперь «возобновляю работы, поселяюсь в тайге на границе с Китаем», энтузиаст сообщал и свой адрес: «Урочище Славянки Приморской области»²⁸. Члены Южно-Уссурий-

²⁴ Там же. Д. 5. Л. 43.

²⁵ Там же. Д. 4. Л. 49.

²⁶ Там же. Д. 167. Л. 224-224 об.

²⁷ Там же. Д. 5. Л. 59.

²⁸ Там же. Д. 243. Л. 72-73.

ского отделения Русского географического общества (г. Никольск Уссурийский) писали в феврале 1922 г. в Зоологическом музее, что рады возобновить сотрудничество, т. к. это позволяет «сравнительно налаженная в настоящее время работа почты» и выслали свои издания²⁹.

В то же время работа сотрудников Зоологического музея, как, впрочем, и всех служащих в Академии наук, в первые годы советской власти осуществлялась в сложных материальных условиях, которые вполне соответствовали трудному периоду истории страны. Вообще, сами по себе возможности музея в то время были очень скромными. Так, в 1922 г., согласно штатному расписанию, был всего 31 научный сотрудник и 16 — научно-технических сотрудников³⁰. Но нестабильные бюджетные ассигнования вынуждали и эту очень небольшую штатную численность сокращать. Так, в 1922 г. ее пришлось сокращать трижды.

Материальное обеспечение и научной работы, и самих музейных сотрудников к концу Гражданской войны достигло такого «предела минимальности», что драматизм этой ситуации продолжает волновать нас и сегодня. В январе 1920 г. Совет Зоологического музея рассматривал вопрос распределения продовольственных пайков, при этом указывалось, «что их выделено только на одну треть всего научного персонала». Совет музея тогда постановил, выбор кандидатов на паек «произвести закрытой подачей записок» (то есть тайным голосованием)³¹. В марте 1920 г. Правление Академии наук потребовало от дирекции Зоологического музея письменное объяснение факту нарушения финансовой дисциплины — а именно, по факту приобретения «на частном рынке» двух коробок спичек. Дирекция в объяснении указывала, что «спички приобретены музеем из частных рук, т. к. Губсовнархоз не смог удовлетворить неоднократные просьбы музея о выделении спичек»³². 3 июня 1920 г. Совет Зоологического музея собрался со специальным письмом в «Комиссию по улучшению быта ученых» (КУБУ) с просьбой «зачислить первыми кандидатами на получение обуви следующих сотрудников»³³: мужской — Н.Я. Кузнецова, Л.В. Бианки; женской — Е.Н. Покровскую.

²⁹ Там же. Д. 171. Л. 384.

³⁰ Там же. Д. 170. Л. 11.

³¹ Там же. Д. 4. Л. 1.

³² Там же. Д. 167. Л. 59.

³³ Там же. Д. 166. Л. 209.

В течение всего 1920 г. «Секция пищевых и вкусовых веществ» Петроградского Совнархоза неоднократно отказывала Зоологическому музею «в отпуске крахмальной муки за неимением таковой», а мука эта была крайне необходима музею для изготовления клея³⁴.

Архивные источники донесли до нас сведения еще об одном штрихе взаимоотношений Зоологического музея со своим активом на местах в те годы, и эти события были полны подлинного драматизма. Речь идет о том, что руководство музея было вынуждено неоднократно обращаться в различные государственные органы с просьбами облегчить участь своих коллег, арестованных и лишенных свободы в различных «градах и весях» России. В самой переписке вина арестованных не означена, и мы не беремся судить об этом, констатируя лишь то, что дирекция музея ходатайствовала за активных своих помощников. В январе 1921 г. она обратилась в ВЧК с просьбой освободить внештатного сотрудника А.П. Штакельберга «заклученного в Андроневский концлагерь»³⁵, в ноябре того же года ушло письмо в «Бийский дом лишения свободы», в нем ходатайствовали за священника Н. Соколова, который ранее «оказывал чрезвычайные услуги научным экспедициям Зоологического музея»³⁶; в январе 1922 г. просили за В.Ч. Дорогостайского, арестованного в Омске, при этом указывали, что он имеет крупные заслуги перед Зоологическим музеем»³⁷ и др. Вот так в «горниле» тех суровых лет проходила испытания давняя дружба, основанная на служении науке.

Зоологический музей являлся значительным явлением в истории отечественной науки и культуры, одним из конкретных воплощений в жизнь вековых, просветительских традиций Академии. В первое десятилетие Советской власти музей, несмотря на крайне сложные исторические условия, успешно сохранял и развивал эти традиции.

В результате деятельности сотрудников музея в рассмотренный нами период, ими был накоплен интересный опыт музейного строительства, развивалась методика музейного дела, применялись разнообразные формы и методы основной деятельности. Этот опыт

³⁴ Там же. Д. 167. Л. 86-87.

³⁵ Здесь речь шла о Спасо-Андрониевском монастыре в Москве, где жил, творил и был погребен Андрей Рублев, в то время монастырь был «переоборудован» под концлагерь. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 168. Л. 61.

³⁶ Там же. Л. 36.

³⁷ Там же. Д. 169. Л. 318.

до настоящего времени не утратил своего научного и практического значения и нуждается в глубоком исследовании.

Музейным работникам в те годы были присущи высокий профессиональный уровень, преданность делу и энтузиазм. Сегодня изучение и обобщение исторических фактов об этом также имеет важное значение в плане воспитания кадров науки и культуры на лучших традициях наших предшественников.

1.2. Музей антропологии и этнографии Академии наук в 1917—1922 гг.

Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого, являлся к 1917 г. одним из лучших в мире музеев общечеловеческой культуры и единственным, в подобном роде, в России. В его экспозициях были представлены типы культур народов мира, в процессе их эволюции. В первые годы советской власти были открыты для посещения экспозиции 12-ти отделов: «Антропологический», «Доисторической археологии», «Передней и Средней Азии», «Африки», «Южной и Средней Америки» и др. В основном фонде музея насчитывалось более 100 тыс. предметов (3 тыс. коллекций).

В трудных условиях первых лет советской власти музей настойчиво и целенаправленно продолжал свою работу по комплектованию фондов. Приведем некоторые сведения, характеризующие динамику новых поступлений в Музей антропологии и этнографии в данный период истории³⁸:

Годы	Количество новых поступлений
1913	9 702
1919	1 621
1922	2 805
1923	11 007
1925	13 988

В первые годы революции улучшилось состояние материальной базы Музея антропологии и этнографии. К началу Октябрьской ре-

³⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 1-1927. Д. 3. Л. 9-10.

волюции размер экспозиционных площадей составлял 1 860 кв. м., а к 1924 г., за счет выделения дополнительных площадей, этот показатель вырос до 3 970 кв.м.³⁹ Это позволило улучшить всю экспозиционную деятельность музея. Из 190 тыс. экспонатов основного фонда, имевшихся к 1927 г., на экспозициях и выставках удалось разместить 65 тыс. предметов, т.е., 34 % основного фонда было доступно для посетителей музея⁴⁰. В первой половине 1920-х гг. сотрудники Музея антропологии и этнографии построили ряд выставок, имевших широкий резонанс в культурной жизни страны. Назовем некоторые из них: «Искусство Востока», «Буддизм», «История керамики», «Театр Востока», «История серебра», «История Музея антропологии и этнографии» и др.⁴¹

Одним из главных показателей деятельности музеев является посещаемость. Динамика посещаемости Музея антропологии и этнографии в первые годы советской власти выглядит следующим образом⁴²:

Годы	Экскурсанты	Отдельные посетители
1920	563	6 910
1921	3 738	3 300
1922	11 755	6 440
1923	27 547	11 076

Здесь следует отметить одну, на наш взгляд, интересную тенденцию. При общем росте посещаемости музея в первые годы революции, было особенно заметно преобладание организованного посетителя, т.е. экскурсантов. Полагаем, что это свидетельствует и о повышении активности деятельности самого музейного учреждения. В отчете Музея антропологии и этнографии за 1922 г., в частности, указывалось следующее: «для учащейся и рабочей молодежи музей стал подлинной школой по истории культуры. Экскурсии рабочих, красноармейцев, учащихся — наиболее характерный элемент среди посетителей»⁴³. Надо отметить одну существенную деталь — в те годы,

³⁹ Там же. Оп. 1-1924. Д. 1. Л. 7.

⁴⁰ Там же. Оп. 1-1927. Д. 3. Л. 43.

⁴¹ Там же. Л. 44-45.

⁴² Там же. Л. 9-10.

⁴³ Там же. Оп. 1-1922. Д. 3. Л. 14.

как указывалось в отчетах Музея антропологии и этнографии, «громдное большинство экскурсий проводилось бесплатно».

Другой формой популяризации знаний была лекционная деятельность. Музейные работники регулярно выходили с лекциями в коллективы различных организаций и учреждений. Так, в 1921–1922 гг. сотрудники музея читали лекции на курсах Выборгского Совдепа, на политкурсах 7-ой Армии, в Зоологическом саду, в Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева и Коммунистическом университете им. Г.Е. Зиновьева и т.д.⁴⁴

На базе Музея антропологии и этнографии был создан и действовал один из самых первых в СССР «Народный радиоуниверситет». Первое упоминание об этом, выявленное нами в архивных документах, относится к маю 1924 г., тогда среди сотрудников музея зародилась идея создания «системы докладов по Радио». Документы донесли до нас и фамилии энтузиастов: А.М. Мерварт, Н.П. Никитин, М.Ж. Стириус. Было решено разрабатывать циклы лекций, рассчитанные на две основные группы слушателей: «квалифицированные грамотные рабочие»; «менее развитый сельский слушатель»⁴⁵.

Цикл передач готовился Музеем антропологии и этнографии совместно с Ленинградским радиоузлом. Тематика лекций соответствовала специализации и профессиональной направленности музея: «Развитие человеческой культуры» (5 час., Б.В. Вишневский); «На заре культуры» (7 час., Б.Л. Богаевский); «Современные первобытные общества» (9 час., А.М. Мерварт); «Покорение природы» (8 час., Г.П. Блок) и др.⁴⁶

В первые годы советской власти, при крайне сложных финансовых возможностях, осуществлялась и издательская деятельность музея. Выходили в свет «Сборники Музея антропологии и этнографии Академии наук», путеводители по некоторым Отделам музея. По заявкам научных организаций и учреждений Музей антропологии и этнографии бесплатно высылал эту литературу во все концы России.

Сотрудники музея одними из первых в стране пытались развивать у себя современные технические средства обеспечения основной деятельности. В музее были созданы и функционировали фотолаборатория, макетная и муляжная мастерские, в 1925 г. была запущена

⁴⁴ Там же. Оп. 1-1920. Д. 1. Л. 8-9.

⁴⁵ Там же. Оп. 1-1928. Д. 10. Л. 3-4

⁴⁶ Там же. Л. 13.

одна из самых первых в СССР дезинфекционная камера, работавшая на парах формалина. Дирекцией музея решались и сложные вопросы улучшения оборудования фондовых помещений современными стеллажами, шкафами и т.п. Передовой опыт, накопленный в те годы Музея антропологии и этнографии, изучался и использовался провинциальными музейными учреждениями.

В музейном сообществе СССР большой интерес вызывали и плодотворные начинания Музея антропологии и этнографии по развитию научной методики музейной работы. Так, в феврале 1926 г. на заседании Отделения гуманитарных наук АН СССР была утверждена новая «Инструкция для регистрации коллекций в Музее антропологии и этнографии АН СССР» и принято решение об ее издании тиражом в 500 экз.⁴⁷ Во втором параграфе «Инструкции» говорилось, что всякое новое поступление вносится во «Входящую книгу» под соответствующим номером в хронологическом порядке, этот же номер красками или чернилами наносится на этикетку, которая наклеивается на полученный предмет. Всего в «Инструкции» насчитывалось 35 параграфов. В архивных документах имеются конкретные сведения о том, что это «Инструкция» высылалась, в качестве образца, во многие местные музеи.

Одной из традиционных форм работы Музея антропологии и этнографии была научно-исследовательская деятельность. Так, в 1918 г. был создан научный Радловский кружок, которым руководил академик В.В. Бартольд, (свое название кружок получил в память об академике В.В. Радлове, много лет возглавлявшем Музей антропологии и этнографии). За период с 1918 по 1927 г. состоялось 19 общих собраний кружка, на которых было сделано 29 докладов. Кроме того, было проведено 43 заседания правления кружка, где было обсуждено 79 докладов и сообщений, актив кружка составлял около 50 человек⁴⁸.

Следует сказать несколько слов о тех сложных условиях, в которых проходила работа Музея антропологии и этнографии в первые годы советской власти. Так, все эти годы весьма скромными были штатные возможности музея. В 1918–1922 гг. число научных сотрудников составляло всего 15–17 человек⁴⁹. Были трудности, обу-

⁴⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1927. Д. 176. Л. 212.

⁴⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 1-1927. Д. 3. Л. 45-46.

⁴⁹ Там же. Л. 9-10.

словленные Гражданской войной, разрухой народного хозяйства, голодом. В отчетах Музея антропологии и этнографии за 1918–1921 гг., в частности, указывалось, что «музей работал при самых неблагоприятных условиях, т. к. совершенно не отапливался и вплоть до середины июня температура в здании была ниже нуля»⁵⁰.

На фоне всех этих трудностей еще ярче высвечиваются замечательные качества, которые были присущи музейным работникам тех лет, — высокий профессионализм, преданность своему делу, твердая гражданская позиция.

1.3. Комиссия по изучению естественных производительных сил России Академии наук — один из центров пропаганды и распространения научно-прикладных знаний в первые послереволюционные годы

С самого начала взаимоотношений Российской академии наук с советской властью учеными был поставлен вопрос об издании научных трудов. В письме президента Академии наук А.П. Карпинского в Совнарком РСФСР от 17 апреля 1918 г. указывалось: «Чрезвычайно беспокоит Академию вопрос, который в настоящее время не получает разрешения и грозит затормозить научную работу — это вопрос о печатании ее трудов, по одной Комиссии естественных производительных сил лежит без движения до 200 печатных листов работ, имеющих срочный характер»⁵¹.

Уже 28 апреля 1918 г. Академия получила телеграмму от комиссара Литературно-издательского отдела Наркомпроса РСФСР П.И. Лебедева-Полянского о срочном издании трудов КЕПС: «Постановлением Совнаркома Академии наук поручено срочно издать ряд работ, всего двести листов». Копии телеграммы были посланы в Технический совет СНХ Северного района, ведающий петроградскими типографиями, и в Литературно-издательский отдел в Петрограде⁵². В то время для восстановления народного хозяйства, разрушенного в результа-

⁵⁰ Там же. Оп. 1-1920. Д. 1. Л. 8.

⁵¹ Документы по истории Академии наук СССР, 1917–1925 гг. / Отв. ред. Б.В. Левшин. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1986. С. 58.

⁵² Там же. С. 70–71.

те Первой мировой войны, требовались конкретные данные о природных богатствах, полезных ископаемых, климатических условиях, о наиболее дешевых способах добычи и использования природных богатств. Поэтому послереволюционная деятельность КЕПС была начата с выпуска в 1918–1921 гг. серии брошюр «Естественные производительные силы».

Брошюры этой серии объединялись в тома по предметному признаку, например: том I — «Ветер как двигательная сила», том IV — «Полезные ископаемые», том VI — «Животный мир» и т. д. Так, том «Полезные ископаемые» составили 45 брошюр различных наименований⁵³. Одним из показателей актуальности серии стал тот факт, что позднее, в 1920-е гг., многие из этих работ были переизданы.

Несмотря на все трудности и лишения периода Гражданской войны и иностранной интервенции, издательская деятельность КЕПС продолжалась. Ощущалась острейшая нехватка бумаги, возникали перебои в деятельности типографии, но труды, в которых так нуждались научные и инженерные кадры страны, выходили в свет. Продолжалось издание серии «Естественные производительные силы», параллельно стала выходить другая серия — «Материалы для изучения естественных производительных сил». Это были также небольшие брошюры: «Месторождения плавикового шпата в России» Е.В. Еремина (1919), «Каспийские кильки и их возможное промысловое значение» В.И. Мейснера (1919), «Медь» И.А. Каблукова (1920), «Фосфориты Украины» В.Н. Червинского (1920). Издавалась, кроме того, серия научно-популярных очерков «Богатства России». В нее вошли: «Минеральные воды» А.Д. Стопневича (1920), «Животноводство» Е.Ф. Лискуна (1921), «Хлопок» В.И. Масальского (1921). Публиковались отчеты о работе самой КЕПС.

С 1919 г. именно КЕПС возобновила выпуск широко известного журнала «Природа». Он является старейшим отечественным научно-популярным журналом. Инициаторами и первыми редакторами его в 1912 г. были известные ученые В.А. Вагнер и А.В. Писаржевский. Можно сказать, что «крестным отцом» журнала был А.П. Чехов. В переписке с В.А. Вагнером он впервые высказал мысль о необходимости такого издания. В первом же номере «Природы», вышедшем после революции, были помещены статьи видных ученых. В одном из выпу-

⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 18. Оп. 2. Д. 10. Л. 26–28.

сков академик А.Е. Ферсман писал о трудном историческом моменте, переживаемом страной, но выражал твердую уверенность в ее светлом будущем: «Законы истории неумолимы, великие нации слишком жизненны, а культурные завоевания и идеи бессмертны, и стране, имевшей Мечникова, Ковалевского, Менделеева, Федорова, не может и не должно быть страшно за будущее своей культуры»⁵⁴. В 1919 г. были напечатаны девять номеров «Природы».

С момента выхода в свет этих журналов прошло более 100 лет, но сегодняшнего читателя буквально поражают высокая научность и актуальность некоторых статей, опубликованных в них.

Вот, например, выдержки из статьи А.П. Семенова-Тян-Шанского «Свободная природа — великий живой музей»: «Создавая и уважая законы всякого разумного общежития, мы не можем не признавать, что на земной поверхности имеет высшее право свободного существования все на ней от века живущее. К тому же жизнь на Земле переплетена и связана такой сложной сетью внутренних взаимоотношений, что мы не имеем ни нравственного права, ни физической возможности нарушать искони установившееся равновесие жизненных сил. Нарушая это равновесие, безудержно гася очаги жизни природы, расхищая и растрачивая ее основной фонд, мы сами себе роим яму, готовим потомству нашему печальное будущее...»⁵⁵.

Приведем еще один фрагмент из статьи другого ученого. В ней Л.С. Берг полемизировал с художественно-философскими взглядами Ф. Ницше: «Ницше высказывает мысль о периодическом повторении всех явлений мира. Но явления мира, в конечном результате, необратимы и, следовательно, неповторимы»⁵⁶.

Журнал служил благородным целям пропаганды научно-технических знаний. Уместно привести характеристику, которую дал в то время изданиям КЕПС непререкаемый секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург: «Здесь в более общедоступной форме даются очерки, тоже по возможности исчерпывающие суть вопросов. Эти из-

⁵⁴ Ферсман А.Е. Памяти Евграфа Степановича Федорова // Природа. 1919. № 4–6. С. 244.

⁵⁵ Там же. С. 214.

⁵⁶ Берг Л.С. Изменчивость явлений и законы природы // Природа. 1919. № 7–9. С. 291–292.

дания не успевают выходить, как уже тотчас расходятся, показывая этим, что они отвечают насущной потребности»⁵⁷.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в первые годы после революции труды КЕПС издавались Академией наук в первоочередном порядке, несмотря ни на какие трудности. Так, в 1920 г. в общем объеме академических изданий 376 печатных листов материалы комиссии составили 142 печатных листа, а за первые пять лет Советской власти было выпущено в свет около 130 различных наименований трудов КЕПС⁵⁸. Достаточно активная издательская деятельность комиссии была обеспечена даже тогда, когда Академия в условиях разрухи народного хозяйства была вынуждена резко сокращать объемы своих изданий в целом. Упомянутые 376 печатных листов Академии 1920 г. составляли только 26,1 % от объема выпуска 1913 г. (в 1913 г. было выпущено 1 434 печатных листа)⁵⁹.

После окончания Гражданской войны, с переходом к мирному строительству, стали постепенно расширяться и издательские возможности Академии наук. Соответственно, возрастали и параметры издательской деятельности КЕПС, большее количество трудов стало выпускаться в упомянутых выше сериях. Кроме того, с 1922 г. начали выходить «Известия» главных научных учреждений, входящих в КЕПС: Института физико-химического анализа, Института изучения платины и других благородных металлов, Сапропелевого комитета и др. При КЕПС были созданы Научно-издательский отдел и Отдел распределения изданий.

Анализ изданий КЕПС, вышедших в первые годы после революции, показывает, что главное внимание уделялось выпуску работ научно-прикладного характера, исследований, обобщавших конкретную информацию, т.е. таких, которые могли быть сразу же использованы научной и инженерной интеллигенцией в сложной и многоплановой работе по восстановлению народного хозяйства. Так, с 1917 по 1926 г. КЕПС было издано около 200 различных наименований работ научно-прикладного характера общим объемом около 1 тыс. печатных листов, 82 номера журнала «Природа» и только 7 монографий⁶⁰.

⁵⁷ Ольденбург С.Ф. Работа Российской академии наук за последние три года 1917–1919 // Наука и ее работники. 1920. № 1. С. 8

⁵⁸ Подсчитано автором: СПбФ АРАН. Ф. 18. Оп. 2. Д. 2, 10.

⁵⁹ Там же. Д. 216. Л. 7.

⁶⁰ Подсчитано автором.

В первой половине 1920-х гг. КЕПС вела активную работу по распространению научных знаний в стране и высылала свои издания 329 местным научным учреждениям и организациям⁶¹. Причем в те годы уровень «охвата» академическими изданиями «своего читателя» был в достаточной мере высок; надо иметь в виду, что на всей территории СССР (без Москвы и Ленинграда) по состоянию на 1 января 1927 г. было зарегистрировано только 11 197 научных работников⁶².

Приведенный нами фактический материал позволяет сделать вывод о том, что Российской академии наук в сложных условиях первых лет советской власти удалось сохранить и развивать свою важную традиционную деятельность по пропаганде и распространению в России научных и научно-прикладных знаний.

1.4. Центральное бюро краеведения Академии наук — центр организации краеведческого движения в стране в 1920-е гг.

Отличительной чертой российского краеведения первой трети XX столетия была тесная взаимосвязь с «большой наукой», с академическими учреждениями и учеными. Этот существенный фактор способствовал внесению в краеведческую работу научно-методических принципов и приданию ей подлинно научного характера. В первые годы советской власти краеведческое движение продолжало развиваться еще более высокими темпами, чем в дореволюционный период, и стало неотъемлемой частью общественной, культурной и научной жизни страны. Именно краеведение многие представители российской интеллигенции считали важной формой проявления творческой инициативы и, в известной степени, свободы личности в условиях установленной «диктатуры пролетариата». Тысячи из них считали краеведческую работу одной из главных форм сотрудничества с советской властью в деле революционного преобразования России.

Руководящий орган российских краеведов — Центральное бюро краеведения (ЦБК) — было создано в начале 1922 г. и до 1925 г. на-

⁶¹ Постоянная комиссия по изучению естественных производительных сил СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 21.

⁶² Наука и научные работники СССР: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Ч. 6. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 748–749.

ходило в ведении Российской Академии наук, а позднее был переведено в непосредственное ведение Главнауки Наркомпроса РСФСР. Председателем ЦБК с 1922 по 1927 г. являлся непреременный секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург.

Еще до создания ЦБК идея возможности координации Академией краеведческого движения более конкретно была сформулирована в обращении Съезда естественно-исторических обществ ряда среднерусских городов (Вологда, Переславль-Залесский, Шуя и др.), который обсуждался на Общем собрании Академии в октябре 1920 г. В этом документе выражалась надежда, что «Академия наук возьмет под свое руководство работы по исследованию родной природы»⁶³.

В августе 1921 г. на одном из заседаний коллегии Академического центра Наркомпроса был создан Организационный комитет Всероссийских научных обществ и учреждений по изучению местного края и решено начать работу по организации и проведению I Всероссийской конференции краеведов. Председателем оргкомитета был назначен заведующий Управлением научных учреждений Академического центра И.И. Гливенко⁶⁴.

Академия наук приняла активное участие в этой деятельности. Решением Общего собрания от 9 ноября 1921 г. представителем Академии на конференцию был избран непреременный секретарь С.Ф. Ольденбург⁶⁵. От имени Академического центра Наркомпроса в местные краеведческие организации было разослано специальное обращение с предложением принять участие в I Всероссийской конференции краеведов, которую решено было созвать в середине декабря 1921 г. в Москве. В обращении, в частности, указывалось, что с 1918 г. в российской провинции был создан целый ряд научных обществ, что «русская революция, пробудившая дремавшие народные творческие силы, проявилась также и в сильном развитии научной и научно-организационной деятельности»⁶⁶. Кроме того, на места были разосланы программа конференции, анкеты для участников и приглашения, где указывалось, что заседания пройдут в Отделе съездов Наркомпроса (Малый Харитоньевский пер., 4), что «помещением

⁶³ СП6Ф АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1920. Д. 168. § 127.

⁶⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1-1920. Д. 1. Л. 311-311 об.

⁶⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1-1921. Д. 169. § 156.

⁶⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1-1920. Д. 1. Л. 311-311 об.

и довольствием на время конференции, а также обратным проездом делегаты будут удовлетворены».

Конференция состоялась с 12 по 20 декабря 1921 г., на ней было принято решение о создании Ассоциации научных учреждений, обществ и отдельных ученых Республики, возглавлять которую должна была Российская академия наук. Следует подчеркнуть, что на период до создания упомянутой ассоциации в январе 1922 г. было учреждено ЦБК при Российской академии наук. Опережая ход событий, отметим, что ассоциация так и не была создана и ЦБК при Академии наук функционировало до января 1925 г.

С докладом на конференции выступил нарком просвещения А.В. Луначарский. Он, в частности, сказал: «Наша гигантская, необъятная страна была плохо изучена и еще теперь мало известна ее подлинному хозяину, трудовому народу. Нужно эту работу поставить как можно тщательнее во всех областях»⁶⁷. Для историка важно, что во главу угла при организации общероссийского краеведческого центра наркомом тогда ставились идеи демократичности, добровольности и свободы научного творчества краеведов: «Со всех этих точек зрения ясно, что нужно призвать общественные силы, потому что никаким бюрократическим путем этого сделать нельзя»⁶⁸.

На конференции ряд представителей местных организаций ставили вопросы о многочисленных фактах уничтожения памятников истории и культуры, и именно с созданием Всероссийского центра краеведческого движения они связывали свои надежды на улучшение положения с охраной памятников. Так, доклады делегатов ряда сибирских городов «нарисовали ужасную картину разгрома многих отделений Русского географического общества, конфискации музеев и библиотек и передачи их в руки людей, совершенно не понимающих того, что им передали»⁶⁹.

В первый состав ЦБК, избранный в январе 1922 г., вошло 29 человек, среди них ученые С.Ф. Платонов, С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман,

⁶⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 33. Л. 1 об.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Святский Д. Первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края // Наука и ее работники. 1922. № 2. С. 20.

Ю.М. Шокальский и др. Причем структурно ЦБК разделялось на два отделения: Петроградское и Московское⁷⁰.

14 января 1922 г. Общее собрание Академии наук, заслушав доклад академика А.Е. Ферсмана о I Всероссийской конференции краеведов, решило: «Признать желательным единение работы Академии наук с краеведческими организациями»⁷¹.

16 февраля 1922 г. состоялась 1-я сессия ЦБК, на которой был избран президиум бюро. В него вошли: почетный председатель — Д.Н. Анучин, председатель — С.Ф. Ольденбург, заместитель председателя — В.В. Богданов (он же стал руководителем Московского отделения Центрального бюро краеведения), товарищи председателя — А.Е. Ферсман, Ю.М. Шокальский, А.П. Павлов, Т.П. Кравец⁷². В последующие годы и состав ЦБК, и состав президиума неоднократно изменялись.

С осени 1922 г. по смете Академии наук было предусмотрено финансирование и штатов ЦБК в количестве двух единиц — ученого секретаря и научного сотрудника⁷³. В должности ученого секретаря ЦБК Общим собранием Академии наук был утвержден Д.О. Святский. С этого же времени Академия начала финансировать и всю основную деятельность ЦБК. Так, в декабре 1922 г. были выделены 35 тыс. руб. для приобретения части тиража «Сборника программ школьных наблюдений за природой», все книги были затем бесплатно разосланы в местные краеведческие организации⁷⁴. В это же время ЦБК были выданы 200 тыс. руб. (в денежных знаках 1922 г.) на расходы, связанные с печатанием первого номера журнала «Краеведение»⁷⁵.

Этот номер удалось выпустить в свет только в мае 1923 г. В редакционной статье журнала указывалось, что ЦБК при Российской академии наук впервые предоставлено право широко и планомерно координировать краеведческую работу в России⁷⁶.

⁷⁰ Центральное бюро краеведения (Информационное сообщение) // Краеведение. 1923. № 1. С 46–47.

⁷¹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. 1 а-1922. Д. 170. § 21.

⁷² Центральное бюро краеведения (Информационное сообщение) // Краеведение. 1923. № 1. С. 47.

⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1922. Д. 1. Л. 383.

⁷⁴ Там же. Л. 498.

⁷⁵ Там же. Л. 507.

⁷⁶ От редакции // Краеведение. 1923. № 1. С. 1.

«Положение о Центральном бюро краеведения при Российской академии наук» было утверждено на 4-й сессии ЦБК, проходившей 27–30 марта 1923 г. В §1 «Положения» говорилось: «В целях установления учета совершающейся на местах краеведческой работы, ее общего направления и координации, а также содействия обществам, кружкам, музеям, архивам, библиотекам и другим организациям краеведения и отдельным лицам в их научной работе и представительстве интересов краеведения перед высшими государственными и другими учреждениями при Российской академии наук состоит ЦБК»⁷⁷. Таким образом, центральный координирующий орган — ЦБК, созданное при Российской академии наук, должно было по замыслу его организаторов способствовать прежде всего решению двух основных проблем — просвещению широких масс и развитию научной, творческой деятельности на местах.

В феврале 1924 г. ЦБК представил руководству Академии отчет о своей деятельности за период, истекший с момента его организации (с января 1922 г.). За это время было проведено 82 заседания, вышло в свет два номера журнала «Краеведение», подготовлены и опубликованы два сборника статей: «Вопросы краеведения» и «Краеведение в России». Кроме того, к моменту представления отчета были подготовлены к печати следующие научные труды: журнал «Краеведение» № 3, сборник «Краеведение и школа» и «Методическое руководство для изучения местного края»⁷⁸. За этот же период времени сотрудники ЦБК неоднократно выезжали в командировки для оказания практической помощи местным организациям. Как видим, результаты научно-организационной и научно-методической работы ЦБК, со штатным составом в два человека, были значительны и полезны.

После окончания Гражданской войны, с наступлением мирного времени краеведческое движение в стране набирало силу и размах. ЦБК к марту 1923 г. располагало сведениями о том, что в России (кроме городов Москвы и Петрограда) было зарегистрировано 231 краеведческое общество, имелось 285 местных музеев, 21 биологическая станция, 16 заповедников⁷⁹. После образования СССР

⁷⁷ Положение о Центральном бюро краеведения при Российской академии наук // Краеведение. 1923. № 2. С. 209.

⁷⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 25. Л. 24.

⁷⁹ ЦБК (Информационное сообщение) // Краеведение. 1923. № 1. С. 47.

ЦБК предпринимало усилия по оказанию научно-методической помощи краоведам союзных республик. Соответственно функции ЦБК при Академии наук усложнялись.

Приведем некоторые данные из отчета, представленного ЦБК руководству Академии наук о деятельности за май-июль 1924 г. Для оказания помощи краеведческим организациям члены бюро выезжали в следующие командировки: Д.О. Святский — в Воронеж, Курск, Дмитров (Курской губ.), И.М. Гревс — в Полтаву, А.А. Спицын — в Ям-Тесово (Новгородской губ.); Д.А. Золотарев и А.П. Ильинский участвовали вместе с Севзапкино в киносъемках в ряде волжских городов с целью подготовки фильма⁸⁰.

Следует сказать, что в подобные командировки выезжали не только сотрудники ЦБК, но и другие ученые и специалисты Академии наук. Так, в сентябре 1924 г. на краеведческий съезд в Абхазию был командирован сотрудник Азиатского музея А.Н. Генкоу⁸¹ а для участия в работе 1-го съезда деятелей по краеведению Азербайджана в Баку был направлен профессор А.Н. Самойлович⁸². В марте 1926 г. на конференцию по изучению производительных сил Дальнего Востока в Хабаровск выезжал заведующий Промышленно-географическим отделом КЕПС профессор А.А. Григорьев⁸³. В связи с проведением в конце 1926 г. Вятско-Ветлужской конференции по изучению производительных сил края неприменный секретарь С.Ф. Ольденбург обратился с просьбой к академику Н.Я. Марру принять в ней участие, при этом указывалось, «насколько было бы важно и желательно для дела Ваше согласие представить Академию наук на конференции в Вятке»⁸⁴.

В конце 1924 г. Главнаукой Наркомпроса было принято решение изменить ведомственную принадлежность ЦБК и передать его в непосредственное ведение самой Главнауки. Это организационное изменение было, на наш взгляд, вызвано тем, что у руководства Наркомпроса в определенной степени изменились оценки краеведческого движения, понимание его целей и задач.

⁸⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 1. Л. 342.

⁸¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1924. Д. 173. § 268.

⁸² Там же. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 11. Л. 55.

⁸³ Там же. Оп. 1-1926. Д. 15. Л. 11-12.

⁸⁴ Там же. Л. 532.

Всемерная централизация руководства краеведческим движением имела и некоторые свои положительные результаты. В частности, можно отметить полезную работу по повышению квалификации краеведческих кадров. Например, в системе Главнауки в 1925–1928 гг. действовали Курсы переподготовки музейных работников, которые периодически устраивали циклы занятий. Например, подобный цикл проходил с 15 сентября по 18 ноября 1926 г. В этот раз на курсы были вызваны более 100 музейных работников не только из Центральной России, но и из дальних регионов. Были представлены сибирские города — Хабаровск, Чита, Иркутск, Омск; прибыли специалисты с Урала, из Крыма, с Кавказа, из ряда автономных республик — Татарской, Чувашской, Марийской, Коми. Подавляющее большинство командированных «являлись активными работниками краеведческих обществ»⁸⁵. Программа курсов была очень насыщенной, с докладами выступали А.В. Луначарский, С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, А.В. Чаянов, И.Э. Грабарь, И.М. Гревс и другие известные ученые. Всего в четырех циклах было прочитано 83 доклада по самой разнообразной тематике.

Был зафиксирован и внушительный рост краеведческого движения в стране, вызванный тем, что в первые годы революции были на деле реализованы накопленная в течение веков энергия и стремление образованных слоев населения к проявлению самостоятельности и творческой инициативы. 16 августа 1927 г. ЦБК была направлена в Академию наук специальная записка «Академия наук и краеведение», в которой подводились основные итоги развития этого движения за 10 послереволюционных лет. В документе отмечалось, что все это время главная роль в руководстве ЦБК принадлежала академикам С.Ф. Ольденбургу, Н.Я. Марру, А.Е. Ферсману и все последние годы деятельность краеведов проходила «в самой тесной связи с Академией наук»⁸⁶. В частности, отмечалось плодотворное сотрудничество с академическими комиссиями — КЕПС, КИПС, КУИНС, с академическими музеями, активное участие краеведов в экспедициях, организованных Академией. В записке подчеркивался тот факт, что именно «авторитет Академии во многом обеспечил рост числа краеведческих организаций». Приводились и конкретные данные: к этому времени

⁸⁵ Там же. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102. Л. 68.

⁸⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 86. Л. 47-47 об.

на учете в ЦБК состояло 1611 краеведческих организаций, в том числе 569 музеев. Назывались соответствующие данные и по дореволюционной России: 155 организаций и в их числе 94 музея⁸⁷.

Таким образом, период с 1917 по 1927 г. называют «золотым десятилетием отечественного краеведения». В редакционной статье «Краеведение за десять лет Советской власти» в журнале «Известия ЦБК» отмечалось следующее: «Из всех общественных явлений в жизни СССР за десять лет, истекающих со дня Октябрьской революции, рост краеведения является наиболее показательным». В доказательство этого приводились следующие количественные данные⁸⁸:

	Общества и кружки	Музеи	Всего
До революции	61	94	155
На 1 января 1923 г.	231	285	516
На 1 января 1924 г.	297	446	743
На 1 января 1927 г.	1 112	576	1 688

Таким образом, масштабы краеведческого движения за 10 лет советской власти выросли в 10 раз. ЦБК издавало свои журналы: «Краеведение» (1923–1929) и «Известия ЦБК» (1925–1929). Главными редакторами этих журналов ряд лет работали академики С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр.

1.5. Академическая комиссия по изучению научных сил — центр по исследованию интеллектуальных возможностей СССР в 1920-е гг.

Одним из условий развития современного человеческого общества является научно обоснованное знание возможностей интеллектуального потенциала нации, объективная оценка его состояния на данный текущий момент и перспектив на будущее. Для этого необходима кропотливая работа по учету научных и культурных сил,

⁸⁷ Там же. Л. 47–49.

⁸⁸ Редакционная статья. Краеведение за 10 лет советской власти // Известия ЦБК. 1927. № 8. С. 266.

причем целесообразно, чтобы эта деятельность была сосредоточена в одном центре.

Передовые ученые России на рубеже двух веков понимали важность ведения постоянного систематического учета интеллектуальных сил страны. Проблема эта стала еще более актуальной в связи с тем, что империя понесла большие людские потери в результате нескольких лет мировой войны. Естественно, что эти потери затронули и интеллектуальный слой страны, ее интеллигенцию. Поэтому, на наш взгляд, не случайно в конце 1916 г. по решению общего собрания при Академии была создана комиссия «Наука в России». Перед ней была поставлена задача проводить всесторонний учет и изучение наличия научных работников и специалистов в масштабах всей страны⁸⁹.

В последующие годы решениями Общего собрания название «Комиссия по изданию справочника «Наука и ее работники в пределах СССР»; с апреля 1930 г. она стала называться «Наука и научные работники СССР»; наконец, в марте 1932 г. была преобразована в «Комитет учета научных работников и изучения научных сил СССР» (КУИНС).

Задачи, формы и методы деятельности комиссии с годами развивались и совершенствовались. Принципиальное значение имеет тот факт, что с начала своего существования она ставила своей задачей вести учет научных сил не только в системе Академии наук, но и по возможности в масштабах всей страны. В одном из документов Комиссии, датированном мартом 1921 г. это сформулировано следующим образом: «Комиссия «Наука в России» имеет целью широкую информацию о состоянии науки и научных учреждений в России в настоящее время, для чего ею производится учет всех научных сил страны, всех культурно-научных учреждений, высших учебных заведений, обществ, музеев и пр.»⁹⁰.

Для обеспечения деятельности Комиссии до конца 1921 г. Наркомпросом были ассигнованы 3 млн. 200 тыс. рублей («внушительность» этой цифры кажущаяся и была обусловлена высоким уровнем инфляции).

⁸⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1916. Д. 163. Л. 198-199.

⁹⁰ Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

К этому времени появились уже и первые результаты деятельности комиссии. Вышел в свет справочный ежегодник «Наука в России», выпуск 1-ый, Петроград (Петроград, 1920). В книге были опубликованы подробные сведения о научных и культурных учреждениях Петрограда, данные были собраны по состоянию на 1 января 1918 г. В частности, в справочнике был зафиксирован тот факт в ведении Российской академии наук, находилось всего 24 учреждения. Был также подготовлен и сдан в печать подобный же справочник по научным и культурным учреждениям Москвы.

В журнале «Наука и ее работники» № 4 за 1921 г. был опубликован «Предварительный список всех научных учреждений и высших научных заведений» (в масштабе всей страны).

Непременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург считал работу по учету научных сил в стране делом первостепенной важности, он возглавлял деятельность Комиссии с момента ее создания до конца 1925 г. В ноябре 1925 г. председателем комиссии был избран академик Е.Ф. Карский. В связи с истечением срока полномочий Е.Ф. Карского на сентябрьско-октябрьской сессии Академии наук 1930 г. председателем комиссии вновь был избран С.Ф. Ольденбург. Он руководил ее работой до момента ее ликвидации в 1934 г.

На протяжении всего периода существования (1916–1934 гг.) штатная численность комиссии оставалась неизменной и была невелика 4–6 человек. Большую роль в ее деятельности играли внештатные сотрудники, их число не было стабильным, в разные годы изменялось и, в среднем, составляло 8–14 человек⁹¹.

По состоянию на начало 1923 г. комиссии удалось собрать сведения более чем о 1 200 научных учреждениях страны и о 9 000 научных работниках, в том числе о 4 000-х по Ленинграду, о 3 000-х — по Москве и о 2 000-х по другим территориям России⁹². Данный обобщенный фактический материал стал достаточно весомой основой для будущих исследований в области социологии науки.

Главной задачей на всем протяжении деятельности комиссии оставались подготовка и издание справочников. В основе этого лежала большая и кропотливая работа по сбору сведений о научных учреждениях и научных работниках, обобщение и систематизация

⁹¹ Там же. Д. 22. Л. 2-2 об.

⁹² Там же. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 25. Л. 126 об.

этого объемного фактического материала. Например, в справочник по учету научных сил в Ленинграде вошли сведения о 347 учреждениях, в их числе 195 научных, 50 вузах, 102 научных объединениях и данные более чем о 6 тыс. научных работников. В 1926 г., в ходе подготовки справочника по СССР (без Москвы и Ленинграда) по всей стране были разосланы 2 500 учрежденческих анкет и более 10 000 личных⁹³. Причем, когда в 1928 г. справочник «Наука и научные работники СССР (без Москвы и Ленинграда)» вышел в свет, в нем содержались сведения о 11 197 научных работниках, которые представляли 2 тыс. научных специальностей.

Позднее, весной 1928 г. ученый секретарь комиссии Д.Д. Руднев констатировал, что залог успеха работы, то есть возможность получать фактические данные по всей стране, был обусловлен «авторитетностью высшего объединяющего научного аппарата — Академии наук, общественным доверием к ней», именно авторитет Академии наук позволял комиссии получать сведения и от всех союзных республик⁹⁴. Таким образом, по существу своей деятельности комиссия выполняла в известной степени функции общесоюзного центра по учету научных и культурных сил.

В апреле 1928 г. ученым секретарем комиссии Д.Д. Рудневым была направлена ее председателю академику Е.Ф. Карскому специальная «Записка». В ней, в частности, указывалось, что перед комиссией встают все более сложные задачи срочного удовлетворения быстро растущих требований ведения научно-справочной и информационной работы, и она пока является «единственным во всем СССР институтом научной информации»⁹⁵. Далее Д.Д. Руднев отметил и тот факт, что своей деятельностью комиссии уже успела заслужить авторитет и положительную оценку у иностранных коллег-специалистов по научно-справочной работе. Так, справочник «Научные учреждения Ленинграда» по отзывам германских и французских специалистов является «совершенно новым в своей области типом рациональных справочников».

Объемы и масштабы основной деятельности Комиссии с годами возрастали, например, в 1929 г. во время подготовки справочника

⁹³ Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 31. Л. 2-3.

⁹⁴ Там же. Ф. 155. О. 1. Д. 43. Л. 7 об.

⁹⁵ Там же. Л. 7-8.

по Москве были разосланы уже 15 тыс. личных анкет и более 1 тыс. учрежденческих⁹⁶.

К лету 1927 г. Комиссия зарегистрировала в стране 20 878 научных работников и 2 454 научных учреждения. Анализ этих данных по главным направлениям научной деятельности дал следующие результаты (в %)⁹⁷:

	Ленинград	Москва
Математика и естествознание	41	37
Гуманитарные науки	32	29
Медицина и гигиена	13	20
Техника	12	10
Сельское хозяйство	2	4

В целом по СССР было приблизительно такое же соотношение.

Представляют значительный интерес результаты анализа сведений о наличии научных сил по основным регионам страны (данные без учета ученых званий и степеней): в РСФСР (без Москвы и Ленинграда) — 5 758 человек, по Украине — 4 186, в Белоруссии — 468, в Туркменистане — 5⁹⁸.

С учетом ученых званий и степеней по стране было зарегистрировано: профессоров — 1 944 человека, докторов наук — 197 (+525 докторов медицины), доцентов — 622, магистров — 191, ассистентов — 2 123.

Следует отметить, в своей деятельности комиссии удавалось успешно взаимодействовать с другими организациями и учреждениями, проявлять умение находить, если так можно выразиться, «единомышленников». Это при весьма ограниченных штатных возможностях имело большое значение, во многом обеспечивало успех в сложных начинаниях. Так, в отчете о деятельности комиссии за 1922–1923 гг. находим данные о том, что активно использовался фактический материал, полученный от ЦБК, Русского общества любителей мироведения, Научно-технического отдела ВСНХ.⁹⁹ Весомый вклад в проведение анкетирования в самых отдаленных

⁹⁶ Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 49. Л. 8-8 об.

⁹⁷ Там же. Д. 37. Л. 9.

⁹⁸ Там же. Д. 48. Л. 2-3.

⁹⁹ Там же. Д. 18. Л. 4.

уголках страны вносил многочисленный местный актив ЦБК и Географического общества, с которым поддерживалось тесное взаимодействие. Иногда результаты совместной работы публиковались в научных изданиях.

Следует вспомнить и о том, что сотрудники комиссии вели работу по созданию своей научно-справочной библиотеки (НСБ), тщательно собирали все отечественные и зарубежные издания по вопросам учета научных сил и информатике. К 1927 г. в НСБ уже было сосредоточено более 2 тыс. названий специальной литературы. Кроме того, была создана и постоянно пополнялась коллекция фотографий работников науки и культуры, к этому же времени в ней насчитывалось более 500 единиц хранения.

Сотрудники комиссии формировали и свой весьма своеобразный музейный фонд. В него, в частности, собирались образцы редких справочных изданий, коллекция опросных листов и анкет, наглядные пособия о технике и способах распространения этих материалов на местах, образцы наиболее оригинальных полученных ответов и др. Все эти вещевые памятники должны были иллюстрировать развитие и совершенствование деятельности самой комиссии¹⁰⁰.

С 1920 по 1926 г. вышли в свет восемь справочных изданий, что являлось главным результатом работы комиссии за этот период времени¹⁰¹. В последующие годы до момента ее ликвидации в 1934 г. было выпущено еще несколько справочников.

¹⁰⁰ К сожалению, нам пока не удалось установить судьбу и местонахождение НСБ и музейной коллекции после ликвидации комиссии в 1934 г. В протоколе заседания Президиума АН СССР от 23 июня 1934 г. указывалось, что все материалы комиссии следует передать Комиссии содействия ученым при СНК СССР.

¹⁰¹ Наука в России: Справочный ежегодник. Вып. 1: Петроград: Данные к 1 янв. 1918 г. Пг., 1920. 146 с.; Наука в России: Справочный ежегодник. Вып. 2: Москва: Данные к 1 янв. 1918 г. М., Пг., 1920. 63 с.; Наука в России: Справочный ежегодник. Вып. 3: Научные работники Петрограда: Данные к началу 1922 г. М., Пг., 1923. 164 с.; Наука в России: Справочный ежегодник. Вып. 4: Научные работники Москвы. М., Пг., 1925. 134 с.; Предварительный список ученых учреждений, высших учебных заведений, музеев, обсерваторий, библиотек и пр., находящихся в Петербурге и его окрестностях / Сост. Комис. по изд. справ. «Наука в России» при Рос. акад. наук по сведениям, полученным до 1-го июня 1921 года. [СПб., 1921]. С. 45–71; Краеведческие учреждения СССР. Л.: Типография «Печатный Труд», 1927. 205 с.; Академия наук Союза Советских Социалистических Республик, ее задачи, разделение и состав. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 90 с.; Наука и научные работники СССР: Научные учреждения Ленинграда. Ч. 2. Л.: Изд-во АН

Окончательно и наиболее конкретно задачи, основные формы и методы деятельности комиссии были закреплены в «Положении» о ней, утвержденным Общим собранием Академии наук 2 октября 1930 г., в «Положении» был учтен и весь опыт предыдущей работы Комиссии. Главные параметры ее деятельности определялись следующим образом: ведение учета научных работников и научных учреждений СССР; разработка и совершенствование методов учета; предоставление как самой Академии наук, так и другим научным учреждениям, научным работникам точных сведений справочного характера по предметам ведения комиссии; подготовка и печатание собранных материалов в справочниках и др.¹⁰²

Весной 1930 г. в органах государственной власти было принято решение о создании всесоюзного центра по учету научных сил, это соответствовало тогдашней мощной тенденции всемерной централизации управления процессом социально-экономического развития страны. 14 мая 1930 г. состоялось совещание комиссии, созданной Госпланом СССР по вопросу о порядке и формах учета научной работы. Председательствовал на совещании О.Ю. Шмидт, от Академии наук принимал участие С.Ф. Ольденбург¹⁰³.

В марте 1932 г. на Общем собрании Академии наук было принято решение о реорганизации комиссии в Комитет учета и изучения научных сил СССР (с сохранением прежних штатов и бюджетных ассигнований). Одновременно с этим Общим собранием было решено оставить Комитет в составе Академии наук.

К существовавшим ранее функциям Комитета прибавилась еще одна — «разработка методологии учета». Соответственно, было принято и новое «Положение» о Комитете. Главным и принципиальным отличием его являлось то, что теперь анкеты должны были рассылаться через местные органы Госплана СССР, следовательно, они приобретали уже «обязательный характер».

СССР, 1926. 406 с.; Научные работники Ленинграда: С прил. перечня науч. учреждений Ленинграда. Ч. 5. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 723 с.

¹⁰² СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 1. Д. 55. Л. 1-2.

¹⁰³ Там же. Д. 58. Л. 4.

В свою очередь, академический Комитет (КУИНС) в 1933 г. продолжал свою деятельность, естественно, с учетом изменившейся в стране политической ситуацией. Так, удалось выпустить в свет справочник «Научные работники Ленинграда». Сотрудниками Комитета была начата разработка «нового типа справочников — библиографических словарей научных работников», которые предполагалось издавать 1 раз в 5 лет. Началась подготовка справочника «Крупнейшие работники СССР» и справочника «Научные работники, занятые минералогией, геохимией и кристаллографией» и др.¹⁰⁴

В конечном счете правительство поддержало позицию плановых органов. В соответствии с этим 23 июня 1934 г. на заседании Президиума Академии наук было принято решение о ликвидации КУИНС: «В виду ликвидации КУИНС работу по изданию справочников передать в КСУ (в случае согласия КСУ на продолжение этой работы передать ей все материалы, в случае отказа передать их в Архив Академии наук СССР)»¹⁰⁵.

Так был завершен почти 18-ти летний период деятельности одной из академических Комиссии. Одним из главных результатов этой деятельности стали справочники, которые до настоящего времени не утратили своего большого научно-информационного значения. В этих изданиях содержится весьма значительный объем ценной ретроспективной информации, позволяющей и сегодня проводить исследования по истории социологии в нашей стране.

¹⁰⁴ Там же. Д. 87. Л. 2.

¹⁰⁵ Там же. Д. 93. Л. 4.

ЧАСТЬ 2.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

2.1. Периодические издания университетов как источник по истории формирования нового научно-образовательного пространства в первые годы советской власти

В первые послереволюционные годы в Советской России формировалось новое научно-образовательное пространство, одной из характерных черт, которого являлась «интеллектуализация» провинции. В частности, Поволжье стало одним из приоритетных регионов для миграции ученых из Петрограда и Москвы. В результате этого, значительно пополнился профессорско-преподавательский состав уже существовавших здесь университетов (в Казани и Саратове), а также при активном участии столичных ученых были созданы университеты в Ярославле, Костроме, Самаре и Астрахани. Днем их основания, согласно декрету СНК от 21 января 1919 г., стал считаться «день первой годовщины Октябрьской революции — 7 ноября

1918 г.»¹⁰⁶. Одним из важных источников, позволяющих исследовать и реконструировать процессы формирования и функционирования новых вузов и научных организаций, состоящих при них, являются периодические издания университетов.

Астраханский университет был создан в конце 1918 г. Однако уже в 1922 г. все его факультеты были упразднены, а медицинский факультет был преобразован в институт. В этом же году новый вуз стал выпускать периодическое издание «Астраханский медицинский вестник», целью которого было «дать возможность молодым силам — начинающим научным сотрудникам, напечатать свои работы, зарегистрировав таким образом свою научную деятельность»¹⁰⁷. В вдвоенном выпуске было опубликовано 20 научных статей, а также «Отчет о деятельности Астраханского государственного мединститута с момента его основания по настоящее время»¹⁰⁸. В отчете были отражены трудности организации Медицинского факультета университета, особенности его функционирования, проблемы обеспечения кадрами преподавателей и оборудованием. Отмечалось, что кафедры «были замещены частью прибывшими из Центра профессорами и преподавателями, частью же местными силами»¹⁰⁹. В 1921 г. при университете было создано Общество теоретической и клинической медицины, отчет о деятельности которого также был помещен в этом же выпуске «Астраханского медицинского вестника»¹¹⁰. В нем сообщалось, что за год работы состоялось 22 заседания, и было заслушано 62 доклада по соответствующей профилю организации тематике.

При Саратовском университете, существовавшем с 1909 г., издавались «Известия Саратовского университета». В 1917–1918 г. в со-

¹⁰⁶ Декрет СНК «Об утверждении государственных университетов в гг. Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и о преобразовании в государственные университеты быв. Демидовского юридического лицея в г. Ярославле и Педагогического института в г. Самаре» // СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 21. С. 22.

¹⁰⁷ *Правление*. Предисловие // Астраханский медицинский вестник. 1922. № 1–2. С. I.

¹⁰⁸ *Пасхалов А.П.* Отчет о деятельности Астраханского государственного мединститута с момента его основания по настоящее время // Астраханский медицинский вестник. Астрахань: Медицинский институт, 1922. № 1–2. С. 183–190.

¹⁰⁹ Там же. С. 184.

¹¹⁰ *Топорков Ф.М.* Отчет Общества клинической теоретической медицины при Астраханском медицинском институте // Астраханский медицинский вестник. Астрахань: Медицинский институт, 1922. № 1–2. С. 191–195.

ставе университета было 4 факультета, в связи с этим было решено предоставить в распоряжение каждого из них отдельную часть «Известий». В частности, в 1918 г. было опубликовано три выпуска Медицинского факультета¹¹¹. В них печатались результаты исследований профессоров и преподавателей университета, причем статьи были богато иллюстрированы фотографиями, рисунками, диаграммами и т.п. Интересна статья А.М. Левковского «Аномалии, уродства и наследственность»¹¹², которая в расширенном виде была опубликована отдельной книгой в 1918 г.¹¹³ В ней помимо описания больных с патологиями строения черепа, лицевого скелета, конечностей и кожи, автор изложил основные положения известных к тому времени теорий наследственности. Учитывая тот факт, что в дореволюционный период они не имели широкого распространения и активно критиковались даже в научном сообществе, то эта статья имеет большое просветительское значение. Также статья Н.Г. Стадницкого «Искривления носовой перегородки по данным Анатомического института Саратовского университета»¹¹⁴ примечательна, т. к. основана на изучении 352 черепов мужчин и женщин Саратовской, Воронежской, других близлежащих губерний и одного детского черепа двухлетнего рахитика, и показывала значительные достижения клиник университета.

В качестве приложения в «Известиях Саратовского университета» помещались отдельные учебные курсы. Кроме того, в специальном разделе журнала публиковались протоколы, отчеты и труды научных обществ, работавших при университете (Общества внутренней медицины и патологии, Общества невропатологов и психиатров, Гинекологического общества и др.).

¹¹¹ Известия Саратовского университета. Медицинский факультет. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1918. Вып. 1. 360 с.; Известия Саратовского университета. Медицинский факультет. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1918. Вып. 2. Разд. паг.; Известия Саратовского университета. Медицинский факультет. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1918. Вып. 3. Разд. паг.

¹¹² Левковский А.М. Аномалии, уродства и наследственность // Известия Саратовского университета. Медицинский факультет. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1918. Вып. 1. С. 77–184.

¹¹³ Левковский А.М. Аномалии, уродства и наследственность. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1918. 184 с.

¹¹⁴ Стадницкий Н.Г. Искривления носовой перегородки по данным Анатомического института Саратовского университета // Известия Саратовского университета. Медицинский факультет. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1918. Вып. 1. С. 75–98.

В Самаре университет был основан 10 августа 1918 г. по решению Комитета членов Всероссийского учредительного собрания на базе Педагогического института. Уже в 1918 г. университетом стал выпускаться журнал «Известия Самарского университета». Как правило, выпуски состояли из двух разделов: официального и научного. Официальный раздел первого выпуска был посвящен отчету о деятельности Педагогического института в первый год существования и документам, содержащим историю преобразования его в университет¹¹⁵. В следующих выпусках помещались отчеты о деятельности отдельных факультетов и университетских научных обществ и семинариев, о студенческих организациях университета, о составе и положении студентов в соответствующие годы, а также списки профессорско-преподавательского состава.

В научном разделе «Известий» публиковались статьи как столичных ученых, в те годы работавших в Самаре, — академика В.Н. Петерца, С.Д. Балухатова, В.В. Гольмстен, В.М. Тихомирова и др., так и представителей местной интеллектуальной элиты — Н.И. Ефимова, П.А. Преображенского, Н.А. Архангельского и др.

К сожалению, период существования университета в Самаре оказался недолгим. В 1922 г. начала работу Центральная комиссия по его ликвидации. В 1923 г. университет был закрыт.

В 1918 г. был открыт Костромской государственный рабоче-крестьянский университет в память Октябрьской революции 1917 года. Занятия начались 17 ноября 1918 г. В 1919 г. было опубликовано «Обозрение преподавания наук в Костромском государственном рабоче-крестьянском университете на 1919–1920 учебный год»¹¹⁶, которое показывает структуру университета, а также позволяет сделать вывод об уровне преподавании как по отдельным кафедрам, так и на факультетах. Большой интерес представляет «Отчет о деятельности Костромского государственного рабоче-крестьянского универси-

¹¹⁵ Документы, относящиеся к открытию Самарского университета // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. I–XX; *Петец В.Н.* Отчет о деятельности Самарского педагогического института в осеннем полугодии 1917 года // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. 3–17.

¹¹⁶ Обозрение преподавания наук в Костромском государственном рабоче-крестьянском университете на 1919–1920 учебный год. Кострома: Типография Губвоенкома, 1919. 12 с.

тета за 1920 год»¹¹⁷, который отражает работу Естественного, Гуманитарного, Педагогического, Медицинского и Рабочего факультетов, культурно-просветительских ассоциаций и библиотеки университета. В отчете по каждому факультету были приведены учебные планы, указаны изменения в личном составе и численности студентов. Кроме того, в «Отчете» приводится список профессоров преподавателей, ассистентов и препараторов университета в 1919–1920 гг.¹¹⁸ В 1921 г. Наркомпрос принял решение о закрытии университета, на базе которого были созданы два вуза — педагогический и сельскохозяйственный институт.

В Ярославле в 1918 г. университет был создан путем преобразования Демидовского юридического лица. В 1920–1923 гг. «по определению Совета университета» издавался «Сборник Ярославского государственного университета»¹¹⁹, в котором публиковались научные статьи преподавателей и профессоров университета. В первом выпуске они были посвящены проблемам права и судебной практики. В частности, статьи В.Н. Ширяева «Вопросы правотворчества и суда в Советской России»¹²⁰ и И.О. Зубова «К вопросу о дефектах “провинциальной” судебно-медицинской экспертизы»¹²¹. Во втором же выпуске «Сборника» тематика научных статей была более разнообразна. Особенно актуальными для того времени представляются статьи

¹¹⁷ Отчет о деятельности Костромского государственного рабоче-крестьянского университета. Кострома: 3-я Государственная типография, 1921. 69 с.

¹¹⁸ Личный состав профессоров, преподавателей, ассистентов и препараторов Костромского государственного рабоче-крестьянского университета в 1919–1920 гг. // Отчет о деятельности Костромского государственного рабоче-крестьянского университета. Кострома: 3-я Государственная типография, 1921. С. 60–68.

¹¹⁹ Сборник Ярославского университета. Вып. 1. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1920. 360 с.; Сборник Ярославского университета. Вып. 2. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1923. 180 с.

¹²⁰ Ширяев В.Н. Вопросы правотворчества и суда в Советской России // Сборник Ярославского университета. Вып. 1. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1920. С. 1–20.

¹²¹ Зубов И.О. К вопросу о дефектах «провинциальной» судебно-медицинской экспертизы // Сборник Ярославского университета. Вып. 1. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1920. С. 285–292.

А.К. Федерольфа «Биологическое значение гигиены»¹²² и Б.Д. Плетнева «Национальная проблема в России и методы ее разрешения»¹²³.

В «Сборниках» также помещалась юридическая библиография за соответствующие годы. Особую ценность представляют сведения, содержащиеся в «Отчете Ярославского государственного университета за период с осени 1918 г. по 7 ноября 1919 г.»¹²⁴ и Отчетах университета за 1919–1920 и 1920–1921 учебные годы¹²⁵. В них излагался процесс преобразования лица в университет, была отражена работа Совета и Правления университета, представлялась программа преподавания на факультетах, отражались изменения, происходившие в структуре вуза, а также приводились ценные данные, в том числе статистические, о студентах и профессорско-преподавательском составе. В одном из приложений к отчету был помещен перечень кафедр Факультета общественных наук, среди которых были, в частности, кафедры истории научной мысли, истории техники, истории русской революции, истории социализма и др.

Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что периодические издания университетов являются важным и интересным источником по истории формирования нового научно-образовательного пространства в 1917–1923 гг. Они дают достаточно полную картину интеллектуальной жизни российской провинции в годы социальных, экономических и политических потрясений первых послере-

¹²² Федерольф А.К. Биологическое значение гигиены // Сборник Ярославского университета. Вып. 2. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1923. С. 61–68.

¹²³ Плетнев Б.Д. Национальная проблема в России и методы ее разрешения // Сборник Ярославского университета. Вып. 2. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1923. С. 26–39.

¹²⁴ Отчет Ярославского государственного университета за период времени с осени 1918 г. по 7 ноября 1919 г. // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1920. С. 333–359.

¹²⁵ Отчет Ярославского государственного университета за 1919–1920 учебный год // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярославского губернского сельско-хозяйственного и кустарно-промышленного союза кооператоров, 1923. С. 139–159; Отчет Ярославского государственного университета за 1920–1921 учебный год // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярославского губернского сельско-хозяйственного и кустарно-промышленного союза кооператоров, 1923. С. 159–180.

волюционных лет, отражают особенности создания и деятельности новых высших учебных заведений, позволяют проследить процессы формирования профессорско-преподавательского корпуса, создания учебных курсов, организации при университетах научных обществ и кружков.

2.2. Профессора и преподаватели «новых» университетов: изменение кадрового состава в 1917–1922 гг.

Одним из результатов социально-политического и экономического кризиса, вызванного революцией 1917 г., стало перемещение значительного числа профессорско-преподавательских и научных кадров из центра на периферию. Этот процесс начался с конца 1917 г., но особенно массовый характер приобрел в 1918–1919 гг. На основе обобщения и анализа данных сведений об отдельных ученых, работавших в провинции в годы Гражданской войны, представляется возможным создать коллективную биографию изучаемой социальной группы, определить особенности ее развития, выявить роль и значение ее деятельности в провинции, влияние ее результатов на дальнейшую научную карьеру самих ученых. Дело в том, что свой приезд на периферию молодые, талантливые и профессионально подготовленные ученые, небезосновательно связывали с возможностью успешной карьеры. Это во многом было обусловлено появлением новых вузов, факультетов, кафедр, музеев, библиотек и архивов в провинциальных городах. Следует отметить, что созданию новой научно-образовательной инфраструктуры в регионах в большой степени способствовала деятельность столичных ученых, которые научную и педагогическую работу зачастую успешно совмещали с выполнением организационных и административных функций.

В этой связи, интерес представляют некоторые количественные и качественные характеристики профессорско-преподавательского состава «новых» университетов Поволжья, которое стало одним из приоритетных регионов для внутренней миграции ученых из Петрограда и Москвы в 1917–1922 гг. Эмпирической базой исследования стали результаты изучения и анализа данных, касающихся про-

фессорско-преподавательских кадров, извлеченные из научных временных и периодических изданий университетов.

В Самаре университет был основан 10 августа 1918 г. по решению Комитета членов Всероссийского учредительного собрания на базе Педагогического института, открытого осенью 1917 г.¹²⁶

Педагогический институт в октябре 1917 г. возглавил известный петроградский ученый-педагог и психолог Александр Петрович Нечаев. Значительный вклад в организацию работы Историко-филологического факультета института внес видный филолог, академик Владимир Николаевич Перетц. Именно он разработал первые административно-организационные документы Историко-филологического факультета: «Планы преподавания дисциплин», «расписания лекций» и др.

Первый состав профессоров и преподавателей Педагогического института в Самаре включал 14 человек, преимущественно петроградских ученых. Из них имели опыт педагогической работы — 12 человек, причем в университетах работали — 6, а 4 — были преподавательницами Высших историко-филологических курсов Петроградского Педагогического института, 2 человека преподавали на Петроградских педагогических курсах Общества экспериментальной педагогики. Степень магистра имели 7 преподавателей, степень доктора обладали трое, а еще 4 человека на момент приезда в Самару были магистрантами. Распределение их по должностям было следующее: ординарные профессора — 4, экстраординарные профессора — 2, штатные преподаватели — 2, нештатные преподаватели — 3, штатные ассистенты — 2¹²⁷.

По мнению академика В.Н. Перетца, «Самарский Институт при своем зарождении оказался в исключительно счастливых условиях: не говоря уже об отелных привлеченных им преподавателях — среди которых есть лица, давно известные и в России и в Европе, так же с формальной стороны Институт оказался богаче вновь основыв-

¹²⁶ Документы, относящиеся к открытию Самарского университета // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. X.

¹²⁷ Перетц В.Н. Отчет о деятельности Самарского педагогического института в осеннем полугодии 1917 года // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. 3–6.

ваемых университетов, имея в своем составе половину имеющих высшую ученую степень и половину — магистрантов»¹²⁸.

В 1918–1919 учебном году состав профессоров и преподавателей в университете, созданном на базе института, пополнился новыми сотрудниками. Согласно декрету СНК от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской Республики» были отменены «ученые степени доктора, магистра, а также звание адъюнкта и все связанные с этими степенями и званиями права и преимущества, отменяются»¹²⁹. Были отменены также «разделение преподавательского состава высших учебных заведений на профессоров — заслуженных, ординарных, экстраординарных, адъюнкт-профессоров и доцентов», а также звание приват-доцентов. Все преподаватели, уже работающие в вузах, теперь могли получить звание профессора.

Этот декрет вводил всероссийский конкурс на занятие профессорской кафедры. В нем могли принимать участие лица, известные своими «учеными трудами или иными работами по своей специальности, либо своей научно-педагогической деятельностью»¹³⁰.

Несмотря на эти новые условия практика личного приглашения преподавателей сохранялась. Все вновь прибывшие на работу в Самарский университет были представителями либо Москвы, либо Петрограда. К сожалению, не обошлось и без потерь: два преподавателя скончались (Д.В. Викторов, П.В. Безобразов), а профессор по кафедре филологии Иосиф Андреевич Лециус — вышел в отставку и уехал за границу¹³¹. Таким образом к июлю 1919 г. по должностям кадровый состав распределялся следующим образом: профессора — 15, доценты — 4, приват-доценты — 2, преподаватели — 7, ассистенты — 3¹³².

К началу 1921 г. в университете было пять факультетов: Социально-исторический, Физико-математический, Медицинский, Агроно-

¹²⁸ Там же. С. 5.

¹²⁹ Декрет СНК «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской Республики» // СУ РСФСР. 1918. № 72. Ст. 789. С. 999.

¹³⁰ Там же. С. 1000.

¹³¹ Перетц В.Н., Адрианова В.П. Отчет о деятельности Историко-филологического факультета Самарского государственного университета за 1918–1919 учебный год // Ученые записки Самарского университета. Вып. 2. Самара: Типография Средволсоюза № 1, 1919. С. 1.

¹³² Там же. С. 2–3.

мический, Рабочий. Отметим, что такая структура соответствовала принципу приоритета преподавания научно-прикладных дисциплин, что, в первую очередь, удовлетворяло потребности региона в собственных профессиональных кадрах высшей квалификации. Кроме того, значительно расширился профессорско-преподавательский состав. В этот период в университете работали 48 профессоров, 63 преподавателя, 49 ассистентов, 29 ординаторов, 29 научных сотрудников, 6 лаборантов, 25 помощников лаборантов¹³³. Небезынтересно отметить, что численность профессорско-преподавательский состава Физико-математического факультета была самой высокой в университете. В этом учебном году также не обошлось без потерь: скончались профессора В.В. Федоров и В.А. Жебровский¹³⁴.

В 1922–1923 учебном году в Самарском университете работали Педагогический, Медицинский и Рабочий факультеты. К сожалению, сведения по кадровому составу этого периода далеко не полные. Профессорско-преподавательский состав Медицинского факультета насчитывал: профессоров — 14, преподавателей — 14, ассистентов — 24, ординаторы кафедр — 12, сверхштатные ассистенты — 3, сверхштатные ординаторы — 15¹³⁵. На Педагогическом факультете преподавание осуществляли 12 профессоров, 13 преподавателей и 8 ассистентов¹³⁶. Всего же работало 125 профессора и преподавателя.

Самарский университет был закрыт в 1923 г. За который период его существования в нем работало более 200 профессоров и преподавателей, но кадровый состав не отличался стабильностью. В 1921 г. в силу разразившегося голода в Поволжье, последствия которого осо-

¹³³ Фридолин П.П., Софотерова А.К. Краткий обзор состояния Самарского государственного университета в 1921 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 8.

¹³⁴ Семенов Е.В. Краткий отчет о деятельности Физико-математического факультета Самарского государственного университета за период 30 декабря 1919 г. — 1 октября 1921 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 1 СНХ, 1922. С. 19.

¹³⁵ Гусынин В.А. Отчет о состоянии Медицинского факультета Самарского государственного университета за 1922/23 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 13–15.

¹³⁶ Смирнов П.П. Отчет о состоянии Педагогического факультета Самарского государственного университета за 1922/23 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 1.

бенно тяжелыми были в Самарской области, начинается отток столичных ученых. В частности, уехали ученые из первого состава профессоров и преподавателей университета — В.Н. Перетц, В.П. Адрианова, В.Н. Ивановский, В.В. Гориневский и В.В. Гориневская, М.И. Ливеровская, А.П. Баранников и др. Кроме того, закончилась Гражданская война, введение нэпа ознаменовало возрождение частного предпринимательства и рыночных отношений. Жить в столицах стало комфортнее.

Нельзя не отметить и такое негативное явление, которое имело место в работе университета в эти годы. Иногда уже избранные для замещения преподавательских должностей работники, в силу разных причин, не приезжали в Самару, и, в связи с этим, приходилось проводить процедуру выборов заново. Таких случаев за время работы университета насчитывалось 13.

Еще одним «новым» вузом в Поволжье стал Ярославский университет, который был создан в 1918 г. путем преобразования Демидовского юридического лица. Личный состав профессоров и преподавателей Демидовского лица к 1918 г. состоял всего из 13 человек. После преобразования его в университет кадровый состав стал увеличиваться: к январю 1919 г. — 23 человека, к июлю 1919 г. — 25, к ноябрю 1919 г. — 34¹³⁷. Симптоматично, что среди них не было не одной женщины.

Пополнение кадрового состава университета было связано с расширением учебных программ, в также с созданием нового Медицинского факультета. В 1918–1919 учебном году полностью было обеспечено преподавание на первых двух курсах Факультета общественных наук и 3-м и 4-м курсах Юрико-политического отделения Факультета общественных наук и на 1-м курсе Медицинского факультета.

Новые преподаватели приглашались, как правило, в порядке имеющихся из них рекомендаций, т. к., по мнению руководства университета, «система всероссийских конкурсов при современных условиях была едва ли осуществима и, во всяком случае, не могла обеспечить в течение короткого срока пополнение недостающих преподавательских сил»¹³⁸.

¹³⁷ Отчет Ярославского государственного университета за период времени с осени 1918 г. по 7 ноября 1919 г. // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. Ярославль: Типография Ярославского сельскохозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1920. С. 339.

¹³⁸ Там же. С. 229–340.

Существенной проблемой для нормальной деятельности университета было то обстоятельство, что многие преподаватели, начав работу в Ярославском университете, продолжали преподавать в вузах Москвы, и приезжали в Ярославль всего на 2–3 дня в неделю. Причиной этому было крайне плохие жилищные условия в Ярославле. Усилия, предпринимаемые руководством университета к тому, чтобы обеспечить своих преподавателей хотя бы каким-нибудь жильем, к сожалению, успеха не имели. Это обстоятельство, конечно, не благоприятным образом отражалось на всей работе «нового» университета. К сожалению, несмотря на многочисленные просьбы о помощи в решении этой проблемы местные власти никакой поддержки университету не оказали.

Осенью 1919 г. на полях Гражданской войны проходили самые ожесточенные бои. В конце сентября — начале октября Красная армия противостояла Вооруженным силам Юга России во главе с А.И. Деникиным. Успехи Красной армии доставались большими людскими потерями.

Эти события отразились и на работе университета в Ярославле. Губисполком постановил освободить здание вуза под военный госпиталь. Университет был переведен в другое здание, малопригодное для осуществления обучения. Транспортное сообщение было нарушено: иногда более суток уходило на то, чтобы добраться из Москвы до Ярославля. Профессорам приходилось ехать в переполненных и не отапливаемых вагонах, эти поездки стали нерегулярными, и некоторые преподаватели совсем отказались от работы в университете¹³⁹.

Несмотря на все эти сложности в 1919–1920 учебном году на Факультете общественных наук насчитывалось 26 профессоров, преподавателей — 9, и два человека были оставлены для подготовки к профессорскому званию — по юридическим специальностям. На Медицинском факультете профессоров работало 8 профессоров, преподавателей — 2, преподавателей-ассистентов — 10. Всего 55 человек¹⁴⁰.

В июле 1920 г. прежнее здание было возвращено университету. Кроме того, Губисполком предоставил в распоряжение университе-

¹³⁹ Отчет Ярославского государственного университета за 1919–1920 учебный год // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярославского губернского сельско-хозяйственного и кустарно-промышленного союза кооператоров, 1923. С. 140.

¹⁴⁰ Там же. С. 154–158.

та особый железнодорожный вагон также и здание для обеспечения командировок профессоров и преподавателей. Он два раза в неделю отправлялся из Москвы. Университету было передано дом для общежития приезжающих преподавателей.

В 1920 г. в Москве начала работу Центральная комиссия по улучшению быта ученых. В Ярославле Губисполком также постановил обеспечивать профессоров и преподавателей университета ученым пайком, их женам был назначен паек Комиссии по снабжению рабочих при Народном комиссариате продовольствия РСФСР, а их детям выдавался обычный городской детский паек¹⁴¹.

В 1920–1921 гг. на Факультете общественных наук насчитывалось 24 профессора, преподавателей — 20 человек, преподавателей-ассистентов — 9. На Агрономическом факультете были: 1 профессор, 18 преподавателей и 9 преподавателей-ассистентов. На Медицинском факультете трудилось 14 профессоров, 20 преподавателей и 9 преподавателей-ассистентов¹⁴². Всего 114.

По своей квалификации преподавателей можно было отнести к следующим группам: 16 были докторами, 4 человека имели степень магистра, 18 были докторантами и магистрантами, 49 человек — успели зарекомендовать себя своими трудами в профессиональной области, 27 — получили достаточную подготовку для дальнейшей научной работы¹⁴³.

Отметим, что 16 преподавателей так и не прибыли для работы в Ярославль несмотря на то, что были выбраны конкурсу. Руководство университета объясняло это трудностями жизни в Советской России, «вследствие которых люди склонны мириться с существующим положением, предпочитая его чему-либо новому малоизвестному; условия же жизни и работы в Ярославле до сих пор еще мало привлекательны, а слухи о неустойчивости университета или отдельных факультетов отпугивают даже тех, кто желал бы сосредоточить свою работу исключительно в Ярославле»¹⁴⁴.

¹⁴¹ Там же. С. 141.

¹⁴² Отчет Ярославского государственного университета за 1920–1921 учебный год // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярославского губернского сельско-хозяйственного и кустарно-промышленного союза кооператоров, 1923. С. 162

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

В целом, в Ярославском университете в первые годы после революции работало более 100 профессоров и преподавателей, и сам университет был закрыт в 1924 г.

В 1918 г. был открыт еще один «новый» университет в Костроме. Занятия там начались 17 ноября 1918 г. К сожалению, в нашем распоряжении имеются сведения о преподавательском составе этого университета только за 1919–1920 учебный год. Университет состоял в этот период из двух факультетов: Гуманитарного и Естественного. На первом факультете работало 5 профессоров и 5 преподавателей, а на втором 5 профессоров, 7 преподавателей, 5 ассистента, 21 преподавателей. В целом, по нашим подсчетам около 80 профессоров и преподавателей работали в те годы в Костроме¹⁴⁵.

Первым ректором университета был филолог Николай Гаврилович Городенский, но через год его сменил на посту статистик, профессор Федор Алексеевич Меньков. В кадровый состав университета входили многие известные ученые. В частности, философ Ф.А. Петровский, историки Б.А. Романов и А.Ф. Изюмов, историк искусства А.И. Некрасов, литературоведы В.Ф. Шишмарев и С.К. Шамбинаго, юристы А.Л. Саккетти и Ю.П. Новицкий, пушкинист С.М. Бонди, историк, будущий академик Н.М. Дружинин.

В 1921 г. в связи с тяжелыми материальными и финансовыми условиями, Народный комиссариат просвещения РСФСР принял решение о реорганизации университета в Педагогический и Сельскохозяйственный институты.

Это стало возможно благодаря новой системе управления высшей школы, которая была сформирована в Положении «О высших учебных заведениях РСФСР», принятого декретом Совнаркома РСФСР¹⁴⁶. Контроль за деятельностью вузов был сосредоточен в Народном комиссариате просвещения РСФСР, а нарком получил исключительные права по формированию кадрового состава и проведение структурных изменений в высших учебных заведениях.

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать, что период существования «новых» университетов несмотря на то, что был не-

¹⁴⁵ Обозрение преподавания наук в Костромском государственном рабоче-крестьянском университете на 1919–1920 учебный год. Кострома: Типография Губвоенкома, 1919. 12 с.

¹⁴⁶ Декрет СНК «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)» // СУ РСФСР. 1921. № 65. Ст. 486. С. 803–809.

продолжительным, являлся достаточно значимой и интересной страницей в истории высшей школы России. «Модель» прежнего университетского образования была реализована в них, насколько это позволяли политические и экономические условия.

Создание и деятельность «новых» университетов имела достаточно существенные позитивные последствия для процесса развития науки и образования: удалось сохранить непрерывность и преемственность самого процесса; сохранить некий «костяк» преподавательских кадров; сохранить в регионе некоторое количество квалифицированных кадров и специалистов высшей категории.

В силу ряда причин объективного и субъективного характера профессорско-преподавательский состав «новых» университетов не был стабильным. В первые послереволюционные годы он претерпевал изменения, которые были обусловлены постоянными реорганизациями факультетов, что вызывало изменения учебных программ, кроме того, продолжающимся процессом внутренней и внешней миграции ученых, а также естественной убылью.

Анализ фактического материала показывает, что профессорско-преподавательский состав был представлен, в основном, «старой» профессурой, которая являлась носителем дореволюционных академических традиций. Вместе с тем несмотря на то, что молодые преподаватели получили образование до революции, их профессиональное становление происходило уже в новых исторических условиях. Многие из них, имея магистерскую степень, в провинциальных «новых» университетах смогли получить профессорские должности. Их профессиональная подготовка, полученная в ведущих российских университетах, давала им возможность существенно повысить свой профессиональный и научный уровень.

Совместная деятельность в провинции опытных и молодых ученых, представителей разных научных школ, создавала особую атмосферу плодотворной творческой работы, позволяла сохранять и укреплять корпоративное единство университетского научного сообщества. К сожалению, закрытие «новых» университетов вскоре после окончания Гражданской войны не позволило в качественно новых условиях нэпа в полной мере реализоваться ряду важных положительных тенденций и принципов, которые уже начали проявляться в их деятельности.

2.3. Петроградские ученые в Самаре в первые послереволюционные годы

Концентрация научных сил в провинции в первые послереволюционные годы способствовала ускоренному построению научно-образовательной инфраструктуры. В крупных провинциальных городах были созданы новые учебные заведения, научные общества, музеи и библиотеки, объединившие ученых, прибывших из центра, и представителей местной научной интеллигенции.

После Февральской революции Временным правительством предпринимались отдельные попытки решения некоторых наболевших проблем развития высшего образования в России. Был принят ряд правительственных нормативных актов о создании новых высших учебных заведений в губернских городах страны.

В конце августа 1917 г.¹⁴⁷ Временным правительством было утверждено «Положение о Женском педагогическом институте Самарского губернского земства памяти 19 февраля 1861 г.»¹⁴⁸. Инициатива его создания исходила от Самарского губернского земства, которое приняло на себя и расходы по финансированию его организации.

Согласно Положению, институт состоял из двух факультетов: Историко-филологического, с отделениями словесным и историческим, и Физико-математическим, с отделениями математическим и естественноисторическим¹⁴⁹. Утверждены были следующие штаты: на Историко-филологическом факультете — 6 ординарных и 3 экстраординарных профессоров, а также 8 преподавателей; на Физико-математическом — 5 ординарных и 4 экстраординарных профессора, 9 преподавателей и 11 ассистентов. Однако указанное количество профессорско-преподавательского состава могло быть увеличено «по изысканию на то средств, в размере соответственных штатных окла-

¹⁴⁷ В «Отчете о деятельности Самарского педагогического института в осеннем полугодии 1917 г.», составленном В.Н. Перетцем, датой утверждения Положения называется 22 августа 1917 г. (Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара, 1918. С. 3). Однако в «Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при правительствующем Сенате» (СУ), указывается, что Положение было утверждено в заседании Временного правительства 19 августа 1917 г. (СУ. 1917. № 275. Ст. 2013. С. 3295).

¹⁴⁸ Положение о женском педагогическом институте Самарского губернского земства памяти 19 февраля 1861 г. // СУ. 1917. № 275. Ст. 2013. С. 3296–3303.

¹⁴⁹ Там же. С. 3296.

дов, с разрешения Министра народного просвещения, <...> с согласия Самарского губернского земского собрания»¹⁵⁰.

Ряд профессоров и преподавателей столичных учебных заведений были приглашены Самарским земством для решения конкретных задач организации института. В частности, пост директора был предложен профессору Александру Петровичу Нечаеву, известному ученому-педагогу и психологу, основателю экспериментального направления педагогики в России¹⁵¹. Приглашение принять участие в организации Историко-филологического факультета Педагогического института от Самарской губернской земской управы получил видный филолог, академик Владимир Николаевич Перетц¹⁵². Именно он разработал первые административно-организационные документы Историко-филологического факультета: «Планы преподавания дисциплин», «расписания лекций» и др. Эта деятельность В.Н. Перетца в Самаре была официально одобрена руководством Российской академии наук и оформлена в качестве командировки «для научных занятий» с 1 октября 1917 г.¹⁵³

8 октября 1917 г. А.П. Нечаевым в Петрограде было проведено первое заседание совета института¹⁵⁴, на котором В.Н. Перетц был избран исполняющим обязанности помощника директора института, с возложением на него обязанностей «заведования организацией учебной частью»¹⁵⁵. В качестве представителя дирекции В.Н. Перетц инициировал ряд важных начинаний по формированию структуры института, по совершенствованию его основной деятельности. Отметим некоторые из них: об издании «Ученых известий», об организации Историко-археологического и этнографического музея, об учреждении Историко-филологического научного общества, о совершенствовании штатного расписания и др.¹⁵⁶

¹⁵⁰ Там же. С. 3297.

¹⁵¹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 28. Оп. 1. Д. 889. Л. 4.

¹⁵² Там же. Д. 909. Л. 2.

¹⁵³ Там же. Л. 2–3.

¹⁵⁴ Перетц В.Н. Отчет о деятельности Самарского педагогического института в осеннем полугодии 1917 года // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. 4.

¹⁵⁵ ЦГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 909. Л. 2.

¹⁵⁶ Перетц В.Н. Отчет о деятельности Самарского педагогического института в осеннем полугодии 1917 года // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. 6–7.

На первом же заседании Совета Педагогического института были проведены выборы штатных и нештатных преподавателей: заслуженный ординарный профессор университета святого Владимира И.А. Лециус был избран ординарным профессором по кафедре классической филологии и лектором немецкого языка; приват-доцент Московского университета Д.В. Викторов — ординарным профессором по кафедре философии; преподавательница Высших историко-филологических курсов Петроградского Педагогического института В.П. Адрианова — ординарным профессором по кафедре русской филологии; приват-доцент Петроградского университета А.В. Багрий — экстраординарным профессором по кафедре русской литературы; приват-доцент Петроградского университета Е.И. Тарасов — экстраординарным профессором по кафедре русской истории; петроградский специалист по вопросам физического воспитания и школьной гигиены В.В. Гориневский — штатным преподавателем по кафедре анатомии и школьной гигиены и врачом института; преподавательница Высших историко-филологических курсов Петроградского Педагогического института М.И. Ливеровская — штатным преподавателем по кафедре истории западноевропейской литературы и лектором по французскому языку; преподавательница Высших историко-филологических курсов Петроградского Педагогического института С.А. Щеглова — нештатным преподавателем по кафедре русской и славянской филологии; петроградский врач В.В. Гориневская — старшим ассистентом по школьной гигиене; преподавательница Высших историко-филологических курсов Петроградского педагогического института М.А. Александрова — старшим ассистентом по психологии; преподаватель Петроградских педагогических курсов Общества экспериментальной педагогики А.П. Баранников — нештатным преподавателем по кафедре сравнительного языковедения; и преподаватель Петроградских педагогических курсов Общества экспериментальной педагогики П.П. Лебедев — нештатным преподавателем по кафедре философии¹⁵⁷.

Таким образом, петроградские ученые составили костяк профессорско-преподавательского состава нового высшего учебного заведения. По мнению В.Н. Перетца, «...институт оказался богаче вновь

¹⁵⁷ Там же. С. 5.

основываемых университетов, имея в своем составе половину имеющих высшую ученую степень и половину — магистрантов»¹⁵⁸.

21 октября 1917 г. группа столичных ученых «с немалыми трудностями» прибыла в Самару. Официальное открытие Педагогического института произошло 29 октября, и уже 6 ноября «начались полным ходом занятия на Историко-филологическом факультете»¹⁵⁹.

Петроградские ученые с первых дней своего пребывания в Самаре начали принимать активное участие в научно-организационной работе в создаваемом высшем учебном заведении. Профессор Е.И. Тарасов был избран проректором института; профессор А.В. Багрий стал секретарем Историко-филологического факультета; на П.П. Лебедева кроме преподавательской деятельности, были возложены обязанности библиотекаря института; В.В. Гориневский и А.В. Багрий вошли в качестве членов в Попечительский совет и т.д.¹⁶⁰.

К весне 1918 г. в широких кругах самарской общественности возникла идея о преобразовании института в университет. 20 апреля состоялось собрание представителей различных общественных организаций и Совета профессоров института. На нем была «вынесена единодушно одобренная резолюция о немедленном преобразовании Педагогического института в полный университет»¹⁶¹. Однако процесс реорганизации института был завершен уже при новой власти.

Одним из результатов Гражданской войны в начале июня 1918 г. стало свержение советской власти в Самаре и переход власти в руки антибольшевистского Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ). 27 июля 1918 г. состоялось соединенное заседание земской управы и Совета пединститута, на котором была подтверждена упомянутая выше резолюция от 20 апреля и было решено ходатайствовать «перед Комитетом членов Учредительного собрания как правомочным органом Временного Российского правительства о немедленном преобразовании Педагогического института Самарского земства в Самарский земский университет»¹⁶².

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же. С. 5–6.

¹⁶⁰ Там же. С. 5.

¹⁶¹ Документы, относящиеся к открытию Самарского университета // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. V.

¹⁶² Там же. С. IX.

10 августа 1918 г. был подписан приказ КОМУЧа № 216, которым институт был преобразован в «Самарский университет, со всеми правами и преимуществами, Российским университетам присвоенными»¹⁶³. Следующим приказом КОМУЧа № 217 директором университета сроком на четыре года был утвержден профессор А.П. Нечаев, проректором — профессор Е.И. Тарасов, а академик В.Н. Перетц был назначен исполняющим обязанности декана Историко-филологического факультета «на срок до окончания времени его отпуска»¹⁶⁴.

Кроме того, этим же приказом на различные должности преподавателей нового университета были назначены десять петроградских ученых, работавших на тех же должностях ранее в Педагогическом институте.

Однако в начале октября 1918 г. в Самаре была восстановлена советская власть. Декретом Совнаркома от 21 января 1919 г. преобразование Педагогического института было утверждено, но днем основания университета было предложено считать «день первой годовщины Октябрьской революции — 7 ноября 1918 г.»¹⁶⁵. Таким образом, была, наконец, воплощена идея создания в Самаре университета. Следует вспомнить, что сама эта идея появилась еще в сентябре 1916 г., когда она обсуждалась на заседании Городской думы и была одобрена собравшимися. После чего последовали обращения в административные городские и губернские органы и общественные организации и было возбуждено соответствующее ходатайство перед Министерством народного просвещения¹⁶⁶. Однако тогда реализовать проект в силу различных причин не удалось несмотря на усилия, которые предпринимались «Комитетом по открытию университета» и органами самоуправления Самары.

¹⁶³ Там же. С. X.

¹⁶⁴ Там же. С. XI.

¹⁶⁵ Декрет СНК «Об утверждении государственных университетов в гг. Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и о преобразовании в государственные университеты быв. Демидовского юридического лицея в г. Ярославле и Педагогического института в г. Самаре» // СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 21. С. 22.

¹⁶⁶ *Леонов М.И.* К истории Самарского университета // Университеты в социокультурном пространстве Самарского региона (к 100-летию университетского образования в Самаре) материалы круглого стола, состоявшего в Самарском университете 8–9 ноября 2018 г. / под ред. П.С. Кабытова, М.М. Леонова, О.Б. Леонтьевой. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С. 9–10.

Несмотря на все тяготы и лишения послевоенной разрухи и Гражданской войны университет при поддержке органов советской власти продолжал свою деятельность и развивался. В отчете университета за 1921 г., в частности, отмечалось следующее: «В настоящее время молодой университет все крепче становится на ноги: за последний год он получил, несколько новых зданий, так что теперь обладает в городе семью корпусами, успел оборудовать вполне несколько лабораторий и продолжает и посейчас процесс оборудования остальных»¹⁶⁷.

К началу 1921 г. в университете было уже пять факультетов: Социально-исторический; Физико-математический; Медицинский; Агрономический; Рабочий. Отметим, что такая структура соответствовала принципу приоритета преподавания научно-прикладных дисциплин, что в первую очередь удовлетворяло потребности региона в собственных профессиональных кадрах высшей квалификации. Кроме того, значительно расширился профессорско-преподавательский состав. В этот период в университете работали 48 профессоров, 63 преподавателя, 49 ассистентов, 29 ординаторов, 29 научных сотрудников, 6 лаборантов, 25 помощников лаборантов¹⁶⁸. Небезынтересно отметить, что численность профессорско-преподавательский состава Физико-математического факультета была самой высокой в университет.

Одновременно с ответственной организационно-административной работой петроградскими учеными велась и большая преподавательская деятельность. Академиком В.Н. Перетцем на Историко-филологическом факультете читались лекционные курсы: «История славянских литератур», а также «Живые славянские языки». П.П. Фридолин (в 1921–1923 гг. являвшийся ректором университета) читал лекции по всеобщей истории; Е.И. Тарасов — по русской истории; А.В. Багрий — по истории русской филологии; А.П. Баранников — по классической филологии; М.И. Ливеровская — по истории западноевропейских литератур; С.Д. Балухатый — по эстетике; В.П. Адрианова — по истории русского языка; В.В. Гориневский —

¹⁶⁷ От издательской коллегии // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 3.

¹⁶⁸ Фридолин П.П., Софотерова А.К. Краткий обзор состояния Самарского государственного университета в 1921 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 8.

по социальной гигиене; А.П. Нечаев — по истории педагогики и экспериментальной педагогике и др.¹⁶⁹

Кроме того, столичные преподаватели в «качестве учебно-вспомогательных структур» организовывали на факультете работу семинариев. Например, В.Н. Перетцем был организован исторический семинарий. Весной 1919 г. семинарий получил новое название: «Семинарий археологии и искусств». В его отчете за 1919–1921 гг. указывалось, что «при постоянном содействии академика В.Н. Перетца семинарий пополнялся книгами и разными учебными пособиями (фотографии, рисунки, карты и др.) и библиотека семинария насчитывает уже 3 110 названий»¹⁷⁰. При семинарии был создан Учебно-показательный музей. В его помещении находилось и ценное собрание рукописей и старопечатных книг в «качестве учебно-вспомогательных структур» «Палеографический кабинет», созданный В.Н. Перетцем¹⁷¹.

В целом в течение учебного года одновременно действовало семь–восемь семинариев, которые не только способствовали повышению уровня преподавания на факультете, но и являлись своеобразными университетскими центрами, где студентам прививались навыки самостоятельной научно-исследовательской работы.

Нельзя не отметить, что петроградские ученые работали не только на Социально-историческом факультете, но также и на других факультетах. В частности, математик Г.В. Колосов являлся профессором кафедры теоретической механики Физико-математического факультета; известный миколог и фитопатолог В.С. Бахтин был профессором на кафедре общей ботаники Естественного отделения этого же

¹⁶⁹ Башкиров А.С. Отчет о деятельности Социально-исторического факультета Самарского государственного университета // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 76–77.

¹⁷⁰ Башкиров А.С. Отчет Семинария археологии и искусств Самарского государственного университета с 20 апреля 1919 г. по 20 сентября 1921 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 87–88.

¹⁷¹ Там же. С. 91.

факультета¹⁷²; на Медицинском факультете отдельные курсы лекций читались В.В. Гориневским, А.П. Нечаевым и др.¹⁷³

Столичные ученые, являясь представителями одного из ведущих научных центров России, были носителями глубоких культурных и научных традиций. Это обстоятельство получило отражение в их деятельности в Самаре. Одной из традиционных форм профессиональной жизни столичных ученых являлось участие в деятельности научных обществ. Действительно, накануне революции большинство ученых являлись членами научных обществ, зачастую состоя одновременно в нескольких объединениях. В первые послереволюционные годы, в условиях резкого сокращения отечественных научных изданий и полного отсутствия зарубежных, доклады на заседаниях научных обществ позволяли восполнить дефицит актуальной научной информации.

Уже 22 ноября 1917 г. состоялось первое заседание членов-учредителей Историко-филологического научного общества при Самарском пединституте. Председателем общества был единогласно избран В.Н. Перетц, а товарищем председателя профессор Е.И. Тарасов¹⁷⁴. Торжественное открытие общества состоялось 3 декабря 1917 г. Ученые из Петрограда составили актив этого научного общества. В состав его действительных членов входили: В.П. Адрианова (была секретарем общества), А.В. Багрий, А.П. Баранников, М.И. Ливеровская, П.П. Лебедев, А.П. Нечаев, С.А. Щеглова¹⁷⁵.

Историко-филологическое общество Самарского пединститута (позднее университета) в первые годы советской власти вело плодотворную научную работу, являлось университетским центром притяжения для всех, кто интересовался гуманитарными знаниями. Нам

¹⁷² Семенов Е.В. Краткий отчет о деятельности Физико-математического факультета Самарского государственного университета за период 30 декабря 1919 г. — 1 октября 1921 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 16, 19.

¹⁷³ Занченко П.В. Отчет о деятельности Медицинского факультета // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 26.

¹⁷⁴ Историко-филологическое общество в 1917–1918 академическом году // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. 27.

¹⁷⁵ Там же. С. 118.

удалось выявить обобщенные сведения о многогранной деятельности общества за 1919–1921 гг.

В 1919–1920 учебном году состоялось 17 заседаний общества, на которых было обсуждено 25 научных докладов¹⁷⁶. Как верно отмечал Э.Л. Дубман, «доклады, звучавшие на его заседаниях, относились в основном к области “чистой” классической науки — истории, филологии, литературоведения»¹⁷⁷.

Академик В.Н. Перетц за 1919–1920 академический год сделал шесть докладов: «Рукописи и старопечатные книги Самарского губернского музея»; «Заметки к тексту “Слова о полку Игореве”»; «К вопросу о введении латинского шрифта» и др. Четыре доклада было сделано А.В. Багрием: «Новые труды по истории русской литературы», «Критико-библиографический обзор литературы Т. Шевченко», «Герцен как беллетрист» и др. В.П. Адрианова выступила с докладом «Из истории древнерусских хождений в Святую Землю». М.И. Ливеровская прочитала доклад «К вопросу о приемах художественного периода (по поводу статей К. Чуковского и Н. Гумилева)». С.А. Щеглова сделала доклад «К литературной деятельности Симеона Полоцкого». С.Я. Лурье прочитал сообщение «Миф о каледонской охоте».

В 1920–1921 учебном году состоялись 13 заседаний общества, где было заслушано 14 докладов¹⁷⁸. В.Н. Перетцем были сделаны два доклада: «Рукописи Самарского университета» и «Несколько польских параллелей XVI–XVII вв. к сочинениям И. Вишневецкого». В.П. Адриановой был подготовлен доклад «Казанский купец Василий Гагара как паломник-писатель». А.П. Баранников выступил с докладом «Natakamala (гирлянда рассказов о перерождениях Будды)».

¹⁷⁶ Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Самарском университете за 1919–1920 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 118–120.

¹⁷⁷ Дубман Э.Л. Первый Самарский университет: от научных обществ к проекту создания научно-исследовательского института // Университеты в социокультурном пространстве Самарского региона (к 100-летию университетского образования в Самаре) материалы круглого стола, состоявшего в Самарском университете 8–9 ноября 2018 г. / под ред. П.С. Кабытова, М.М. Леонова, О.Б. Леонтьевой. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С. 19.

¹⁷⁸ Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Самарском университете за 1920–1921 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 120–121.

С.А. Щеглова представила доклад «“Беседы пастушеские” Симеона Полоцкого».

Одновременно с этим некоторые петроградские ученые являлись активными членами и другого университетского научного общества — Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) и выступали с докладами на его заседаниях.

Как считают исследователи, в 1917–1918 гг. в Самаре сложилось два замкнутых, почти не пересекавшихся друг с другом круга лиц — местных краеведов, любителей старины и культуры, объединенных в Самарское археологическое общество, и «приезжих» преподавателей-гуманитариев университета, но сближение этих кругов произошло в Комитете по заведыванию Самарским городским музеем, что и привело к созданию ОАИЭ¹⁷⁹. Созданное 2 ноября 1919 г., это научное общество имело целью «исследование, изучение, собирание и охранение памятников древности, старины и искусства Самарского края с точки зрения археологии, истории и этнографии и иных смежных с ними научных дисциплин»¹⁸⁰. Число членов общества к концу первого года его работы составляло 54 человека¹⁸¹.

В 1919–1920 гг. на заседаниях ОАИЭ петроградскими учеными были сделаны следующие доклады: «Лицевой песенник середины XVIII в. (рукопись Тверского музея)» и «О введении латинского алфавита» (В.Н. Перетц); «Значение изучения языка Восточной России» (А.П. Баранников) и др.¹⁸²

Для осуществления задач, стоявших перед обществом, и «принимая во внимание назревшую нужду в опытных сотрудниках по изучению местного края <...> и отсутствие музейных и архивных работни-

¹⁷⁹ Дубман Э.Л. Первый Самарский университет: от научных обществ к проекту создания научно-исследовательского института // Университеты в социокультурном пространстве Самарского региона (к 100-летию университетского образования в Самаре) материалы круглого стола, состоявшего в Самарском университете 8–9 ноября 2018 г. / под ред. П.С. Кабытова, М.М. Леонова, О.Б. Леонтьевой. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С. 19; Крайнова Т.В. Самарское археологическое общество (1916–1919) // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара: Самар. обл. краевед. музей, 1995. С. 135–136.

¹⁸⁰ ЦГАСО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

¹⁸¹ Там же. Д. 15. Л. 1.

¹⁸² Баширов А.С., Ефимов П.Н. Отчет Общества археологии, истории и этнографии при Самарском государственном университете за первый год его существования с 2-го ноября 1919 г. по 2-е ноября 1920 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 111.

ков» Общее собрание ОАИЭ 8 февраля 1920 г. постановило открыть в Самаре Археологический институт¹⁸³. Предполагалось, что полноценную работу новый вуз начнет в сентябре 1920 г. На время решения организационных вопросов при ОАИЭ были организованы полугодовые Высшие археологические курсы¹⁸⁴.

К сожалению, проект Археологического института не был реализован¹⁸⁵. Однако курсы продолжали функционировать, при этом на них были созданы лекторий и Топографический кабинет, а обучение приходили не только студенты, но и сотрудники местных научных учреждений.

По поручению самарских органов власти ученым приходилось выполнять ответственную научно-организационную работу и за пределами университета. Так, в 1920–1921 гг. академик В.Н. Перетц по совместительству являлся еще и председателем уже упоминавшегося ранее губернского Комитета по охране культурных ценностей, а также работал в Самарском Губархиве в качестве эксперта¹⁸⁶. Весной 1920 г. В.Н. Перетц вместе с профессором А.П. Баранниковым приняли активное участие в проведении «Съезда национальных меньшинств Самарского края»¹⁸⁷. На съезде оба ученых выступили с докладами: первый был Перетц о «Путиях культурного развития национальных меньшинств», а доклад Баранникова назывался «Местные задачи угрофинского языкознания».

В самарский период своей жизни петроградские ученые не прекращали активной научно-публикационной деятельности. Например, В.Н. Перетцем только в 1918 г. было опубликовано шесть работ. Назовем некоторые из них: «Сведения об античном мире в Древней Руси XI–XIV вв.», «Рукописи Иосифо-Волоколамского монастыря», «Критико-библиографический обзор новых трудов по источниково-

¹⁸³ ЦГАСО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 21. Л. 4 об.

¹⁸⁴ Там же. Д. 25. Л. 3.

¹⁸⁵ Синельникова Е.Ф. Из истории высшего образования в первые годы Советской власти: попытка создания Археологического института в Самаре // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2020. М.: ИИЕТ РАН, 2020. С. 333–336.

¹⁸⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 25. Л. 16.

¹⁸⁷ Отчет Общества археологии, истории и этнографии при Самарском государственном университете за первый год его существования с 2-го ноября 1919 г. по 2-е ноября 1920 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 113–114.

ведению древнерусской литературы» и др. К печати были подготовлены: «Описание рукописей Новгородских древлехранилищ», «Описание рукописей и старопечатных книг Самарского губернского музея», «Описание рукописей и старопечатных книг библиотеки Самарского государственного университета»¹⁸⁸. Профессор Е.И. Тарасов опубликовал работу «Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху»¹⁸⁹ и «Записки неизвестного по крестьянскому вопросу»¹⁹⁰. Профессор С.Д. Балухатый напечатал «Некоторые ритмико-синтаксические категории русской речи»¹⁹¹.

К сожалению, период существования университета в Самаре оказался недолгим. В связи с переходом к нэпу в стране резко сократились государственные бюджетные ассигнования на науку и образование. Произошло сокращение численности учебных заведений в РСФСР, причем не только высших — значительно сократилось количество школ. В 1923–1924 гг. сеть Главнауки была сокращена с 394 учреждений до 210¹⁹². Уже в 1922 г. над университетом нависла угроза закрытия, и начала работу Центральная комиссия по его ликвидации. Спасти университет не помогли даже проводимые студентами «Недели помощи университету», на которых делались попытки собрать необходимые финансовые средства для погибающего вуза¹⁹³. В связи

¹⁸⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 25. Л. 16.

¹⁸⁹ Тарасов Е.И. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Главы I-IV // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. 1–176; Он же. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Главы V-XII (окончание) // Известия Самарского государственного университета. Вып. 4. Самара, 1923. С. 177–452.

¹⁹⁰ Тарасов Е.И. Записки неизвестного по крестьянскому вопросу // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 1–81.

¹⁹¹ Балухатый С.Д. Некоторые ритмико-синтаксические категории русской речи // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 14–25.

¹⁹² Соболев В.С. Нести священное бремя прошедшего: Российская академия наук: Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 127.

¹⁹³ Коммуна. Самара, 1922. 15 декабря; Коммуна. Самара, 1923. 6 ноября; Дедушицкий С.И., Сломицкий С.Г. Отчет о «Неделе помощи университету» // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 26–27.

с этими обстоятельствами ученые, прибывшие ранее из центра, стали покидать Самару. В 1923 г. университет был закрыт.

Полагаем, что представляется возможным сделать вывод о том, что петроградские ученые в первые послереволюционные годы внесли личный весомый вклад в дело создания университета в Самаре и в организацию его основной деятельности. Результаты научной и учебной работы университета в этот период истории стали достаточно важным фактором, оказавшим действенное влияние на позитивное развитие научно-образовательного пространства в Самарской губернии и на формирование качественно новых характеристик культурного пространства всего региона Поволжья.

2.4. Попытка создания Археологического института в Самаре в первые годы советской власти

Одной из особенностей научно-образовательного пространства дореволюционной России была неравномерность распределения высших учебных заведений и научных учреждений по ее территории. Основные научные силы были сосредоточены в Петербурге и Москве, и еще в 9-ти городах, в которых располагались университеты. В крупных неуниверситетских городах научными центрами являлись губернские ученые архивные комиссии и научные общества, главную роль в которых играла образованная элита.

В первые послереволюционные годы в результате перемещения профессорско-преподавательских и научных кадров из центра на периферию в больших провинциальных городах активно создавались новые учебные заведения, научные общества и кружки, музеи и библиотеки, и т.п.

Одним из созданных в эти годы новых вузов был университет в Самаре, основанный 10 августа 1918 г. по решению Комитетам членов Всероссийского Учредительного Собрания на базе Педагогического института¹⁹⁴. Это преобразование было утверждено декретом Совнаркома от 21 января 1919 г., но днем основания университета стал считаться «день первой годовщины Октябрьской революции —

¹⁹⁴ Документы, относящиеся к открытию Самарского университета // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. X.

7 ноября 1918 г.»¹⁹⁵. При университете функционировало несколько научных обществ, в том числе и организованное 2 ноября 1919 г. Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ)¹⁹⁶. В данной научной организации свои усилия соединили местные интеллектуалы и профессиональные ученые — преподаватели университета, прибывшие в Самару из Петрограда, Москвы, Казани и других научных центров. ОАИЭ имело целью «исследование, изучение, собирание и охранение памятников древности, старины и искусства Самарского края с точки зрения археологии, истории и этнографии и иных смежных с ними научных дисциплин»¹⁹⁷. Число членов общества к концу первого года его работы составляло 54 человека¹⁹⁸.

Для осуществления задач, стоявших перед обществом, и «принимая во внимание назревшую нужду в опытных сотрудниках по изучению местного края <...> и отсутствие музейных и архивных работников» Общее собрание ОАИЭ 8 февраля 1920 г. постановило открыть в Самаре Археологический институт¹⁹⁹. Предполагалось, что полноценную работу новый вуз начнет в сентябре 1920 г. На время решения организационных вопросов при ОАИЭ были организованы полугодовые Высшие археологические курсы²⁰⁰.

Занятия на курсах начались 28 март 1920 г. «при полном содействии Самарского государственного университета, Самарского губисполкома, Самарского отдела народного образования и др. правительственных и общественных организаций»²⁰¹, которые также активно поддерживали идею создания нового института. Лекции читали 13 преподавателей Самарского государственного университета²⁰², в том числе, академик В.Н. Перетц (председатель Совета курсов), литературоведы В.П. Адрианова и С.Д. Балухатый, археолог В.В. Гольм-

¹⁹⁵ Декрет СНК «Об утверждении государственных университетов в гг. Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и о преобразовании в государственные университеты быв. Демидовского юридического лицея в г. Ярославле и Педагогического института в г. Самаре» // СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 21. С. 22.

¹⁹⁶ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р. 558. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

¹⁹⁷ Там же. Д. 16. Л. 2.

¹⁹⁸ Там же. Д. 15. Л. 1.

¹⁹⁹ Там же. Д. 21. Л. 4 об.

²⁰⁰ Там же. Д. 25. Л. 3.

²⁰¹ Там же. Д. 36. Л. 5

²⁰² Там же. Д. 36. Л. 5 об.

стен, историки-антиковеды А.С. Башкиров и П.Ф. Преображенский, философ В.Н. Ивановский, и др. Занятия проводились в помещениях ОАИЭ, также в учебных целях использовались его библиотека и музей.

В мае 1920 г. председатель ОАИЭ профессор А.С. Башкиров обратился от имени общества в Государственный ученый совет (ГУС) Наркомпроса с просьбой об учреждении в Самаре Археологического института²⁰³. При докладной записке были приложены проект будущего института с детальной программой обучения на трех отделениях: археологическом, археографическом и этнографическом. План преподавания был составлен таким образом, чтобы подготовить «кадр работников, сочетающих и теоретические знания, и умения практически их использовать в области археологических, архивных и этнографических изучений»²⁰⁴.

ГУС в заседании 28 мая 1920 г. рассмотрел представленный проект и признал создание нового учебного заведения нецелесообразным. Было решено, что задачи Археологического института должны быть «возложены» на Литературно-этнографическое отделение Социально-исторического факультета Самарского университета. Предполагалось это осуществить «путем расширения преподавания на нем археологических, этнографических и других дисциплин и учреждения, в случае надобности соответствующих практических курсов для обслуживания местных нужд»²⁰⁵. Однако факультет не предпринимал никаких действий по выполнению постановления ГУСа.

Организаторы пытались отстоять перед ГУС идею создания института под руководством ОАИЭ. Это обосновывалось тем, что оторванность от «научных общественных организаций» подобных институтов, существовавших в Москве, Петрограде и Казани, становилась причиной подготовки ими «теоретиков, замыкающихся в рамках узкой среды специалистов»²⁰⁶. Археологический институт в Самаре, в свою очередь, «находясь в ведении компетентного в научном отношении университетского общества, имеет задачей подготовить ра-

²⁰³ Там же. Д. 36. Л. 17.

²⁰⁴ Там же. Д. 25. Л. 10.

²⁰⁵ Там же. Д. 36. Л. 1 об.

²⁰⁶ Там же. Л. 5.

ботников-практиков», которые «проходят свое учение не только в аудиториях института»²⁰⁷.

Общество также обращалось в Научный отдел Наркомпроса с просьбой об открытии института, направив при этом проект «Положения об Археологическом институте» и «Отчет о деятельности Высших археологических курсов с 28 марта по 1 ноября 1920 г.». Вместе с тем, руководители ОАИЭ выражали надежду, что «начатое дело в виде Археологических курсов под эгидой Общества развернется в крепкую высшую школу изучения обширного края»²⁰⁸.

В первой половине 1921 г. продолжалась переписка. Однако, несмотря на поддержку местных властей, разрешить вопрос о создании нового полноценного специализированного вуза не удалось. Не помогли и командировки В.Н. Перетца в Москву и Петроград²⁰⁹. В то же время, в Поволжье начался голод, и тяжелое материальное положение сказалось на культурной работе. Самарский университет пришел в бедственное состояние. Со второй половины 1921 г. специалисты, приехавшие для работы в нем, стали возвращаться в центр. С начала 1922 г. в Самаре приступила к работе Центральная комиссия по ликвидации университета, который был закрыт в 1923 г. Все это неблагоприятно отразилось на деятельности ОАИЭ.

Тем не менее, свою работу продолжали Высшие археологические курсы, с 1 октября 1920 г. переименованные в Высшие этнолого-археологические с новым учебным планом с расширенной программой и сроком обучения в три года. С 1922 г. они назывались Высшими краеведческими курсами.

Программа обучения на курсах была приближена к первоначальному плану преподавания в Археологическом институте. На первом курсе слушатели знакомились с дисциплинами общего характера. На втором курсе изучалась история Самарского края. На третьем работа приобретала самостоятельно-исследовательский характер, причем каждый слушатель вел углубленное изучение по теме выпускной работы. В течение летнего триместра курсисты активно уча-

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же. Д. 25. Л. 4.

²⁰⁹ Там же. Д. 45. Л. 29.

ствовали в полевых исследованиях ОАИЭ и обработке полученных материалов²¹⁰.

На курсы принимались люди, имеющие законченное среднее образование. В первый год слушателями стали 140 человек (по спискам), 90–95 из них постоянно посещали занятия²¹¹. На следующий год на первый курс поступило 43 слушателя²¹². Обучение было бесплатным, но в 1924 г. ввели плату в размере 42 руб. в год, при этом 25% слушателей обязательно освобождались от нее²¹³.

Состав учащихся был «довольно пестрый». Одни курсисты являлись «приверженцами археологической науки, всерьез собирающиеся стать археологами», а для других курсы становились единственной возможностью «получить хоть какие-нибудь знания, вместо ничего»; вторую группу преимущественно составляла «комсомольская молодежь»²¹⁴.

В 1929 г. ОАИЭ было реорганизовано в Окружное общество краеведения, а курсы закрыты. Некоторые из слушателей продолжили свое образование в столичных вузах, и впоследствии стали археологами, докторами и кандидатами наук: К.В. Сальников, М.М. Кобылина, А.И. Тереножкин, А.А. Марущенко, В.П. Маркова, А.И. Болтунова и другие. В конце 1920-х гг. краеведение подвергалось яростным нападкам в печати. Итогом этой кампании стало закрытие всех краеведческих обществ в 1933 г. и аресты большинства их членов²¹⁵.

Таким образом несмотря на то, что в первые послереволюционные годы не удалось создать Археологический институт в Самаре, но силами ОАИЭ велась подготовка археологов, историков и архивистов, которые внесли большой вклад в исследование Самарского края в 1920-е гг.

²¹⁰ Гольмстен В.В. Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете (История и деятельность) // Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете. Самара: Б.и., 1925. № 1. С. 7.

²¹¹ ЦГАСО. Ф.Р. 558. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.

²¹² Там же. Л. 3.

²¹³ Там же. Д. 85. Л. 1.

²¹⁴ Чудова Ф.Г. Это было в Самаре: Воспоминания. Киров: б.и., 1991. С. 98.

²¹⁵ Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак, 2006. С. 49.

2.5. Из Москвы в Саратов: отражение научной жизни провинции в письмах этнографа Б.М. Соколова

Источники личного происхождения имеют большую ценность для изучения сложного процесса изменения научно-образовательного пространства России в первые послереволюционные годы. В этом отношении представляются весьма ценным историческим источником письма этнографа, фольклориста, литературоведа Бориса Матвеевича Соколова (1889–1930) к его брату-близнецу, также литературоведу и фольклористу, Юрию Матвеевичу Соколову (1889–1941). К 1917 г. братья уже были хорошо известными в академической среде исследователями русской литературы и народной словесности. Весной 1919 г. Борис Матвеевич Соколов оставил должность приват-доцента Московского университета и переехал в Саратов, чтобы работать профессором Кафедры русской литературы в местном университете, а его брат остался работать в Москве.

С этого момента начинается переписка двух братьев, которая составляет более 150 писем, которые хранятся частью в Российском государственном архиве литературы и искусства, а частью в Государственном литературном музее²¹⁶.

В письмах Б.М. Соколова в Москву значительное место занимало описание научной и культурной жизни Саратова, в них рисовались драматические картины жизни и быта провинциальной научной интеллигенции. В частности, в первых письмах из Саратова Борис Матвеевич рассказывал брату о начале своей научной, преподавательской и организационной деятельности в университете, подробно описывал свою первую публичную лекцию. Лекция на тему «Ближайшие задачи изучения русских былин» состоялась 29 мая 1919 г. в самой большой аудитории университета, в которой собралось более 200 человек и все руководство вуза²¹⁷.

²¹⁶ Переписка была опубликована в 2010 г. Валентиной Александровной Бахтиной, доктором филологических наук, главным научным сотрудником Отдела фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук — Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых). М.: ИМЛИ РАН, 2010. 816 с.

²¹⁷ Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых). М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 33–34.

Борис Матвеевич очень быстро оказался включен в работу множества комиссий и общественных организаций университета, а также загорелся идеей создания Этнографического музея в Саратове. Он преподавал, кроме университета, еще и в Педагогическом институте (Институте народного образования), участвовал в различной организационной и научной работе в Обществе истории, археологии и этнографии, организовывал выставки, вел просветительскую работу в Красной армии, читал лекции на курсах Иностранных языков и многое другое. В одном из писем в ноябре 1919 г., он следующим образом описывал свою рабочую неделю: «В понедельник, вторник, среду вечера были заняты лекциями. Понедельник — заседание Просветительной ассоциации, среда — Совет университета и заседание Президиума Просветительной ассоциации, четверг — заседание Правления Института народного образования и Университета, суббота утром — заседание в Губотнаробе»²¹⁸. И далее: «Меня избрали председателем Просветительной ассоциации, членом комиссии по охране памятников искусства и старины при Губотнаробе, а тут (между нами) раздаются голоса об избрании меня помощником ректора»²¹⁹. И еще о плотном рабочем графике, также в ноябре 1919 г.: «Целый день занят. Вот эти дни: вторник в унив<ерситете> по разным делам; вечером лекции на Курсах иностр<анных> яз<ыков> и подготовка к лекции в среду. В среду заседание президиума в Инст<итуте> Нар<одного> обр<азования>, Ассоциация, а затем два часа лекций (общий курс) и два часа семинария по древней лит<ературе> в университете. В четверг утром в Губотнаробе по делам Ассоциации, потом в ней, потом заседание правления в унив<ерситете>; сегодня целый день засед<ание> факультета, затем в Ассоциации два совещания, затем два ч. Занятий по поэтике и два ч. Лекций по этнографии в Инст<итуте> нар<одного> образ<ования>. Завтра утром заседание предмет<ной>, затем Совет и<нститу>та, затем два ч. Лекций и два ч. Семинария по нар<одной> слов<есности> Унив<ерситета>. В воскресенье: семинарии по местному краю от 11 <часов до> 1 <часа> в Архивной ком<иссии>, а вечером заседание литературной секции философ<ско>-историч<еского> общества и т<ак> далее, и т<ак> далее. Целый день занят. А главное, я стараюсь готовиться к лек-

²¹⁸ Там же. С. 215.

²¹⁹ Там же. Нужно сказать, что помощником ректора он не стал, но осенью 1922 г. возглавил Педагогический факультет университета (Там же. С. 642).

циям. В Инст<итуте> н<ародного> образ<ования> веду семинарий по поэтике»²²⁰.

Нашли в письмах отражение впечатления от университета и от поразившей Б.М. Соколова богатейшей библиотеки, хранящей множество бесценных рукописей: «Университет своим зданием произвел на меня поразительное впечатление. Роскошь. Но от чего я в восторге и сразу душевно успокоился — это от библиотеки: чудный подпор книг, многие журналы с основания (Университет в Саратове был основан 1909 г.). Но что прямо для меня роскошь — 40 000 книг библиотеки Шляпкина, и превосходная библиотека братьев Барсуковых. Очень приличная библиотека кабинета русской филологии»²²¹.

В Саратове в эти годы работали известные ученые: философы С.Л. Франк²²² и Г.П. Федотов, египтолог Ф.В. Баллод, литературоведы Н.К. Пиксанов и В.М. Жирмунский, языковеды Н.Н. Дурново и Г.А. Ильинский, историки С.Н. Чернов и П.С. Рыков и др. Чрезвычайно интересны характеристики профессоров и преподавателей университета, а также впечатления Бориса Матвеевича от общения с ними, которыми он делится с братом в своих письмах.

В частности, интересны следующие характеристики, данные Б.М. Соколовым своим университетским коллегам: «Бутенко — живой и веселый человек, хорошо образованный. <...> Жирмунский, безусловно, интересующийся и знающий человек. Он очень интересуется вопросами поэтики. С ним много общих тем. Баллод, хотя неск<олько> вспыльчивый человек, безусловно, знающий египтолог. Не скажу, чтобы он был любит<елем> и знатоком русского искусства. Франка, я видел пока раза два; он мне меньше всех понравился. <...> Каплинский (классик) еще совсем (26 лет) молодой человек — с детской физиономией, но очень корректный и ясный по уму. Больше всех бесцветная г<оспо>жа Меликова — тоже по кафедре классической филологии. Из русских историков здесь двое — проф<ессор> Веретенников (не скажу, чтобы из очень видных, и как гов<орят>, не очень симпатичных), но я ничего дурного не видео в нем. Другой препо-

²²⁰ Там же. С. 228.

²²¹ Там же. С. 26

²²² Подробнее о деятельности и жизни С.Л. Франка в Саратове см.: Гапоненков А.А. Философ в провинции. С.Л. Франк и его окружение в годы революции и Гражданской войны в Саратове. Из летописи событий 1917–1921 годов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2019. 304 с.

дав<атель> (доцент) Чернов, еще сравн<ительно> молодой, очень сердечный и очень увлекающийся ученый. По местному краю читает местный самоучка и большой знаток Гераклитов. <...> Хуже всех Дурново. Много самомнения и самодурства. Пиксанов — несколько властный и самолюбивый человек. В факультете есть две партии: одна — Жирмунский, Франк, Меликов, Каплинский, другая — Пиксанов, Бутенко. Я, собственно, не вижу причины делиться, а потому не намерен быть приверженцем той или другой»²²³. Причинами частых ссор и «выходок» среди профессуры Борис Матвеевич считал «зависть, неудачливость и просто личные счёты»²²⁴.

Любопытно, как характеризовал Борис Матвеевич и работающих в соседнем регионе коллег. В ноябре 1919 г. Борис Матвеевич писал брату: «Перетц предлагает к нам в Саратов Адрианову, Щеглову, Балухатого и самого себя. Вот не было печали — черти накачали! Ты сам знаешь, как мало симпатичен он сам и его перцовки. При его самодержавном характере и страсти к интриганству удовольствие маленькое видеть его здесь. В Самаре, гов<орят>, такая ссора между профессорами его партии и партии проф<ессора> Нечаева, что хоть святых выноси... Кроме того, нашествие этой Перетцевской орды на наш фак<ультет> приведет, в конце концов, в тому, что мы будем уже совершенно лишены возможности пригласить кандидата в препод<аватели> по своему желанию. Но, с другой стороны, отказать ак<адемику> Перетцу — неудобно в академич<еском> отношении. Все же лицо, заслуженное в науке. Теперь еще затруднение и в том, что нельзя иметь слишком большого количества препод<авателей> на одной кафедре: это повлечет к призыву на военную службу б<ольшей> ч<асти> их, а т. к. женщин не призывают, то г<оспо>жи профессорши воссядут на наших кафедрах, а мы благородно принуждены будем ретироваться»²²⁵. Однако все обошлось благополучно, и В.Н. Перетц с коллегами продолжили работать в Самаре.

В письмах можно найти и живой отклик на происходящие в стране и губернии события. Так, в 1921 г. — во время голода в Поволжье — Борис Матвеевич активно работал в комиссиях и организаци-

²²³ Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых). М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 47–48.

²²⁴ Там же. С. 228.

²²⁵ Там же. С. 164–165.

ях по борьбе с ним, писал об этом своему брату: «Среди своих коллег профессоров нахожу мало сочувствия. До чего вся наша интеллигенция за последние годы стала равнодушной, антиобщественной, прямо враждебной народу. Говорят, интеллигенцию спасти важнее, чем простой народ. И забывают, что выше всех самолюбований должно стать спасение нашего населения, народа. Кому же нужна Россия с умершим населением?»²²⁶.

В Саратове Борисом Матвеевичем был написан ряд научных трудов, о работе над которыми он также подробно писал брату. Для университета им был разработан ряд курсов лекций, организованы семинарии по фольклору, поэтике, древней литературе, проведены этнографические экспедиции. В частности, со студентами университета в количестве 22 человек летом 1920 г. в Хвалынском езде Саратовской губернии. По завершении экспедиции Борис Матвеевич очень подробно писал брату в Москву: «Это было прямо кругосветное путешествие. Декорация все время менялась. Из русского села в мордовское, из мордовского в чувашское, из чувашского в татарское. А было и так, что один конец села чуваша, а другой мордовский или русский»²²⁷. Предметы, собранные в экспедициях, легли в основу коллекции Этнографического музея, который был открыт в 1920 г., и стал одним из важнейших организационных успехов Бориса Матвеевича.

В целом, саратовский период жизни ученого был весьма продуктивным. Б.М. Соколов покинул Саратов в январе 1924 г., т. к. его пригласили в Москву для организации Центрального музея народоведения СССР. Борис Матвеевич работал директором этого музея практически вплоть до своей смерти в 1930 г. В 1948 г. музей был объединен с Государственным музеем этнографии народов СССР, коллекции перевели в Ленинград — сейчас все это Российский этнографический музей.

Безусловно, богатое эпистолярное наследие Бориса Матвеевича Соколова является значимым и интересным источником по истории развития науки и образования в провинции в первые послереволюционные годы и требует дальнейшего исследования.

В качестве заключения, приведем цитату из письма Бориса Матвеевича, в котором он обращается к брату со словами поддерж-

²²⁶ Там же. С. 566.

²²⁷ Там же. С. 382.

ки, но этими же словами можно, в целом, охарактеризовать и его деятельность в Саратове: «Поражаюсь и искренно удивляюсь твоей энергии и продуктивности. Где ты только не работаешь, и работаешь не за страх, а за совесть. Сколько важного, полезного ты сделал. Уверен, что тебя за это не раз добром вспомнят и поблагодарят. Ну а на современников, на, возможно, недоброжелательство их не очень-то обращай внимание. Я замечал, что если будешь энергичен, находчив, трудолюбив, инициативен — то уже за одно это тебя готовы живьем съесть. Но не надо падать духом — это общий удел людей, думающих и делающих свое дело»²²⁸.

2.6. Научные общества при университетах в российской провинции в 1917—1922 гг.

Научные общества являлись одной из значимых, традиционных институций в системе организации дореволюционной отечественной науки. Они вносили значительный вклад в дело распространения научных и научно-прикладных знаний, способствовали формированию профессионального научного сообщества.

В начале XX в. основные научные силы были сосредоточены в научных центрах — Санкт-Петербурге и Москве, там же располагалось большинство научных обществ. В результате революции 1917 г. коренным образом изменились социально-экономические и политико-идеологические условия деятельности ученых. В результате этого, в частности, стало происходить перемещение профессорско-преподавательских и научных кадров из центра на периферию. Сложный процесс взаимодействия и сотрудничества профессиональных столичных ученых с местной интеллигенцией происходил, в частности, в рамках научных обществ, созданных при университетах в провинции.

Следует отметить, что история деятельности провинциальных научных обществ долгие годы находилась не в фокусе внимания исследователей. Однако начиная с 1990-х гг. стали появляться отдельные весьма интересные работы, посвященные данной тематике²²⁹,

²²⁸ Там же. С. 239.

²²⁹ Бердинских В.А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 522 с.; Филимонов С.Б. Краеведческие

причем особое значение придавалось просветительской работе общественно-научных организаций среди населения. Тем не менее при этом почти не рассматривались взаимоотношения периферийных научных организаций с научными центрами в столицах. Исключением в этом отношении стала весьма обширная статья М.В. Лоскутовой²³⁰, посвященная «местным ученым обществам» второй половины XIX — первых десятилетий XX в. В ней рассматриваются важные механизмы приобщения провинциальных исследователей к научной деятельности, их интегрированность в научное сообщество страны, обмен публикациями, научными коллекциями между «центром» и «периферией» др. К сожалению, в этой статье послереволюционный период деятельности провинциальных научных обществ фактически остался не освещенным. Таким образом, многие вопросы истории деятельности научных обществ на «глубинных» территориях России до настоящего времени остаются недостаточно изученными.

Создание научных обществ на периферии в первые послереволюционные годы было довольно распространенным явлением: согласно архивным данным, около 70 научных обществ функционировало в российской провинции в 1918–1922 гг.²³¹ Это было связано не только с созданием новых университетов, но и с появлением в провинции нового профессионального социума — ведущих ученых и молодых исследователей различных научных направлений. Участие в работе научных обществ являлось неотъемлемой частью научного быта для приехавших из столиц специалистов. Одним из важных результатов их деятельности в провинциальных университетах была организация такого рода научных объединений.

организации европейской России и документальные памятники (1917–1929). М.: О-во «Поли», 1991. 207 с.; Флейман Е.А. Краеведение в Поволжье. Кострома: КТИ, 1995. 213 с. и др.; Савчук В.С. Естественнонаучные общества юга Российской империи: вторая половина XIX — начало XX в. Днепропетровск: Вид-во ДДУ, 1994. 230 с.; Andrews James T. Local Science and Public Enlightenment: Iaroslavl Naturalists and the Soviet State, 1917–31 // Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001. P. 105–125; Idem. Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934. College Station: Texas A&M University Press, 2003. 256 p.

²³⁰ Лоскутова М.В. Уездные ученые: самоорганизация научной общественности в российской провинции во второй половине XIX — первые десятилетия XX в. // *Ab imperio*. 2009. № 3. С. 119–170.

²³¹ ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 138. Л. 22–23.

Методологической основой для обобщения и анализа материалов по истории деятельности провинциальных университетских научных обществ различного научного профиля, созданных в первые послереволюционные годы, нами использовалась исследовательская стратегия *case studies*, а в качестве объектов изучения были отобраны — Общество естествоиспытателей при Пермском университете, Историко-филологическое общество при Самарском университете, Общество клинической и теоретической медицины при Астраханском университете. Результаты комплексного и тщательного анализа результатов функционирования этих организаций обладают репрезентативностью для генеральной совокупности провинциальных научных обществ соответствующего дисциплинарного поля.

Так, при Пермском университете, силами профессоров и ассистентов Физико-математического и Медицинского факультетов в декабре 1917 г. было создано Общество естествоиспытателей.

Первоначально в Перми было открыто отделение Императорского Петроградского университета в октябре 1916 г., а позднее, 1 июля 1917 г., на его базе был открыт Пермский университет. Первыми преподавателями стали молодые профессора и приват-доценты столичного университета, среди них были и будущие создатели Общества естествоиспытателей.

Учредительное собрание общества состоялось 3 декабря 1917 г., на котором был рассмотрен и принят устав организации, вскоре утвержденный Советом Пермского университета, одновременно с этим обществу было ассигновано 1 500 руб. на организацию работы.

Целью общества было «способствовать вообще развитию естественных наук, в частности содействовать естественно-историческим исследованиям Урала, прилежащим к нему областям и Прикамского края»²³². В состав первого президиума Общества входили выдающиеся ученые: известный специалист по микроскопической анатомии и эмбриологии Виктор Карлович Шмидт (президент общества); ботаник, физиолог растений, будущий академик Андрей Александрович Рихтер (вице-президент), геолог, минеролог, будущий академик Александр Алексеевич Полканов (секретарь); зоолог, один из первых отечественных генетиков Дмитрий Михайлович Дьяконов (помощник

²³² Устав Общества естествоиспытателей при Пермском университете // Труды Общества естествоиспытателей при Пермском университете. 1924. Т. 1. Вып. 1. С. 41.

секретаря), основоположником эволюционной гистологии Алексей Алексеевич Заварзин (казначей).

Одним из первых и успешных начинаний общества стало учреждение Биологической станции в Нижней Курье на Каме. В протоколах заседаний Общества естествоиспытателей зафиксированы этапы ее создания и деятельности. Директором стал зоолог Дмитрий Михайлович Федотов. Уже 6 июня 1918 г. станция начала работу, причем работы на станции проводило в первый летний сезон 22 человека. Первоначально материально это учреждение общества поддерживало правление университета: в ноябре 1918 г. было ассигновано 3 тыс. руб., а в 1919 г. — 10 тыс. руб.²³³ Этим подчеркивалась важность деятельности нового научного учреждения для университета. Весной 1922 г. станция перешла на государственное снабжение, утратив юридическую связь с обществом²³⁴.

Заседания проходили в течение академического года, с перерывом на летние месяцы. Собрания бывали общие, годовые и торжественные, а также проводились собрания отделений (Естественных наук и Медицинского). Необходимо оговориться, что с 22 мая 1921 г. по 15 апреля 1923 г. в структуре общества функционировало два отделения: Отделение Естественных наук и Медицинское отделение, впоследствии ставшее самостоятельным Медицинским научным обществом. Отделение Естественных наук провело 15 заседаний, на которых было сделано более 30 докладов.

В общих собраниях обсуждались текущие вопросы деятельности общества, а также заслушивались научные доклады и сообщения. Всего состоялось 42 общих собрания, на которых было заслушано 121 научное сообщение, которые проходили с демонстрацией рисунков, фотографий, диафильмов, «объектов в свежем виде», «микроскопических» и «спиртовых препаратов». Чаще других выступали с докладами и сообщениями ботаники А.А. Рихтер и А.Г. Генкель, а также гистолог А.А. Заварзин.

Общие собрания проводились 1–2 раза в месяц в помещениях университета, в так называемом Мешковском доме на Заимке. В июне

²³³ Протоколы общих собраний общества за 1917–1923 гг. // Труды Общества естествоиспытателей при Пермском университете. 1924. Т. 1. Вып. 1. С. 12, 16.

²³⁴ Беклемишев В.Н. Общество естествоиспытателей при Пермском университете // Труды Общества естествоиспытателей при Пермском университете. 1924. Т. 1. Вып. 1. С. 4.

1919 г. Пермский университет был эвакуирован в Томск из-за военных действий на фронтах Гражданской войны. Однако это не помешало обществу на новом месте продолжать работу. В частности, совместно с Томским обществом естествоиспытателей и Институтом исследования Сибири с 13 июля 1919 г. по 20 марта 1920 г. было проведено 5 общих заседаний. После возвращения в Пермь, в мае 1920 г., заседания продолжились, как и ранее в стенах университета.

Годичных собраний было проведено 5. На них подводились итоги предыдущего года работы общества: с отчетными докладами выступали председатель или секретарь общества, казначей, председатель Ревизионной комиссии.

Деятельность общества развивалась достаточно успешно, и численность членов росла значительными темпами. Изначально (в декабре 1917 г.) общество состояло из 23 человек, в течение 1918 г. состав пополнился 67 членами, в 1919 г. — 41, в 1920 г. — 14, в 1921 г. — 8, в 1922 г. — 10, в 1923 г. — 11. Таким образом за период с 1 января 1918 г. по 1 января 1924 г. было избрано 122 действительных и 24 почетных членов, а также 5 членов-соревнователей. Однако в силу убыли членов по естественным причинам, а также из-за отпочкования от общества его Медицинского к 1 января 1924 г. в состав общества входило 108 человек. Примечательно, что почетными членами общества были академики И.П. Бородин, В.И. Палладин, В.М. Шимкевич, А.П. Карпинский.

Большой интерес представляет характеристика результатов деятельности общества, данная одним из его активистов, зоологом, основателем школы медицинской энтомологии, Владимиром Николаевичем Беклемишевым: «Я помню, как осенью 1918 г. первые заседания Общества, на которых мне пришлось присутствовать, поразили меня сходством с Петроградским Обществом Естествоиспытателей, с прибавлением разве особой торжественности, которую умел придавать заседаниям тогдашний Президент Общества В.К. Шмидт, и того блеска, который вносил всюду с собой выступавший в то время в Обществе К.Н. Давыдов»²³⁵. Особый смысл и важность имеет и та оценка, которую дал В.Н. Беклемишев деятельности университетских научных обществ в целом: «Ученые Общества при Университетах — тип учреждений, который давно доказал свою жизненность

²³⁵ Там же. С. 5.

и необходимость. Там, где ведутся исследования — необходимо делать доклады и сообщения; где существует мысль и работа — возникает потребность поделиться результатами, дать отчет в достигнутом и себе, и перед другими, услышать критику, ближе узнать товарищей, работающих в смежных дисциплинах. Для начинающих ученых, общества не менее, чем лаборатория, являются школой, где учатся этике в эстетике научного мышления»²³⁶.

Поддерживало связь и ориентировалось в своей работе пермское общество на своих старших коллег — Общества естествоиспытателей при Петроградском, Казанском и Саратовском университетах, отмечая на своих собраниях специальными докладами их юбилеи — 60-летие, 50-летие и 25-летие, соответственно.

В годы Гражданской войны также были организованы научных обществ при Самарском университете, который был создан в 1918 г. на базе ранее действующего в городе Педагогического института.

Первое по времени возникновения — Историко-филологическое общество — было организовано при самом активном участии петроградских ученых — профессоров и преподавателей Историко-филологического факультета. Согласно уставу, утвержденного 3 ноября 1917 г. Советом Педагогического института, целью общества являлась «разработка вопросов истории литературы, истории, языкознания и этнографии вообще и в частности Самарского края»²³⁷ [13, с. 26]. Членами руководящего Бюро общества стали: выдающийся филолог, историк литературы, академик Владимир Николаевич Перетц (председатель); историк, исследователь декабристского движения Ефим Иванович Тарасов (товарищ председателя); литературовед, будущий член-корреспондент Академии наук СССР Варвара Павловна Адрианова-Перетц (секретарь).

Историко-филологическое общество Самарского университета в первые послереволюционные годы вело плодотворную научную работу, являлось университетским центром притяжения для всех, кто интересовался гуманитарными знаниями. Это выражалось, в частности, в том, что заседания общества посещали от 25 до 300 человек, не являющиеся членами общества. В 1917–1918 учебном году состоя-

²³⁶ Там же.

²³⁷ Историко-филологическое общество в 1917–1918 академическом году // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. 26.

лось 10 заседаний, на которых было заслушано 13 докладов²³⁸. В следующем году заседаний было 12, а докладов — 17 (из них 9 по истории русской литературы), и 5 речей²³⁹. В 1919–1920 учебном году состоялось 17 заседаний общества, на которых было обсуждено 25 научных докладов (из них 13 по истории русской литературы)²⁴⁰. В 1920–1921 учебном году состоялись 13 заседаний общества, где было заслушано 14 докладов²⁴¹.

Ряд интересных докладов было сделано академиком В.Н. Перетцем: «Рукописи и старопечатные книги Самарского губернского музея» (ноябрь 1919 г.); «Заметки к тексту «Слова о полку Игореве» (февраль 1920 г.); «К вопросу о введении латинского шрифта» (июнь 1920 г.); «Рукописи Самарского университета» (декабрь 1920 г.) и «Несколько польских параллелей XVI–XVII вв. к сочинениям И. Вишневецкого» (февраль 1921 г.) и др.

Большой интерес представляет история деятельности университетских медицинских научных обществ. В их работе наиболее важной составляющей было решение практических задач, особенно в условиях, свирепствующих в годы Гражданской войны дизентерии, тифа, холеры и др. Стране необходимы были специалисты-врачи, поэтому во многих университетах были созданы медицинские факультеты.

При Астраханском университете, который был открыт в 1918 г., по инициативе группы работников Медицинского факультета было организовано Общество клинической и теоретической медицины. Учредители общества отмечали, что создание «чисто научного» общества дало возможность «выхода накопившимся научным изыска-

²³⁸ Там же. С. 27–39.

²³⁹ Перетц В.Н., Адрианова В.П. Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Самарском университете за 1918–1919 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 2. Самара: Типография Сред-волосоюза № 1, 1919. С. 18.

²⁴⁰ Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Самарском государственном университете за 1919–1920 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 118.

²⁴¹ Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Самарском государственном университете за 1920–1921 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 120.

ниям и наблюдениям и их критической оценки»²⁴². На первом заседании 12 февраля 1921 г. членами общества стали 52 человека, преимущественно сотрудников Медицинского факультета. В президиум вошли: известный хирург Илья Алексеевич Голяницкий (председатель), хирург Илья Симович Баккал (товарищ председателя), невропатолог Федор Михайлович Топорков (секретарь), врач Владимир Иванович Никифоров (секретарь), патологоанатом Гавриил Георгиевич Непряхин (казначей).

В первый год своего существования общество достигло значительных результатов. Было проведено 22 заседания, на которых было заслушано 24 доклада, сообщений и программных выступлений и обзоров литературы — 17, речей, посвященных памяти отдельных лиц и событий — 6, а также, что важно для практикующих медиков, на заседаниях состоялось 15 демонстраций. Чаще других (7 раз) выступал председатель общества — И.А. Голяницкий. По специальностям доклады были распределены следующим образом: внутренние и заразные болезни — 14, хирургия — 13, кожные и венерические болезни — 7, общая патология — 5, патологическая анатомия — 4, глазные болезни — 4, фармакология — 3, нервные болезни — 3, гинекология — 2, химия — 1²⁴³.

Приведенный фактический материал свидетельствует о том, что в обществе большое внимание уделялось исследованию лечения и борьбы с последствиями «заразных болезней». В частности, 26 февраля 1921 г. профессор И.П. Васильев сделал доклад «Амебная (тропическая) дизентерия в Астрахани», а 5 марта 1921 г. профессор И.А. Голяницкий выступил с докладом на основании личных наблюдений «О некрозе реберных хрящей после возвратного тифа»²⁴⁴.

Обществом также были организованы два заседания, посвященных вопросам эпидемии холеры и малярии. Таким образом, работа общества имела важное практическое значение, т. к. отвечала «живым запросам» работающих с этими болезнями врачей. Члены общества оценивали деятельность первого года общества как «превзошедшей ожидания организаторов», т. к. «общество за истекший год своего

²⁴² Топорков Ф.М. Отчет Общества клинической теоретической медицины при Астраханском медицинском институте // Астраханский медицинский вестник. 1922. № 1–2. С. 191–195. С. 191.

²⁴³ Там же. С. 192.

²⁴⁴ Там же. С. 193.

существования имело ряд заседаний, в которых заслушаны научные доклада, обсуждало интересные для края вопросы о проказе, холере, малярии и откликнулись на выдающиеся события»²⁴⁵.

Таким образом, одной из тенденций послереволюционного развития науки в стране стала интеллектуализация провинции. Этот процесс довольно убедительно отражали результаты опыта научных обществ, организованных при «новых» университетах. Научные общества, будучи частью профессиональной повседневности ученых, играли роль площадки для обмена актуальной научной информации. За короткий период существования многих из этих научных обществ впервые было проведено систематическое всестороннее изучение значительных территорий страны, был внесен весомый вклад в дело сохранения памятников истории и культуры, проведено масштабное комплектование музейных и архивных фондов — основы будущих научных исследований.

2.7. Динамика социально-демографических характеристик провинциального студенчества в первые годы советской власти

В первые послереволюционные годы в Советской России формировалось новое научно-образовательное пространство. Декрет СНК «О правилах приема в высшие учебные заведения»²⁴⁶ от 2 августа 1918 г. отменил множество ограничений, существовавших до революции. Теперь в университеты могли поступать все желающие, достигшие 16 лет, без учета гражданства, пола, и независимо от предыдущего образования. В этой связи для истории науки и культуры значительный интерес представляют некоторые количественные и качественные социально-демографические характеристики студенчества «новых» университетов. Эмпирической базой исследования стали результаты анализа данных, касающихся студенчества, извлеченные из периодических изданий соответствующих университетов.

²⁴⁵ Там же. С. 195.

²⁴⁶ Декрет СНК «О правилах приема в высшие учебные заведения» // СУ РСФСР. 1918. № 57. Ст. 632. С. 770.

В Самаре университет был основан 10 августа 1918 г. по решению Комитета членов Всероссийского учредительного собрания на базе Педагогического института, открытого осенью 1917 г. В первый учебный год (1917–1918 гг.) студентов было 290 человек²⁴⁷, причем 83% составляли женщины, что вполне закономерно, учитывая институт наследовал Учительским институтам дореволюционной России. По социальному происхождению 29 % студентов являлись выходцами из крестьянских семей, 25 % составляли мещане, 19 % были детьми священнослужителей, 8% происходили из среды чиновников, остальные являлись детьми почетных граждан (5 %), купцов (4 %), учителей и профессоров (2 %), врачей и фельдшеров и офицеров (менее 2 %) ²⁴⁸.

Несмотря на отмену образовательного ценза для поступающих, более половины первого набора учащихся Самарского университета обладало «нормальной подготовкой»²⁴⁹, т.е. они окончили различные средние учебные заведения: гимназию, духовную семинарию, либо училище и т.п.

В осеннем семестре 1918–1919 учебного года студентов Самарского университета насчитывалось уже 377²⁵⁰, в осеннем семестре 1921–1922 учебного года — 2 362 студента²⁵¹. В следующем учебном году, который стал для университета последним, обучалось 2093 человека²⁵², причем женщин — более 60 %. Динамика общей численности студенчества имела прямую корреляцию с изменениями структуры

²⁴⁷ Перетц В.Н. Отчет о деятельности Самарского педагогического института в осеннем полугодии 1917 года // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. 15.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же. С. 16.

²⁵⁰ Перетц В.Н., Адрианова В.П. Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Самарском университете за 1918–1919 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 2. Самара: Типография Сред-волосоюза № 1, 1919. С. 15.

²⁵¹ Фридолин П.П., Софотерова А.К. Краткий обзор состояния Самарского государственного университета в 1921 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 5–8.

²⁵² Состав и положение студентов СГУ в 1922/1923 учебном году // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 23; Мурашкинцев П. Краткий отчет о рабочем факультете Самарского государственного университета за 1922–1923 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 29–30.

университета. Так, наибольшее число обучающихся было в 1921–1922 учебном году, когда функционировало 5 факультетов: Социально-исторический, Физико-математический, Медицинский, Агрономический и Рабочий. Напомним, что 15 сентября 1919 г. Наркомпрос РСФСР принял постановление об открытии при университетах рабочих факультетов в качестве автономных учебно-вспомогательных учреждений для подготовки в кратчайший срок рабочих и крестьян в высшую школу²⁵³. Закреплено положение рабфаков с структуре высшего образования было декретом СНК РСФСР «О рабочих факультетах» от 17 сентября 1920 г.²⁵⁴

В 1922–1923 учебном году в Самарском университете продолжали работу только Рабфак, Медицинский и Педагогический факультеты. В последний были ранее объединены Социально-исторический и Физико-математический факультеты. На Медицинском и Педагогическом факультетах среди студентов преобладали женщины — они составляли 62 % и 64 % соответственно. Однако на Рабочем факультет картина была противоположной: как на дневном отделении, так и на вечернем мужчины составляли большинство (75 % и 73 % соответственно).

Необходимо отметить, еще одну важную характеристику самарского студенчества. Если в составе первого набора студентов не было выходцев из рабочей среды, то ко времени закрытия университета в 1923 г. из рабочих происходило уже 25 % студентов. Этот показатель был достаточно высок во многом за счет учащихся Рабфака, причем среди всех студентов было около 2% членов РКП(б) и РКСМ.

В Ярославле университет был создан в 1918 г. путем преобразования Демидовского юридического лицея. В годы Гражданской войны в университете работали Факультет общественных наук, Медицинский и Агрономический факультеты, Рабфак. Численность студенчества постепенно росла: на 1 сентября 1918 г. студентов обучалось 338 на 1 января 1919 г. она составляла 1 195 студентов, на 1 июля 1919 г. — 1 276, на 1 сентября 1919 г. было 1 721 человек, на 1 июля 1920 г. —

²⁵³ Постановление Наркомпроса «Об организации рабочих факультетов при университетах» // СУ РСФСР. 1919. № 45. Ст. 443. С. 643–645.

²⁵⁴ Декрет СНК «О рабочих факультетах» // СУ РСФСР. 1920. № 80. Ст. 381. С. 576.

2023 студента, а максимальной численность стала в 1920–1921 учебном году и составляла 2 316 человек²⁵⁵.

По факультетам эти данные в процентном соотношении студенты распределены были следующим образом:

1 сентября 1919 г.:

Факультет общественных наук — 71 %

Медицинский факультет — 29 %

1 июля 1920 г.:

Факультет общественных наук — 75 %

Медицинский факультет — 25 %

1920–1921 уч. год:

Факультет общественных наук — 18 %

Медицинский факультет — 47 %

Агрономический факультет — 35 %

К сожалению, нет данных относительно численности обучающихся на Рабфаке Ярославского университета в первый год его работы. Однако в отчете университета за 1919 г. имеется интересная оценка этой структуры: «В Ярославском университете Рабфак в настоящее время приступил к занятиям²⁵⁶, но организация его еще не могла быть закончена за отсутствием необходимых сил и времени. Небольшая пока аудитория рабочего факультета, состоящая исключительно из рабочих и крестьян, с горячим рвением приступила к учебным занятиям и на обязанности Университета лежит удовлетворить эту потребность знания народной массы»²⁵⁷. Высказывание, как можно видеть, абсолютно соответствует дискурсу того времени. Числен-

²⁵⁵ Отчет Ярославского государственного университета за период времени с осени 1918 г. по 7 ноября 1919 г. // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1920. С. 348–349, 359; Отчет Ярославского государственного университета за 1919–1920 учебный год // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярославского губернского сельско-хозяйственного и кустарно-промышленного союза кооператоров, 1923. С. 152–153; Отчет Ярославского государственного университета за 1920–1921 учебный год // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярославского губернского сельско-хозяйственного и кустарно-промышленного союза кооператоров, 1923. С. 168–169.

²⁵⁶ Речь идет об осени 1919 г.

²⁵⁷ Отчет Ярославского государственного университета за период времени с осени 1918 г. по 7 ноября 1919 г. // Сборник Ярославского государственного универси-

ность рабфаковцев во второй год его факультета, т. к. 1920–1921 учебный год была 566 человек²⁵⁸.

Удалось определить, что среди студентов Ярославского университета в 1918–1921 гг. преобладали по численности мужчины. Так, на 1 сентября они составляли 89,94 %, на 1 января 1919 г. их было 82 %, на 1 сентября 1919 г. они составляли 72,5 %, на 1 июля 1920 г. — 70,7 %. Такое положение неудивительно, если вспомнить, что базой университета стало мужское среднее учебное заведение — Демидовский юридический лицей. Однако, примечательно, что на Факультете общественных наук мужчин было более в чем три раза больше женщин, а на Медицинском факультете практически наблюдалось гендерное равенство.

Интересные сведения о социальном происхождении и распределении студентов по факультетам, содержатся в отчете о работе Ярославского университета за 1920–21 учебный год. В частности, рабочее происхождение имели 12 % студентов, крестьянское происхождение имели 32 % студентов, а 47% были отнесены составителями отчета к группе «интеллигентных пролетариев», еще 8 % учащихся ни к одной из этих групп отнесены не были²⁵⁹.

В 1918 г. также был открыт и университет в Костроме. Занятия начались 17 ноября 1918 г. К сожалению, мы располагаем данными о численности студентов, только на 1 января 1921 г. В университете тогда обучалось 2 303 студента²⁶⁰. Первое место занимал Естественно-математический факультет, на котором обучалось 49 % от общего количества студентов, на Гуманитарном факультете — 33 %, на Медицинском — 8 %, на Рабочем факультете — 6 %, меньше всего студентов было на Педагогическом факультете — только 3,6 %. Среди студентов преобладали женщины (54 %). На всех факультетах большинство об-

тета. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярославского губернского сельско-хозяйственного и кустарно-промышленного союза кооператоров, 1923. С. 348.

²⁵⁸ Отчет Ярославского государственного университета за 1920–1921 учебный год // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярославского губернского сельско-хозяйственного и кустарно-промышленного союза кооператоров, 1923. С. 169.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Костромской государственной рабоче-крестьянский университет. 7-го ноября 1919 г. — 7-го ноября 1920 г. // Отчет о деятельности Костромского государственного рабоче-крестьянского университета. Кострома: 3-я Государственная типография, 1921. С. 8.

учащихся было женщинами, причем по факультетам в процентном соотношении они составляли:

На Естественно-научном факультете женщин — 55 %

На Гуманитарном факультете — 52 %

На Педагогическом факультете — 45 %

На Медицинском факультете — 63 %

На Рабфаке — 56 %

Как видно из приведенных материалов, благодаря отмене гендерных, социальных, этнических и др. ограничений, среди студентов университетов Поволжья в первые послереволюционные годы значительную часть составляли женщины. Кроме того, можно отметить тенденцию к выравниванию процентного соотношения гендерного состава учащихся, так в Самарском университете процент женщин, изначально высокий, постепенно снижался, а в Ярославском университете тоже происходило с преобладанием мужчин среди учащихся, а в Костромском университете обучающихся женщин было — всего на несколько процентов больше.

Ко времени окончания Гражданской войны был достигнут довольно значительный уровень пролетаризации студенчества, во многом благодаря появлению в 1919 г. рабочих факультетов.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что динамика социально-демографических характеристик студенчества являлась прямым следствием реализацией большевистских установок в области высшего образования.

В заключении приведем слова ректора Ярославского университета Валериана Николаевича Ширяева, которые он произнес на заседании Совета университета 6 декабря 1919 г., и которые очень ярко иллюстрируют процессы, происходившие в то время в высшей школе: «Страна переживает революционный период. Поколеблены все устои прежней жизни. Старые формы жизни рушатся и заменяются новыми. В этот общий водоворот втянута и школа от ее низшей ступени до высшей. <...> В какую более или менее устойчивую форму выльются реформаторские попытки современности в области школьного строительства, каковы будут их окончательные результаты? — Не будем этого предсказывать и предугадывать. Несомненно одно: все случайное, наносное, созданное в порыве горячего увлечения отпадет, как выветрившаяся шелуха; останется здоровое зерно, соответ-

ствующее условиям и требованиям действительной жизни. Сохранится несомненно и высшая школа, как залог будущего культурного преуспевания государства»²⁶¹. На наш взгляд, высказанное более ста лет назад и сегодня звучит более чем актуально.

²⁶¹ Отчет Ярославского государственного университета за период времени с осени 1918 г. по 7 ноября 1919 г. // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1920. С. 349.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из следствий масштабных преобразований и социальных потрясений, вызванных Октябрьской революцией, стало формирование в России качественно нового научно-образовательного пространства. Важным фактором, определявшим данный процесс являлись взаимоотношения научных центров страны с интеллигенцией ее периферии.

Значительное влияние на изменение научно-образовательного пространства в первые послереволюционные годы оказало перемещение профессорско-преподавательских и научных кадров из центра на периферию. Концентрация научных сил в провинции способствовала ускоренному построению новой инфраструктуры науки и образования. Можно с уверенностью констатировать, что профессорско-преподавательский состав университетов, функционировавших в первые годы советской власти, был представлен, в основном, «старой» профессурой, которая являлась носителем дореволюционных академических традиций. Вместе с тем в провинции происходило профессиональное становление молодых ученых, которые получили образование до революции. Совместная деятельность представителей разных возрастных групп и научных школ, создавала возможность плодотворной научной и организационной работы.

Еще одной значительной тенденцией в процессе формирования нового научно-образовательного пространства, которая теснейшим образом связана с первой, стало создание в крупных провинциальных городах новых учебных заведений, в первую очередь университетов, научных обществ, музеев и библиотек, объединивших ученых, прибывших из центра, и представителей местной научной интелли-

генции. Однако, также профессорско-преподавательский состав уже существовавших в провинции вузов значительно пополнился столичными учеными.

Другой ведущей тенденцией изменения научно-образовательного пространства страны стало то, что существенно увеличилось число студентов. Университеты на местах стали готовить кадры для работы в регионах, а благодаря отмене гендерных, социальных, этнических и других ограничений, в первые послереволюционные годы значительную часть студентов составляли женщины, и был достигнут высокий уровень пролетаризации студенчества.

Нельзя не сказать и о научных обществах, создававшихся при провинциальных университетах, где происходило взаимодействие преподавателей и студентов. Эти организации играли роль площадки для обмена актуальной научной информацией и позволяли студентам приобщаться к исследовательской работе. За короткий период существования многих из этих научных обществ впервые было проведено систематическое всестороннее изучение значительных территорий страны, был внесен весомый вклад в дело сохранения памятников истории и культуры, проведено масштабное комплектование музейных и архивных фондов — основы будущих научных исследований. Создание научных обществ на периферии в первые послереволюционные годы было довольно распространенным явлением.

Следующей важной тенденцией изменения научно-образовательного пространства России стало тесное взаимодействие столичных ученых и периферийной научной интеллигенции в деле организации музеев, библиотек, кружков и клубов и т.п. Это являлось прямым результатом отмены многих идеологических и цензурных ограничений, существовавших в царской России. Весьма значительную помощь в этом оказывали научные центры, в частности, один из самых авторитетных научных центров страны — Российская академия наук.

После революции оживился выпуск изданий академических музеев: «Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук», «Ежегодник Зоологического музея Академии наук», «Труды Геологического и Минералогического музея Академии наук», и др. Для новых организаций науки, культуры и образования на местах большое значение также имели путеводители, пособия и инструкции: «Путеводитель по Зоологическому музею», «План распределения отделов Музея антропологии и этнографии», «Краткий путеводитель по Геологическому музею», «Наставления для собирания зоологических

коллекций», «Инструкции для геологических и минералогических исследований» и др. Все эти издания рассылались по заявкам бесплатно во все концы страны. Академические музеи также безвозмездно направляли провинциальным организациям дублетные экземпляры экспонатов, различных муляжи и копии, и др. Следует вспомнить еще одну форму деятельности музеев Российской академии наук. Они в те годы часто оказывали периферийным научным организациям методическую и практическую помощь по аннотации и описанию коллекций.

К сожалению, исчезновение вскоре после окончания Гражданской войны ряда формальных и неформальных научных институций, в которых вели свою деятельность ученые в провинции, в частности, закрытие «новых» университетов, не позволило в полной мере закрепить ряд важных изменений, произошедших в первые послереволюционные годы.

Формирование нового научно-образовательного пространства в первые годы советской власти проходило в крайне сложных исторических условиях: восстановление страны после разрушительного периода войн, революций и мощных социальных потрясений. Взаимодействие научных центров России с интеллигенцией периферии стало достаточно значимым фактором достижения ряда позитивных результатов в науке, образовании и культуре. Это нашло отражение не только в решении сложных вопросов сохранения национального культурного и научного наследия, но и в генерации новых мощных импульсов для поступательного развития научно-образовательного пространства, позволивших добиться решения некоторых важных задач. Ряд рожденных революцией принципов, форм и методов деятельности сохранялся в области науки и образования на протяжении всей советской эпохи. Полагаем, что в связи с этим, дальнейшее углубленное изучение отдельных аспектов истории формирования и развития научно-образовательного пространства в первые годы советской власти остается важным и научно значимым.

Приложения

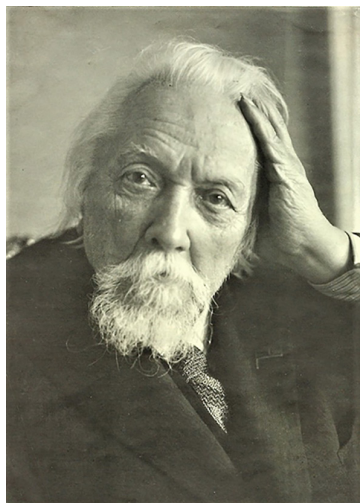
Приложение № 1

Академии наук. Открытка. Нач. XX в. <https://pastvu.com/p/130253>

Кунсткамера и Зоологический музей Академии наук. Открытка. Нач. XX в. <https://pastvu.com/p/873283>

Президент Академии наук в 1917–1936 гг. — Александр Петрович Карпинский.
<https://1vlk.ru/technology/akademik-an-sssr-smotret-cto-takoe-akademiki-an-sssr-v/>

Непременный секретарь Академии наук в 1904–1929 гг. —
Сергей Федорович Ольденбург.
<https://agamuzey.ru/novosti/oldenburg-sergej-fedorovich-nastavnik-gombozhab-tsybikova/>

Вахрамеев А.И. «Академики стоят за пайком» из серии «Сцены и типы Петрограда 1917–1921 годов». Акварель. 1922 г. https://ruskartina.ru/news_238.html

Сотрудники Народного комиссариата просвещения РСФСР. Фото. Начало 1920-х гг. <https://yavarda.ru/izonarkomprosa.html>

Саратовский университет. Фото. 1920 г. <https://www.sgu.ru/en/node/3160>

Земская школа в г. Самаре. В 1917–1923 гг. в здании размещался Самарский университет. Фото. Нач. XX в. <https://monetam.livejournal.com/629506.html>

Демидовский юридический лицей в г. Ярославле. В 1917–1924 гг. в здании размещался университет. Фото. 1910 г. <http://www.prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=692>

Дворянское собрание в г. Костроме. В 1918–1921 гг. в здании размещался университет. Фото. Нач. XX в. <https://pastvu.com/p/329575?history=1430507114677>

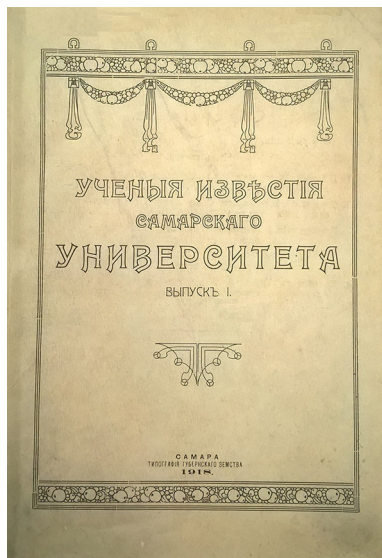
Николай Гаврилович Городенский (1871–1946) — первый ректор Костромского университета. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Nikolay_Gorodenskiy.jpg

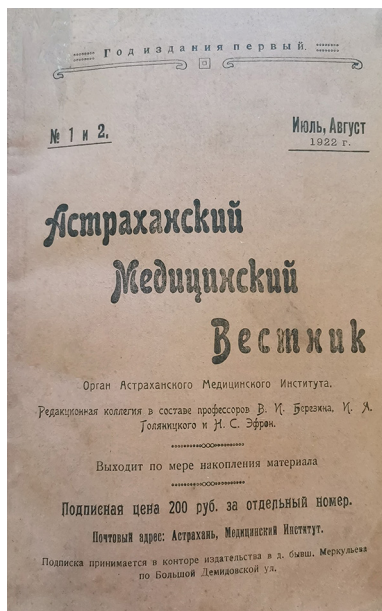
Александр Петрович Нечаев (1870–1948) — первый ректор Самарского университета. http://www.ido.rudn.ru/psychology/pedagogical_psychology/biograf187.html

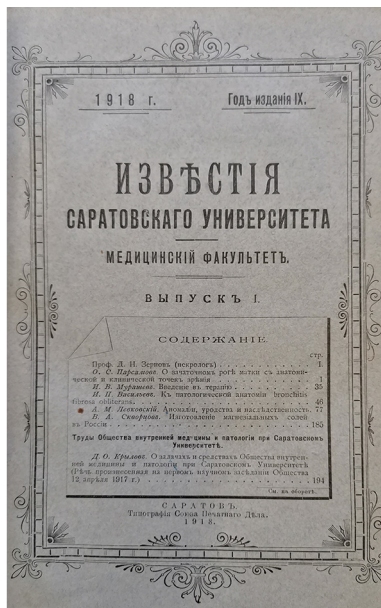
Ширяев Валериан Николаевич (1872–1937) — первый ректор Ярославского университета. <https://yarwiki.ru/article/978/shiryaev-valerian-nikolaevich>

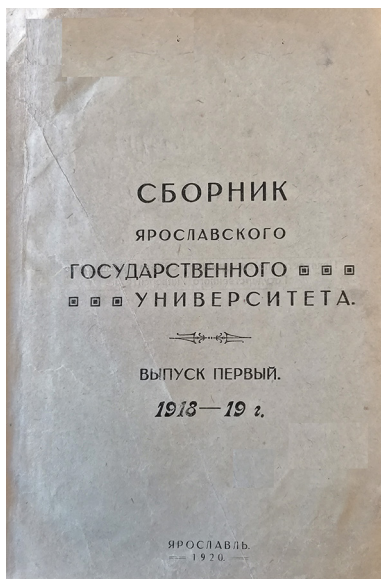
Титульный лист «Ученых известий Самарского университета»
(Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918).

Титульный лист «Астраханского медицинского вестника»
(Астрахань: Медицинский институт, 1922. № 1–2.)

Титульный лист «Известий Саратовского университета. Медицинского факультета».
(Вып. 1. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1918).

Титульный лист «Сборника Ярославского университета»
(Вып. 1. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного
и кредитного союза кооператоров, 1920).

Сотрудники клиники кожных болезней Медицинского факультета Самарского университета во главе с профессором В.В. Колчиным. Фото. 1923 г. <https://samsmu.ru/university/history/>

В.П. Адрианова-Перетц и В.Н. Перетц. Фото. 1926 г. https://drugoigorod.ru/papers_march/05_v_n_peretts_i_ego_zhena_v_p_adrianova-peretts/

Преподаватели и сотрудники Пермского университета. Фото. Нач. 1920-х гг. <http://museum.psu.ru/10-maloizvestnykh-faktov-o-permskom-universitete/>

Студком Рабфака Белгородского университета. Фото. Нач. 1920-х гг. <https://ok.ru/denrussia/topic/70111340164453>

Прохоров С.М. «Рабфаковцы». 1928 г.
<http://deduhova.ru/statesman/andrej-yanuarevich-vyshinskij/>

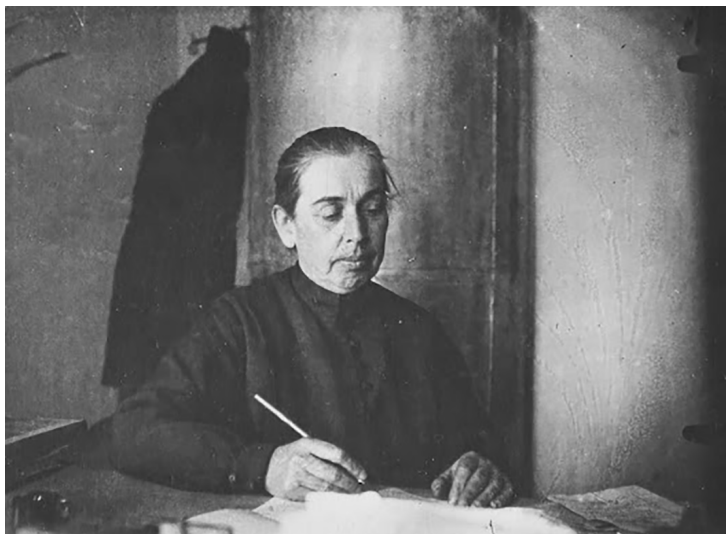

Кривицкий Л.Г. «Первый рабфак». 1959 г.
<https://com-aorum.ru/forum/index.php?topic=21094.0>

Эмблема Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания.

1922 г. Крайнова Т.В. Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете (1919–1929) // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара: Самар. обл. краевед. музей, 1995. С. 137.

Вера Владимировна Гольмстен (1880–1942) в своем кабинете Высших этнолого-археологических курсов при Самарском обществе археологии, истории, этнографии и естествознания. Фото. 1927 г. С. 29. Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: ООО «Офорт», 2007. С. 29.

Борис Матвеевич Соколов (1889–1930) и Юрий Матвеевич Соколов (1889–1941). Фото. Весной 1919 г. Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых). М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 5.

Приложение № 2

Список профессоров и преподавателей «новых» университетов Поволжья

Костромской университет

Алякритская А.Н.	Калпистова И.В.
Аржеников К.П.	Каржавин (Коржавин) Д.В.
Ахманов А.С.	Катенин Е.А.
Белихов Д.В.	Ковалевский М.И.
Беляев И.П.	Куликовская Е.И.
Болдырев Г.И.	Кун В.Н.
Бонди С.М.	Куни В.Е. (В.Э.)
Бубекина Т.М.	Куница В.Л.
Вебер Г.К.	Лавров В.И.
Вейденбаум М.А.	Левикова Е.Д.
Воробьев Н.И.	Любимов А.А.
Городенский Н.Г.	Магницкий А.А.
Горская Т.А.	Меньков Ф.А.
Горский А.И.	Миропольская Н.В.
Грандильевская М.Л.	Михайлов А.В.
Грезе Б.С.	Неверов И.И.
Груздев П.Н.	Некрасов А.И.
Груздева Е.С.	Никольский С.Н.
Диалектов И.Ф.	Никольско-Любимова Ф.Д.
Дружинин Н.М.	Новицкий Ю.П.
Дурново А.С.	Овчинникова Н.И.
Дюбюк Е.Ф.	Орлов А.С.
Еремин Г.Г.	Пашенин Н.П.
Еремина М.А.	Перцев (Перцов) П.П.
Жадовский А.Е. (А.Э.)	Петровский М.А.
Знаменский А.В.	Петровский Ф.А.
Изюмов А.Ф.	Птицына (Птицина) А.А.
Ипполитова Е.И.	Растопчин Н.П.
Калачев П.В.	Рождественский А.Н.

Савинов Н.И.
Саккетти А.Л.
Сергеев В.С.
Сиротин Е.Е.
Славочинский Б.М.
Смирнов В.И.
Смирнов Д.К.
Смирнов М.С.
Сокова О.А.
Соколов А.А.
Соловьев Л.Т.
Сунгуров А.Н.

Тимофеев В.Я.
Угличанинова Е.А.
Ушаков И.А.
Филиппов С.В.
Флоринский Б.А.
Цемш Н.С.
Чепурковский Е.М.
Шаблов П.Я.
Шишмарев В.Ф.
Шишмарева Л.Ф.
Яковлев Н.

Ярославский университет

Адрианова А.Ю.
Анисимов А.И.
Арчаков В.И.
Бахтиаров К.К.
Бачинский А.И.
Берзин Б.А.
Бернштейн Б.Л.
Блажеевич А.О.
Блювштейн (Блюбштейн)
А.А.
Боголюбов В.А.
Бочкарев В.Н.
Вебер Г.К.
Венедиктов А.В.
Вершинин П.В.
Веселовский Б.Б.
Виноградова-Ширяева Н.И.
Витальский А.В.
Виткевич С.П.
Воробьев И.К.
Воронин П.В.
Гаркави Л.З.
Гассанов В.К.

Гинзбург М.С.
Глаголев Д.С.
Голованенко С.А.
Головщикова Е.Ф.
Голубев Н.Н.
Горбунов А.В.
Граменецкий М.И.
Гусев Н.И.
Дейнега В.А.
Дживелегов А.К.
Дидрикуль З.А.
Дмитриев А.М.
Дмитревский В.И.
Дьяконов П.П.
Жандр С.И.
Жинкин Н.И.
Журавлев П.Д.
Зубов И.О.
Казанский В.П.
Капелько В.С.
Каптерев М.С.
Каптеров Н.Н.
Карпов В.Е.

- Киселев В.А.
Князев Н.А.
Козлов П.Г.
Козлова М.П.
Колосов А.Н.
Кончаловский Д.П.
Котельский А.Г.
Кравцев В.П.
Кудрявцев В.А.
Лавров Н.И.
Ладыгин С.В.
Лапицкий Б.А.
Лермонтов Н.Ю.
Лесюк С.Г.
Липинский М.А.
Лисунов А.П.
Лысяков Ф.И.
Мазарович А.Н.
Мануйлов А.А.
Мезинг Э.К.
Меньков Ф.А.
Меньшев (Меньшов) Д.Л.
Милославов П.Г.
Михеев Н.Н.
Морген И.Ю.
Мосолов И.И.
Мошков Е.Д.
Мышцын В.Н.
Нерсесов М.Н.
Нечаева-Дьяконова А.К.
Новицкий И.Б.
Носов С.Д.
Огнев А.И.
Окерблом И.И.
Петровых Н.С.
Петухов Н.Г.
Плетнев Б.Д.
Поливанов М.П.
Полосин И.И.
Поляков Г.Г.
Полянский Н.Н.
Попадопуло П.Х.
Попов Н.В.
Попов Н.Я.
Потемкин В.В.
Пржеборовский Я.С.
Преображенский А.П.
Пчелин Н.Н.
Радциг С.И.
Рождественский А.А.
Рождественский И.П.
Розенштейн А.Ф.
Рославский В.А.
Свирцевский А.Р.
Сластенина Е.Д.
Смирнов А.И.
Смирнов В.Д.
Соколов А.А.
Соколов К.И.
Соколовский И.А.
Соловьев Н.С.
Субботин Я.Е.
Тоцкий Н.М.
Трехлетов М.Ф.
Удальцов А.Д.
Успенский К.П.
Успенский Н.И.
Устинов В.М.
Федерольф А.К.
Федорова Н.Т.
Фолт Б.А.
Фрадкин Л.Е.
Цветов А.А.
Циммерман С.Э.
Чистосердов Н.К.
Чредин Б.В.
Чумаков А.Н.
Чурин Н.Ф.

Шипов В.К.	Щеглов Л.В.
Ширяев В.Н.	Эдинг Д.Н.
Шишмарев В.Н.	Янсон М.А.
Шляхтин Е.М.	Яхнин М.А.
Щеглов В.Г.	Яхонтов А.Ф.

Самарский университет

Адрианова (Адрианова-Перетц) В.П.	Болтунов А.П.
Адриановский А.С.	Братчиков И.Л.
Аккер М.И.	Броницкий А.М.
Аксенов Н.В.	Будникова Е.А.
Александров Д.К.	Будрин (Быдрин Р.Н.)
Александрова М.А.	Бурлаков Ф.Ф.
Алфимов Б.А.	Быстрицкий П.Н.
Алявдин Н.К.	Вагнер П.Г.
Арапов В.П.	Вайнфельд А.С.
Аринушкин Н.С.	Валицкий Б.З.
Архангельский Н.А.	Василейский С.М.
Багрий А.В.	Васильев Н.Н.
Балухатый С.Д.	Васильева А.И.
Баранников А.П.	Вераитинов И.А.
Бардин А.В.	Викторов Д.В.
Баскин Г.И.	Виноградов М.П.
Башкиров А.С.	Винтелер Э.Н.
Бахтин В.С.	Виссарионов М.Н.
Боянус В.К.	Воейков Д.Д.
Безобразов П.В.	Воейков И.Д.
Белоголовов Н.В.	Воронов В.Н.
Беляев В.А.	Воронцов В.Н.
Берендяева П.А.	Вырыпаев Г.Г.
Бирюков Л.И.	Вышеславцев Б.П.
Биттер С.М.	Гаврилов К.Ф.
Благовещенский С.В.	Гайваровский А.А.
Благомыслова С.М.	Гвоздев В.Н. (В.П.)
Богданов Д.Ф.	Генкин Д.Л.
Богданов Т.М.	Гиляровский И.П.
	Гликман П.А.

- Голишевский Е.И.
Гольмстен В.В.
Горенимус (Геронимус) Е.С.
Гориневский В.В.
Гориневская В.В.
Городецкий В.П.
Грабак М.К.
Грацианский Н.П.
Гремячкин М.Н.
Григорьев Е.М.
Гринштейн Я.М.
Громов В.Н.
Громов Н.Н.
Гужев (Гужов) М.Е.
Гусынин В.А.
Дальнов М.И.
Долгих И.В.
Домбровская Л.А.
Дроздова З.Н.
Егоров И.Е.
Емельянов А.И.
Ефимов Н.И.
Ефимов П.Н.
Жданов А.Е.
Жебровский В.А.
Жуков Б.Н.
Занченко П.В.
Захарина С.Д.
Зацепин В.Н.
Звягин П.К.
Иванов М.К.
Иванов П.П.
Иванов Ю.А.
Ивановский В.Н.
Иовлев Н.Н.
Кавецкий Е.Л.
Кадлец Н.А.
Каргер М.К.
Кауфман С.В.
Клименко В.Н.
Клыков Л.Л.
Колесников А.Н.
Кобылина М.М.
Колосов Г.В.
Колчин В.В.
Комаровский В.П.
Конкрова М.Ф.
Корнилов А.А.
Котелов К.И.
Креплек С.А.
Кривошеин М.Я.
Крылов П.П.
Кряжжская Н.А.
Кубарев М.В.
Кудринский А.А.
Курзон В.М.
Лавров Н.Ф.
Лебедев А.Д.
Лебедев П.П.
Левина С.М.
Левит В.С.
Левитский (Левицкий) П.Д.
Лепешкин В.В.
Лепский С.С.
Лециус И.А.
Либерфорт И.А.
Ливеровская М.И.
Ливеровский А. В.
Лузин А.И.
Лурье С.Я.
Лучинская А.В.
Лучинский Г.А.
Лыкошин Н.С.
Львов С.Д.
Манойлова О.С.
Масловский В.Ю.
Махайлова А.С.
Медведев Б.Н.

Медведев П.Н.	Семенов Е.В.
Мельников И.С.	Семов В.В.
Миленина В.А.	Сергиевская С.И.
Миркин З.М.	Сергиевский Л.И.
Мионов А.М.	Скани М.С.
Мионова П.П.	Слугинов С.П.
Михайловский А.А.	Смирнов А.В.
Молчанов И.В.	Смирнов В.А.
Моровский А.З.	Смирнов П.А.
Моствилишкер М. А.	Смирнов П.П.
Неустроева М.В.	Сосновцев А.А.
Нечаев А.П.	Сосновцева С.А.
Никифоровский П.М.	Софотерова А.К.
Николаев Н. Д.	Спаский В.А.
Николаев П.Н.	Спиридонов В.С.
Никонова О.Н.	Стадлер Ф.В.
Новицкий Т.Н.	Сутулов А.Н.
Нольде М.А.	Тарасов Е.И.
Огановский Н.П.	Тимофеев А.Н.
Панов В.А.	Тимофеева В.Н.
Перетц В.Н.	Тиханов М.С.
Первушин И.В.	Тихомиров М.Н.
Петришева П.А.	Тужилкин А.А.
Пильман Н.И.	Тулайков Н.М.
Покровский М.М.	Турбаба Д.П.
Португалов Ю.В.	Турбаба В.Д.
Преображенский П.А.	Тылес И.М.
Преображенский П.Ф.	Усов Д.С.
Преображенский С.И.	Фаддеев П.Д.
Прозоров А.И.	Федоров В.В.
Прохоров А.В.	Федорова Т.В.
Пустошкина Н.В.	Фермор Е.Н.
Пятницкий Д.А.	Финк А.И.
Пятосин И.С.	Фицнер Е.Н.
Разумов Н.С.	Францев (Францов) П.Ф.
Резанов (Розанов) И.Д.	Фридолин П.П.
Ремашев (Ромашов) Н.С.	Цветков И.И.
Рыхлик Е.А.	Хлебников С.Н.
Семенов В.М.	Хованский С.А.

Хомяков М.М.

Чалусов М.А.

Чашкин Н.Н.

Черемисин В.И.

Шальнов (Шальнев) К.Е.

Шерман-Эпштейн М.З.

Шестаков С.П.

Шифнер Э.А.

Шишакина Е.И.

Шот-Львов Е.А.

Шубин А.С.

Шульц Е.Г.

Шульц М.Г.

Щеглова В.С.

Щеглова С.А.

Яшнев В.И.

Приложение № 3

Аннотированный именной указатель профессоров «новых» университетов Поволжья

Самарский университет

Адрианова (Адрианова-Перети) Варвара Павловна (1888–1972) — литературовед, специалист в области исследования древнерусской литературы, член-корреспондент Академии наук УССР с 1926 г., член-корреспондент Академии наук СССР по Отделению литературы и языка (история русской литературы) с 29 сентября 1943 г., в 1917–1921 гг. работала профессором Историко-филологического факультета в Самарском государственном университете, с 3 декабря 1917 г. по 1923 г. секретарь Историко-филологического Общества при Самарском университете.

Аккер Михаил Иванович (1869–1944) — профессор нормальной анатомии, в 1920–1923 гг. заведующий кафедрой нормальной анатомии Медицинского факультета Самарского государственного университета.

Александров Дмитрий Константинович (1878–?) — профессор органической химии, с осени 1920 г. до 4 октября 1921 г. входил в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета.

Арапов Владимир Петрович (1878–1938) — профессор, с 30 декабря 1919 г. по 17 мая 1920 г. входил в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета — преподаватель ботаники, после 30 сентября 1921 г. вошел в личный состав Естественно-географического отделения Педагогического факультета Самарского государственного университета — преподаватель географии животных, в 1923–1928 гг. председатель Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания.

Ариушкин Николай Степанович (1869–1947) — профессор политической экономии, в 1919–1925 гг. читал курс счетоводства в Самарском государственном университете, сначала на Агрономическом отделении Физико-математического факультета (с 30 декабря 1919 г.), потом — на Агрономическом факультете (с 17 мая 1920 г.).

Багрий Александр Васильевич (1891–1949) — профессор, литературовед, историк русской и украинской литературы, библиограф, с 1 сентября 1917 г. до 1920 г. экстраординарный профессор Самарского государственного университета, с 3 декабря 1917 г. действительный член Историко-филологического Общества.

Балухатый Сергей Дмитриевич (1893–1945) — профессор, литературовед, библиограф, член-корреспондент Академии наук СССР по Отделению литературы и языка (история русской литературы) с 29 сентября 1943 г., в 1919–1923 гг. преподаватель Самарского государственного университета, с 11 мая 1921 г. профессор, с 30 марта 1919 г. действительный член Историко-филологического общества университета, с 3 апреля 1921 г. научный сотрудник общества, со 2 ноября 1920 г. председатель Библиографической комиссии Совета Самарского общества археологии, истории и этнографии.

Баранников Алексей Петрович (1890–1952) — профессор, филолог, востоковед-индолог, академик Академии наук СССР по Отделению общественных наук (индология) с 28 января 1939 г., с 1 сентября 1917 г. доцент, а в 1919–1921 гг. профессор Самарского государственного университета, в 1921–1922 гг. заведующий Лингвистическим кабинетом университета, с 3 декабря 1917 г. действительный член Историко-филологического общества университета, со 2 ноября 1920 г. председатель Этнографической комиссии Совета Самарского общества археологии, истории и этнографии.

Башкиров Алексей Степанович (1885–1963) — профессор, историк, археолог, этнограф, краевед, культуролог, с 1 мая 1918 г. и.о. доцента Самарского государственного университета, с 10 марта 1919 г. действительный член Историко-филологического общества университета, с 1920 г. секретарь Президиума Социально-исторического факультета университета, со 2 ноября 1920 г. председатель Совета Самарского общества археологии, истории и этнографии и товарищ председателя Археологической комиссии Совета общества, в 1923 г. покинул Самару по причине избрания в Московский Университет.

Бахтин Вениамин Сергеевич (1888–1937) — профессор общей ботаники, миколог и фитопатолог, с 1920 г. вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета.

Боянус Вера Карловна (игуменья Нина) (1876–1953) — профессор, с 6 февраля 1921 г. до 1923 г. преподаватель английского языка

на Социально-историческом факультете Самарского государственного университета.

Белоголовов Николай Васильевич (1874–1959) — профессор, доктор медицины. специалист отоларинголог, с 1920 г. вошел в личный состав Естественно-медицинского факультета Самарского государственного университета.

Бирюков Леонтий Ильич (1877–?) — профессор минералогии и кристаллографии, с 14 марта 1920 г. — преподаватель Рабочего факультета (Рабфака) Самарского государственного университета, 14 марта 1920 г. в заседании «объединенного» Совета Самарского государственного университета избран проректором университета, 8 мая 1921 г. в заседании Совета Агрономического факультета университета избран преподавателем по минералогии Агрономического факультета, после 30 сентября 1921 г. вошел в личный состав Естественно-географического отделения Педагогического факультета Самарского государственного университета, с 15 сентября 1921 г. по 30 марта 1922 г. являлся деканом Педагогического факультета Самарского Государственного университета, с октября по декабрь 1921 г. преподаватель Педагогического факультета Самарского Государственного университета по кафедре географии, минералогии и кристаллографии, 4 декабря 1921 г. в заседании Педагогического факультета Самарского Государственного университета избран профессором географии СГУ с поручением чтения курсов минералогии и кристаллографии, 13 декабря 1921 г. избран преподавателем Медицинского факультета Самарского Государственного университета по кафедре минералогии и кристаллографии, 12 марта 1922 г. переизбран на должность декана Педагогического факультета Самарского государственного университета, 30 марта 1922 г. отказался от должности декана.

Биттер С.М. — профессор, преподаватель немецкого языка, с 6 февраля 1921 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Богданов Дмитрий Федорович (1869–?) — профессор арабского и татарского языков, с 1920 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Болтунов Александр Павлович (1883–1942) — профессор, психолог и педагог, доктор философии, доктор педагогических наук, в 1920 г. избран заведующим отделом истории педагогики и психологии детства Института дошкольного воспитания, избран исполняющим должность заместителя председателя Совета Института

дошкольного воспитания и представителя совета в правлении Самарского государственного университета, позже — заведующего Советом Института дошкольного воспитания, с декабря 1920 г. командирован на один год для научных занятий в Кубанский университет в Екатеринодаре и выбыл из личного состава Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Братчиков Иван Лаврентьевич (1861–?) — профессор анатомии и физиологии животных, с 30 декабря 1919 г. вошел в личный состав Агрономического отделения Физико-математического факультета Самарского государственного университета.

Быстрицкий Павел Никитович (1875–?) — профессор зоологии, с 30 декабря 1919 г. до 4 октября 1921 г. входил в личный состав Физико-математический факультета Самарского государственного университета, после 30 сентября 1921 г. вошел в личный состав Естественно-географического отделения, в 1922–1923 гг. секретарь Президиума Естественно-географического отделения, заведующий Зоологическим кабинетом Педагогического факультета университета, с 1922 г. в личном составе Медицинского факультета университета.

Винтелер Эмилий Николаевич (1874–?) — профессор, патолог, гистолог, с 1920 г. вошел в личный состав Естественно-географического факультета Самарского государственного университета, в 1920–1923 г. входил в личный состав Медицинского факультета университета.

Воронов В.Н. — профессор физиологии животных, после 30 сентября 1921 г. вошел в личный состав Естественно-географического отделения Педагогического факультета Самарского государственного университета.

Воронцов Василий Николаевич (1877–1953) — профессор фармакологии. Весной 1920 г. Вошел в личный состав Медицинского факультета Самарского государственного университета, с апреля 1921 г. заведующий Кафедрой физиологии.

Вышеславцев Б.П. — профессор социологии, с 3 сентября 1920 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Гвоздев Владимир Николаевич (В. П.) — профессор технической химии, после 30 сентября 1921 г. вошел в личный состав Естественно-географического отделения Педагогического факультета Самарского государственного университета, в 1922–1923 гг. председатель Физико-химической Предметной комиссии Педагогического факуль-

тета Самарского государственного университета, заведующий Лабораторией технической химии факультета.

Генкин Д.Л. — профессор физиологической химии, с 1920 г. входил в личный состав Кафедры физиологической химии Медицинского факультета Самарского государственного университета.

Гиляровский Иван Петрович (1883–после 1959) — профессор морфологии и анатомии растений, в 1920–1921 гг. входил в личный состав Естественного отделения Физико-математического факультета Самарского государственного университета, в 1922–1923 гг. председатель Биологической предметной комиссии Педагогического факультета университета, заведующий Кабинетом общей ботаники и анатомии растений факультета.

Голишевский Евгений Исидорович (1870–1937) — профессор, с 1920 г. вошел в личный состав Медицинского факультета Самарского государственного университета, избран заведующим кафедрой десмургии и механургии.

Гольмстен Вера Владимировна (1880–1942) — профессор археологии, в 1920 г. вошла в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета, в 1922–1923 гг. заведующий Семинария археологии и истории искусств при Педагогическом факультете университета, с 6 июня 1920 г. действительный член Самарского общества археологии, истории и этнографии, со 2 ноября 1920 г. заведующая музеем и библиотекой общества, научный сотрудник Археологической комиссии Совета общества.

Гориневский Валентин Владиславович (1857–1937) — гигиенист, педиатр, доктор медицины, профессор, с 1 сентября 1917 г. утвержден на службе по Самарскому государственному университету с зачетом времени службы в Педагогическом Институте сверхштатным ординарным профессором по кафедре школьной гигиены, с 12 октября 1918 г. преподавал на Высших курсах Общества, 1 марта 1919 г. избран деканом Естественного-медицинского факультета Самарского государственного университета, 30 декабря 1919 г. вошел в личный состав Физико-математического факультета, весной 1920 г. вошел в личный состав Медицинского факультета, затем был переведен на Социально-исторический факультет.

Гориневская Валентина Валентиновна (1882–1953) — дочь В.В. Гориневского, врач, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки РСФСР (1943 г.), профессор, с 1 сентября 1917 г. утверждена на службе по Самарскому Университету с зачетом времени служ-

бы в Педагогическом институте старшей ассистенткой при кафедре школьной гигиены, в осеннем полугодии 1919–20 года вошла в личный состав Медицинского факультета Самарского государственного университета., в 1919–1920 гг. работала на Кафедре гигиены Медицинского факультета, с 1920 г. ассистент отдела физиологии Института Дошкольного Воспитания, с 1920 г. состояла в личном составе Социально-исторического факультета.

Грацианский Николай Павлович — профессор всеобщей истории. 1-го октября 1920 г. был избран на должность профессора Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Гремячкин Михаил Николаевич (1883–?) — профессор диагностики, в 1919–1923 гг. входил в личный состав Медицинского факультета Самарского государственного университета.

Гужев (Гужов) Михаил Ефимович (1878–1940) — профессор органической химии, с 30 декабря 1919 г. по 17 мая 1920 г. входил в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета, в 1922–1923 гг. заведующий Лабораторией органической химии Педагогического факультета Самарского государственного университета.

Гусынин Василий Афанасьевич (1884–1957?) — преподаватель топографической анатомии с оперативной хирургией, профессор, весной 1920 г. вошел в личный состав Медицинского факультета Самарского государственного университета, в апреле 1921 г. избран помощником декана Медицинского факультета, в 1922–1923 гг. член Президиума Медицинского факультета.

Долгих Иосиф Васильевич (1873–1935) — профессор политической экономии, в 1920 г. состоял в личном составе Социально-исторического факультета Самарского государственного университета, в 1920–1921 гг. руководитель Экономического семинария университета.

Емельянов А.И. — лингвист, переводчик, специалист по угро-финским языкам, профессор, в 1922–1923 гг. состоял в личном составе Педагогического факультета Самарского государственного университета.

Занченко Пантелеймон Васильевич (1876–1949?) — профессор акушерства и гинекологии, весной 1920 г. вошел в личный состав Медицинского факультета Самарского государственного университета, в апреле 1921 г. избран деканом факультета, в 1922–1923 гг. член Пре-

зидиума факультета, 20 апреля 1921 г. делегируется на заседание сессии Губисполкома для информирования о положении и неотложных нуждах факультета, после мая 1921 г. командирован в Москву в Центр для информирования о деятельности факультета.

Зацепин Виктор Николаевич — профессор физики, 30 декабря 1919 г. вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета.

Иванов М.К. — профессор теоретической механики, в 1920–1921 гг. вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета.

Иванов П.П. — профессор зоологии, 30 декабря 1919 г. вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского университета, но в должность не вступил, 15 мая 1920 г. исключен из личного состава Физико-математического факультета по причине отсутствия.

Ивановский Владимир Николаевич (1867–1931) — философ, историк философии, профессор, с 1 декабря 1918 г. действительный член Историко-филологического Общества, 30 декабря 1919 г. вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета, в 1920–1921 гг. входил в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета, с 18 марта 1921 г. до 16 августа 1921 г. состоял в должности заместителя декана Социально-исторического факультета, в 1920–1921 гг. товарищ председателя Историко-филологического общества университета.

Иовлев Николай Николаевич (1881–?) — профессор математики, в 1920 г. вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета, в 1922–1923 гг. заведующий Кабинетом геометрии Лобачевского Педагогического факультета Самарского государственного университета.

Кавецкий Евгений Леопольдович (1863–1939) — профессор общей патологии, доктор медицины, в 1923 г. ректор Самарского государственного университета.

Клименко Василий Николаевич (1868–1941) — специалист по медицинской бактериологии, профессор, 1 ноября 1919 г. избран деканом Естественного-медицинского факультета Самарского государственного университета, весной 1920 г. вошел в личный состав Медицинского факультета Самарского государственного университета. Между январем и апрелем 1921 г. в качестве декана Медицинского факультета

Колесников А.Н. — специалист по административной политике, профессор, 3 сентября 1920 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Колосов Гурий Васильевич — профессор теоретической механики, был избран на Физико-математический факультет Самарского государственного университета, но 15 мая 1920 г. исключен из личного состава факультета по причине отсутствия.

Колчин Василий Васильевич (1869-?) — специалист по кожно-венерическим болезням, профессор, 21 января 1921 г. приехал в Самару и приступил к чтению лекций, к началу 1922–23 учебного года состоял в личном составе Медицинского факультета Самарского государственного университета.

Корнилов Александр Александрович — профессор нервных болезней, к началу 1922–23 учебного года состоял в личном составе Медицинского факультета Самарского государственного университета.

Котелов Константин Иванович (1863-?) — профессор теоретической физики, в течение 1920–1921 гг. вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета, после 30 сентября 1921 г. вошел в личный состав Естественно-географического отделения Педагогического факультета Самарского государственного университета.

Кривошеин Мариэль Яковлевич (1886-?) — профессор медицины, ассистент факультетской терапевтической клиники, в 1920–1921 гг. входил в личный состав Кафедры частной патологии и терапии внутренних болезней Медицинского факультета Самарского государственного университета, к началу 1922–23 учебного года состоял в личном составе Медицинского факультета.

Курзон Вениамин Маркович (1874–1934) — специалист по детским болезням, профессор, в 1921 г. входил в личный состав Кафедры детских болезней Медицинского факультета Самарского государственного университета, 28 июня 1921 г. Медицинским факультетом было присуждено звание самостоятельного преподавателя, к началу 1922–23 учебного года состоял в личном составе Медицинского факультета.

Лебедев А.Д. — профессор технической химии, вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета, 15 мая 1920 г. исключен из личного состава факультета по причине отсутствия.

Лебедев Петр Петрович — профессор, с 1 сентября 1917 г. утвержден на службе по Самарскому государственному университету с зачетом времени службы в Педагогическом Институте приват-доцентом по кафедре философии, с попусшением к исполнению обязанностей библиотекаря университета, с 3 декабря 1917 г. действительный член Историко-филологического общества, с 12 октября 1918 г. преподавал на Высших курсах Общества Экспериментальной Педагогики Естественного и Медицинского отделения, с 18 мая 1920 г. ассистент отдела истории педагогики и психологии детства Института Дошкольного Воспитания, с 1920 г. состоял в личном составе Социально-исторического факультета Самарского государственного университета, в марте 1921 г. переизбран представителем Факультета в Библиотечную Комиссию.

Левит В.С. — профессор медицины, не приехал в следствие задержавшегося утверждения в должности Наркомпросом.

Лепешкин В.В. — профессор физиологии растений, 30 декабря 1919 г. вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета, но не вступил должность, 15 мая 1920 г. исключен из личного состава факультета по причине отсутствия.

Лециус Иосиф Андреевич (1860–1931) — доктор классической филологии, заслуженный профессор, с 1 сентября 1917 г. утвержден на службе по Самарскому государственному университету с зачетом времени службы в Педагогическом Институте ординарным профессором по кафедре классической филологии, с 3 декабря 1917 г. председатель Историко-филологического общества.

Ливеровская Мария Исидоровна (1879–1923) — специалист по романо-германской филологии и западноевропейской литературе средних веков, переводчик, профессор, с 1 сентября 1917 г. утверждена на службе по Самарскому государственному университету с зачетом времени службы в Педагогическом Институте доцентом по Кафедре западно-европейских литератур, с 3 декабря 1917 г. действительный член Историко-филологического общества, в 1920–1921 гг. заведующая Семинария западно-европейской литературы, 9 апреля 1921 г. выбыла из личного состава Социально-исторического факультета университета.

Лурье Соломон Яковлевич (1890–1964) — профессор классической филологии, с 1 мая 1918 г. утвержден на службе по Самарскому Университету с зачетом времени службы в Педагогическом Институте

доцентом по кафедре классической филологии, с 10 марта 1919 г. действительный член Историко-филологического общества, 21 января 1921 г. выбыл из личного состава Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Лыкошин Нил Сергеевич (1860–1922) — преподаватель сартского языка, профессор, в 1920 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета, 18 марта 1921 г. привлечен на должность преподавателя по кафедре Турко-Татарского языкознания.

Манойлова Ольга Семеновна (1880–1962) — профессор физиологической химии, в 1920–1921 гг. входил в личный состав Кафедры физиологической химии Медицинского факультета Самарского государственного университета, в осеннем полугодии 1919–20 г. факультетом присуждается профессорское звание.

Молчанов И.В. — профессор географии, вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета, но не вступил в должность, 15 мая 1920 г. исключен из личного состава Физико-математического факультета по причине отсутствия.

Нечаев Александр Петрович (1870–1948) — психолог, доктор педагогических наук, профессор, с 1 сентября 1917 г. утвержден в должности ординарного профессора по кафедре психологии и в должности директора Самарского государственного университета, сроком на четыре года, с зачетом в службу по университету времени, проведенного на службе по Педагогическому институту, 30 сентября 1917 г. прибыл в Самару, в 1918 г. и 1921 г. избирался ректором Самарского государственного университета, с 3 декабря 1917 г. действительный член Историко-филологического общества, с февраля 1920 г. заведующий Институтом дошкольного воспитания, в 1920–1921 гг. заведующий Психологической лабораторией Медицинского факультета Самарского государственного университета.

Никифоровский Петр Михайлович (1879–1952) — доктор медицины, профессор физиологии, с 30 декабря 1919 г. по 17 мая 1920 г. входил в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета, 14 июля 1919 г. избран временным деканом факультета сроком по 1 сентября, весной 1920 г. вошел в личный состав Медицинского факультета Самарского государственного университета, до апреля 1921 г. заведовал Кафедрой фи-

зиологии, в апреле 1921 г. был избран в Воронежский государственный университет и покинул Самару.

Николаев П.Н. — профессор медицины, не приехал в Самару после выборов на должность, в следствие задержавшегося утверждения Наркомпросом.

Новицкий Тихон Николаевич (1877–1938) — специалист по советскому законодательству, профессор, в 1920 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Нольде Михаил Александрович (1880–?) — хирург, профессор, весной 1920 г. вошел в личный состав Медицинского факультета Самарского государственного университета.

Огановский Н.П. — специалист по экономической политике, профессор. 3 сентября 1920 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Панов В.А. — профессор истории, 3 сентября 1920 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Перетц Владимир Николаевич (1870–1935) — филолог, историк литературы, профессор, ординарный академик Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности с 8 февраля 1914 г., в 1917–1921 гг. работал в Самаре на Историко-филологическом, затем Социально-историческом факультетах Самарского государственного университета, с 3 декабря 1917 г. по 1921 г. председатель Историко-филологического общества, 12 сентября 1921 г. получил разрешение на годичный отпуск без содержания для научных работ в центральных библиотечных собраниях и уехал из Самары.

Первушин Николай Всеволодович (1899–1993?) — профессор истории, в 1920 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Пичугин — профессор, в 1920 г. был избран на кафедру детских болезней Медицинского факультета Самарского государственного университета, но не приехал в Самару.

Покровский Михаил Михайлович (1863–1921) — профессор гистологии, 30 декабря 1919 г. вошел в личный состав Физико-математического факультета, но в должность не вступил, т. к. не приехал в Самару, 15 мая 1920 г. исключен из личного состава Физико-математического факультета по причине отсутствия.

Португалов Юлий Вениаминович (1876–1932) — психиатр, профессор, весной 1920 г. вошел в личный состав Кафедры общей патологии Медицинского факультета Самарского государственного университета, с 27 октября 1920 г. ассистент отдела детской психопатологии Института дошкольного воспитания, 28 июня 1921 г. Медицинским факультетом университета было присуждено звание самостоятельного преподавателя.

Преображенский Павел Александрович (1858–1942) — профессор этнографии, с 10 марта 1919 г. действительный член Историко-филологического общества, в 1920 г. состоял в личном составе Социально-исторического факультета Самарского государственного университета, со 2 ноября 1920 г. 1-й товарищ председателя Совета и Председатель Археологической комиссии Самарского общества археологии, истории и этнографии, 18 марта 1921 г. присуждено звание профессора, после 30 сентября 1921 г. вошел в личный состав Естественно-географического отделения Педагогического факультета, в 1922–1923 гг. председатель Президиума Словесно-исторического отделения, заместитель председателя Историко-филологического общества, член Исторического семинария при Педагогическом факультете Самарского государственного университета.

Преображенский Петр Федорович (1894–1941) — профессор этнографии, с 30 марта 1919 г. действительный член Историко-филологического общества при Самарском университете, в 1920 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета, представитель Библиотечного комитета факультета, представитель факультета в Библиотечной комиссии Самарского государственного университета.

Преображенский Сергей Иванович (1864–?) — профессор истории культуры, в 1920 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Пятницкий Д.А. — профессор неорганической химии, с 12 октября 1918 г. преподавал на Высших курсах Общества Экспериментальной Педагогики Естественного и Медицинского отделения.

Рыхлик Е.А. — специалист по славянской филологии, профессор, с 1 мая 1918 г. экстраординарный профессор по Кафедре славяноведения Самарского государственного университета, с 17 ноября 1918 г. действительный член Историко-филологического общества университета.

Семенов Василий Максимович — профессор неорганической химии, 30 декабря 1919 г. вошел в личный состав Физико-матема-

тического факультета Самарского государственного университета, но не приехал в Самару.

Сергиевский Лев Иванович (1875–1955) — офтальмолог, доктор медицины, профессор, в 1920–1927 гг. входил в личный состав Медицинского факультета Самарского государственного университета, был директором Клиника глазных болезней Самарского государственного университета.

Сканави Мария Семеновна (1881–1958) — профессор неорганической химии, с 1920 г. вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета, не позднее 4 октября 1921 г. выбыл из числа членов факультета, в весеннем семестре 1920 г. входил в личный состав Кафедры общей химии Медицинского факультета Самарского государственного университета, после 30 сентября 1921 г. вошла в личный состав Естественно-географического отделения Педагогического факультета.

Слугинов Серапион Петрович (1879–?) — профессор математики, в 1920 г. вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета, в 1922–1923 гг. председатель Математической Предметной комиссии, товарищ председателя Физико-математического общества и заведующий Математическим кабинетом Педагогического факультета Самарского государственного университета.

Смирнов Александр Васильевич (1857–1933?) — профессор этики, с 1920 г. состоял в личном составе Социально-исторического факультета, заведующий отделом этики Института Дошкольного Воспитания, заместитель председателя Совета и представитель Совета в правлении университета, с 17 ноября 1918 г. действительный член Историко-филологического общества университета.

Смирнов Павел Агафангелович (1894–1948) — профессор физики, с 12 октября 1918 г. преподавал на Высших курсах Общества Экспериментальной Педагогики Естественно и Медицинского отделения, в 1919 г. утвержден профессором физики Естественно-медицинского факультета Самарского государственного университета, избирается секретарем Естественно-медицинского факультета Самарского государственного университета, 30 декабря 1919 г. избран деканом Физико-математического факультета Самарского государственного университета, после 15 мая 1920 г. избирается деканом Постоянного президиума факультета, с весеннего семестра 1920 г. входил в личный состав Кафедры общей химии, в 1922–1923 гг. декан Педагогического факультета

Самарского государственного университета, заведующий Физическим кабинетом и физической лабораторией Педагогического факультета, председатель Физико-математического общества при Педагогическом факультете, к началу 1922–23 учебного года состоял в личном составе Медицинского факультета Самарского государственного университета.

Смирнов Петр Павлович (1878–?) — специалист по микробиологии, профессор, с 30 декабря 1919 г. вошел в личный состав Медицинского факультета Самарского университета, с весеннего семестра 1920 г. входил в личный состав Кафедры общей химии, в 1922–1923 гг. председатель Президиума Естественно-географического отделения Педагогического отделения, заведующий Лабораторией физиологии растений и микробиологии Педагогического факультета, руководитель Студенческого микробиологического кружка, к началу 1922–23 учебного года состоял в личном составе Медицинского факультета Самарского государственного университета.

Сосновцев Андрей Андреевич (1889–?) — специалист по анатомии человека, профессор, в 1920–1921 гг. вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета в качестве и.о. профессора анатомии человека, к началу 1922–23 учебного года вошел в личный состав Медицинского факультета Самарского государственного университета в качестве ассистента и прозектора на Кафедре нормальной анатомии и преподавателя десмургии и механургии.

Спасский Владимир Александрович (1876–1925) — специалист по фармации и фармакологии, профессор, с 1920 г. входил в личный состав Кафедры фармации и фармакологии Медицинского факультета Самарского государственного университета, в осеннем полугодии 1919–20 гг. присуждено профессорское звание.

Спиридонов Василий Спиридонович (1878–1952) — литературовед и библиограф, доктор филологических наук, профессор, в 1922–1923 гг. входил в личный состав Педагогического факультета, член Президиума Педагогического факультета Самарского государственного университета, председатель Словесно-исторической предметной комиссии и Историко-филологического общества при Педагогическом факультете, член Лингвистического и Исторического семинариев при Педагогическом факультете университета.

Тарасов Ефим Иванович (1866–1928) — специалист по русской истории, профессор, с 1 августа 1917 г. в должности экстраординарного профессора по Кафедре русской истории допущен временно,

сроком на один год, исполнять обязанности проректора Самарского государственного университета, с 3 декабря 1917 г. действительный член Историко-филологического общества университета.

Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) — специалист по славяно-русской палеографии, историк, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР по Отделению истории и философии с 4 декабря 1946 г., академик по Отделению исторических наук (история СССР) с 23 октября 1953 г., с 1920 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета, с 8 февраля 1920 г. действительный член Самарского общества археологии, истории и этнографии.

Тулайков Н.М. — профессор, 30 декабря 1919 г. вошел в личный состав Физико-математического факультета Самарского государственного университета, но не вступил в должность, т. к. не прибыл в Самару, 15 мая 1920 г. исключен из личного состава факультета по причине отсутствия.

Турбаба Дмитрий Петрович (1863–1933) — профессор неорганической и аналитической химии, с 1920 г. работал на Физико-математическом факультете Самарского государственного университета, в 1922–1923 гг. заведующий Химической лабораторией Педагогического факультета Самарского государственного университета, к началу 1922–23 учебного года состоял в личном составе Медицинского факультета Самарского государственного университета.

Федоров Виктор Викторович (1884–1920) — профессор, с 12 октября 1918 г. преподавал на Высших курсах Общества Экспериментальной Педагогики Медицинского отделения, в ноябре 1919 г. избирается секретарем Естественно-медицинского факультета Самарского государственного университета, 30 декабря 1919 г. вошел в личный состав факультета. 2 мая 1920 г. утонул в р. Волге.

Францев (Францов) Павел Федорович (1873–?) — специалист по детским болезням, профессор, в 1921 г. входил в личный состав Кафедры детских болезней Самарского государственного университета, 28 июня 1921 г. Медицинским факультетом университета было присуждено звание самостоятельного преподавателя, к началу 1922–23 учебного года состоял в личном составе Медицинского факультета университета.

Фридолин Петр Петрович (1876–1949) — специалист в области всеобщей истории, доктор исторических наук, профессор, с 1 мая 1918 г. доцент по кафедре всеобщей истории Самарского государственного университета, с 1 декабря 1918 г. действительный член

Историко-филологического общества университета, с 1920 г. председатель Президиума Социально-исторического факультета университета, в 1921–1923 гг. ректор Самарского государственного университета, в 1921–1923 гг. председатель Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания.

Хомяков М.М. — профессор антропологии, 15 мая 1920 г. исключен из личного состава Физико-математического факультета Самарского государственного университета по причине отсутствия.

Чалусов (Чалусом) Михаил Аганиевич (1870–?) — профессор, летом 1923 г. вошел в личный состав Медицинского факультета Самарского государственного университета.

Чашкин Николай Николаевич (1882–?) — профессор, преподаватель врачебной диагностики, 28 июня 1921 г. Медицинским факультетом было присуждено звание самостоятельного преподавателя, в 1922–1923 гг. состоял в личном составе Медицинского факультета Самарского государственного университета.

Шифнер Э.А. — профессор, преподаватель немецкого языка, с 6 февраля 1921 г. вошел в личный состав Социально-исторического факультета Самарского государственного университета.

Шульц Елена Густавовна — профессор французского языка, с 1920 г. состоял в личном составе Социально-исторического факультета Самарского государственного университета, с октября 1921 г. вр. и.о. заведующего Семинария западно-европейской литературы, в 1922–1923 гг. секретарь Президиума Словесно-исторического отделения Педагогического отделения, секретарь Историко-Филологического общества при Педагогическом факультете, член Лингвистического семинария при Педагогическом факультете.

Щеглова Софья Алексеевна (1866–1965) — профессор русской литературы, с 1917 г. состояла в личном составе Историко-филологического, затем Социально-исторического факультетов Самарского государственного университета, с 17 ноября 1918 г. действительный член Историко-филологического общества при университете.

Костромской университет

Аржеников Константин Петрович (1862–1933) — профессор математики, с 29 октября 1919 г. вошел в личный состав Естественного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Ахманов Александр Сергеевич (1893–1957) — профессор философии, с 1 ноября 1918 г. избран секретарем Гуманитарного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Вебер Георгий Карлович (1876–1937) — профессор истории, с 8 октября 1920 г. вошел в личный состав Гуманитарного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Городенский Николай Гаврилович (1871–1936) — профессор философии, с 1 ноября 1918 г. вошел в личный состав Гуманитарного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета, в 1918–1919 гг. был первым ректором Костромского рабоче-крестьянского университета.

Горский Александр (Ян) Иосифович (1876–1922) — профессор химии, с 29 марта 1919 г. состоял в личном составе Естественного факультета и личном составе младшего отделения Медицинского факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Дурново Александр Сергеевич (1876–1944) — специалист по психологии и психопатологии детского и юношеского возраста, доктор медицинских наук, профессор, с 26 сентября 1920 г. вошел в личный состав Педагогического факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Ковалевский М.И. — профессор математики Костромского рабоче-крестьянского университета, в 1919–20 учебному году умер.

Кун Владимир Николаевич (1886–1955) — профессор русской истории Гуманитарного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета в 1918–1920 гг.

Меньков Федор Алексеевич (1881–1925) — экономист, специалист по политической экономии, финансовому праву, профессор, с 22 декабря 1918 г. вошел в личный состав Гуманитарного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета, с 5 ноября 1919 г. ректор Костромского рабоче-крестьянского университета, с 6 октября 1920 г. вошел в личный состав Педагогического факультета Костромского рабоче-крестьянского университета, исполняющий обязанности декана факультета.

Михайлов Александр Васильевич (1859–1928) — специалист по истории русской литературы, языка и письменности, профессор, член-корреспондент АН СССР по Отделению русского языка и словесности (русский язык и словесность) с 2 декабря 1922 г., с 1 ноября 1920 г. вошел в личный состав Гуманитарного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Некрасов Алексей Иванович (1882–1950) — специалист по истории и теории искусств, профессор, с 1 ноября 1918 г. вошел в личный состав Гуманитарного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Новицкий Юрий Петрович (1882–1922) — юрист, историк права, профессор, с 1 декабря 1919 г. вошел в личный состав Гуманитарного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета, с 28 сентября 1920 г. вошел в личный состав Педагогического факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Орлов Александр Сергеевич (1871–1947) — специалист по русской литературе и языку, профессор, в 1919–20 учебному году выбыл из личного состава Гуманитарного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Петровский Михаил Александрович (1887–1937) — профессор западноевропейской литературы, с 8 октября 1920 г. вошел в личный состав Гуманитарного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Петровский Федор Александрович (1890–1978) — профессор классической филологии, с 1 ноября 1918 г. вошел в личный состав Гуманитарного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета, член Президиума факультета.

Саккетти Александр Ливериевич (1881–1966) — правовед, специалист в области истории правовых и политических учений, профессор, с 15 ноября 1918 г. вошел в личный состав Гуманитарного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета, с 7 января 1920 г. проректор Костромского рабоче-крестьянского университета, с 28 сентября 1920 г. вошел в личный состав Педагогического факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Сиротин Ефим Еремеевич (1888–1949) — профессор физики, с 30 октября 1918 г. состоял в личном составе Естественного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета, в 1919–20 учебному году состоял в личном составе младшего отделения Медицинского факультета, а также Рабочего факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Чепурковский Ефим Михайлович (1871–1950) — специалист по палеоантропологии, этнограф, библиограф, профессор, в 1919–20 учебному году состоял в личном составе Естественного факультета Костромского рабоче-крестьянского университета, с 10 октября 1918 г. декан Естественного факультета в качестве профессора мето-

дики географии и руководитель географического цикла, с 6 октября 1920 г. вошел в личный состав Педагогического факультета Костромского рабоче-крестьянского университета, в 1919–20 учебному году состоял в личном составе Рабочего факультета Костромского рабоче-крестьянского университета.

Шишмарев Владимир Федорович (1874–1957) — филолог-романист, лингвист, литературовед, профессор, член-корреспондент АН СССР по Отделению русского языка и словесности (филология) с 6 декабря 1924 г., академик по Отделению литературы и языка (западноевропейская филология) с 30 ноября 1946 г., 46 г.), с 1 ноября 1918 г. избран деканом Гуманитарного факультета Рабочего факультета Костромского рабоче-крестьянского университета, в 1919–20 учебному году состоял в личном составе Рабочего факультета университета.

Ярославский университет

Анисимов Александр Иванович (1877–1937) — историк и реставратор древнерусской живописи, в 1918–1919 гг. заведовал кабинетом изящных искусств Ярославского государственного университета, в 1919–1924 гг. профессор Кафедры археологии и материальной культуры университета, с 20 февраля 1920 г. декан Исторического отделения, читал курсы истории русского искусства, раннего христианского искусства, введения в искусство понимания, русского искусства до XVIII в.

Бачинский А.И. — с января 1919 г. профессор Общественно-исторического факультета Ярославского государственного университета.

Блажеевич Адам Октавианович (1875–?) — физик, с 1921 г. преподаватель Ярославского педагогического института и Рабфака Ярославского государственного университета, с 25 августа 1921 г. декан Медицинского факультета университета, с 1922 г. жил в Варшаве.

Боголюбов В.А. — с ноября 1919 г. профессор Кафедры новейшей истории Европы и внеевропейских стран Факультета общественных наук Ярославского государственного университета.

Бочкарев Валентин Николаевич (1880–1967) — историк, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, отличник народного просвещения, с 21 февраля 1920 г. профессор Кафедры новейшей истории Европы и внеевропейских стран Факультета общественных наук Ярославского государственного уни-

верситета, читал курсы экономической истории России XVIII-XIX вв. и развития капитализма в России.

Вебер Георгий Карлович (1876–1937) — историк, профессор Кафедры истории Европы и внеевропейских стран Ярославского государственного университета.

Венедиктов Анатолий Васильевич (1887–1959) — юрист, правовед, академик Академии наук СССР по Отделению экономических, философских и правовых наук (право) с 20 июня 1958 г., в 1918–1919 гг. профессор и заведующий Кафедрой промышленного права Ярославского государственного университета.

Глаголев Дмитрий Сергеевич (1863–?) — богослов, историк, профессор истории, в 1918–1919 гг. декан Экономического и Кооперативного Отделений Общественно-исторического факультета Ярославского государственного университета, с 7 февраля 1920 г. библиотекарь университета.

Голубев Николай Николаевич (1875–1948) — юрист, доктор международного права, профессор Кафедры истории международных отношений и международного права Факультета общественных наук Ярославского государственного университета, с декабря 1918 г. по июль 1919 г. декан экономического и кооперативного отделений Факультета общественных наук университета.

Горбунов Александр Владимирович (1867–после 1925) — с 1919 г. профессор Кафедры рабочего права и социальной политики, заведующий этой кафедрой.

Граменицкий Михаил Иванович (1882–1942) — русский, советский фармаколог, доктор медицинских наук, профессор, один из создателей современной фармакологической школы, в 1921–1924 гг. профессор и заведующий Кафедрой фармакологии Ярославского государственного университета.

Дейнега Вячеслав Аверкиевич (1873–1954) — зоолог-морфолог, специалист по сравнительной анатомии, с 1919 г. профессор Кафедры зоологии Медицинского факультета Ярославского государственного университета.

Дживелегов Алексей Карпович (Каранетович) (1875–1952) — историк, искусствовед, переводчик, доктор искусствоведения, в 1919–1924 гг. профессор факультета общественных наук Московского государственного университета, параллельно в эти годы профессор Кафедры новейшей истории Европы и внеевропейских стран Ярославского государственного университета.

Дмитриев Андрей Михайлович (1878–1946) — растениевод, один из основоположников луговодства в России и СССР, с 1916 г. читал курс луговодства в Московском сельскохозяйственном институте и с 1922 г. профессор Московской сельскохозяйственной академии, одновременно с этим в 1919–1924 г. профессор Кафедры земледелия Ярославского государственного университета.

Дьяконов Петр Петрович (1882–1953) — с 1920 г. профессор и заведующий Кафедры описательной анатомии человека Медицинского факультета Ярославского государственного университета, с 18 (17) июля 1920 г. по 24 ноября 1920 г. декан Медицинского факультета университета.

Зубов И.О. — профессор, с 1918 г. состоял в составе Общественно-исторического факультета Ярославского государственного факультета, в 1919–1920 учебном году профессор Кафедры криминальной социологии и политики Факультета общественных наук, а также Кафедры истории медицины Медицинского факультета, в 1920–1921 учебном году профессор Кафедры История медицины и душевные болезни Медицинского факультета, в 1919 г. и. о. декана Медицинского факультета, с июля 1919 г. до 26 июня 1920 г. и с 24 ноября 1920 г. по 25 августа 1921 г. декан Медицинского факультета.

Каптеров Н.Н. — профессор, в 1919 г. состоял в составе Общественно-исторического факультета Ярославского государственного университета, а затем в составе Факультета общественных наук.

Кончаловский Дмитрий Петрович (1878–1952) — историк и правовед, антиковед, переводчик, в 1918–1921 гг. был профессором Кафедры истории всеобщей историко-филологического факультета Московского государственного университета, в 1921–1922 учебном году профессор исторического/общественно-педагогического отделения Факультета общественных наук Московского университета; в 1921 г. был уволен из университета и перешел в открывшийся в Минске Белорусский государственный университет, в 1918–1921 гг. профессор Кафедры новейшей истории Европы и внеевропейских стран Ярославского государственного факультета.

Кравцев Владимир Павлович — химик, с 1918 г. профессор Кафедры органической химии Ярославского государственного факультета, в 1919–1920 учебном году профессор Кафедры органической химии Медицинского факультета, в 1920–1921 учебном году профессор Кафедры химии Агрономического факультета.

Кудрявцев Всеволод Александрович (1885—1953) — математик, с 1919 г. профессор Общественно-исторического факультета Ярославского государственного университета, в 1919–1920 учебном году профессор Кафедры статистики Факультета общественных наук университета, в 1920–1921 учебном году профессор Кафедры математики Агрономического факультета.

Лавров Н.И. — профессор медицины, с 11 сентября 1920 г. состоял в составе Медицинского Факультета Ярославского государственного университета, с 29 сентября 1920 г. по 27 мая 1921 г. заместитель декана Медицинского факультета.

Лапицкий Борис Антонович (1889–1974) — юрист, правовед, с 1918–1921 гг. профессор римского и гражданского права Кафедры социального права в Ярославском государственном университете, с июля 1919 г. до 20 февраля 1920 г. секретарь Факультета общественных наук университета, с 20 февраля по 30 марта 1920 г. декан Юрико-политического отделения Факультета общественных наук университета, в 1921–1922 гг. профессор Саратовского государственного университета, в 1922 г. эмигрировал в Польшу.

Мезинг Эдуард Карлович (1869–1928) — химик, фармаколог, в 1920–1924 гг. профессор Кафедры фармации с фармакогнозией Медицинского факультета Ярославского государственного университета, с 25 сентября по 20 ноября 1920 г. и.о. проректора университета, с 27 мая по 25 августа 1921 г. заместитель декана Медицинского факультета.

Меньков Федор Алексеевич (1881–после 1925) — юрист, профессор факультета Общественных наук Ярославского государственного университета с 1919 г.

Мышцын Василий Никаноорович (1866–1936) — богослов, профессор церковного права, библеист, с 1919 г. по 21 февраля 1921 г. проректор Ярославского государственного университета, в 1920–1921 гг. профессор Кафедры истории религии, археологии и материальной культуры Ярославского государственного университета.

Нерсесов М.Н. — политэконом, с 1919 г. профессор Общественно-исторического факультета Ярославского государственного университета, затем Кафедры истории народного хозяйства и экономической мысли Факультета общественных наук университета (до 1924 г.).

Нечаева-Дьяконова Аглая Кирилловна (1878–?) — врач-гистолог, доктор биологических наук, с 1918 г. профессор Кафедры гисто-

логии Медицинского факультета Ярославского государственного университета.

Новицкий Иван Борисович (1880–1958) — советский правовед-цивилист, в 1918 г. и.о. декана, секретарь юридического факультета Московского университета; в 1919–1925 гг. профессор факультета общественных наук, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Московского университета, с 1918 г. профессор кафедры истории права и государства Ярославского государственного университета.

Огнев Александр Иванович (1884–1925) — философ, с ноября 1919 г. до 7 февраля 1920 г. профессор Кафедры истории научной мысли Факультета общественных наук Ярославского государственного университета.

Петухов Н.Г. — экономист, с 1919 г. профессор Кафедры теории капиталистического хозяйства и Кафедры экономических наук Ярославского государственного университета.

Плетнев Борис Дмитриевич (1888–1934) — юрист, правовед, с 1919 г. профессор кафедры публичного права Ярославского государственного университета.

Поливанов Михаил Павлович (1880–?) — с 1919 г. профессор Кафедры истории научной мысли Факультета общественных наук Ярославского государственного университета, с 22 октября 1920 г. секретарь Факультета общественных наук университета.

Полянский Николай Николаевич (1878–1961) — юрист, криминолог, крупный специалист в области уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор, с 1918 г. профессор Кафедры публичного права Ярославского государственного университета, в 1919 г. декан Юридического отделения Общественно-исторического факультета университета.

Пржеборовский Ярослав Степанович (Стефанович) (1883–?) — химик, доктор химических наук, в 1921–1922 г. профессор Кафедры неорганической химии Медицинского и агрономического факультетов Ярославского государственного университета.

Пчелин Николай Николаевич (1888–1939) — историк, с 1919 г. профессор Общественно-исторического факультета Ярославского государственного университета, затем Кафедры истории права и государства Факультета общественных наук университета.

Радциг Сергей Иванович (1882–1968) — российский и советский филолог-классик, переводчик, литературовед, доктор филологиче-

ских наук, с 1918 г. профессор Общественно-исторического факультета Ярославского государственного университета, с 1919 г. профессор Кафедры истории античного мира Факультета общественных наук университета (до 1924 г.).

Рождественский Алексей Андреевич (1869–после 1923) — юрист, магистр государственного права, с 1918 г. профессор Кафедры истории русского права Общественно-исторического факультета Ярославского государственного университета, 1919–1920 и 1920–1921 учебных годах профессор Кафедры Социологии Факультета общественных наук университета, читал «Введение в изучение науки о праве и государстве», затем социологические дисциплины, курс «Основы социологии» на Педагогическом факультете в 1922–1923 учебном году, с 24 января 1919 года заведовал Кабинетом социологии университета, 22 октября 1923 года был отчислен из университета по состоянию здоровья.

Свирицевский Александр Рафаилович (1861 — не ранее 1937) — экономист в области финансового права, налоговой политики, статистики, в 1919–1920 учебном году профессор Кафедры государственного и местного хозяйства Факультета общественных наук Ярославского государственного университета, в 1920–1921 учебном году профессор Кафедры государственного и частного хозяйства Агрономического факультета, первый ученый секретарь Совета и Президиума университета, с 24 июня 1921 г. декан Экономического отделения Факультета общественных наук.

Тоцкий Николай Максимович (1891–1938) — юрист, в 1921–1924 гг. профессор Кафедры социологии Факультета общественных наук Ярославского государственного университета.

Устинов Владимир Михайлович (1870–1941) — юрист, доктор государственного права, профессор Кафедры истории политической и юридической мысли Факультета общественных наук Ярославского государственного университета.

Федерольф Александр Карлович (1863–?) — врач-гигиенист, профессор Кафедры гигиены Медицинского факультета Ярославского государственного университета, с 20 ноября 1920 г. по 24 марта 1921 г. проректор университета.

Чредин Борис Васильевич (1885–не позднее 1928) — юрист, в 1918–1924 гг. профессор Кафедры истории римского права Ярославского государственного университета, с июля 1919 г. по 11 ноября 1921 г. декан Экономического отделения Факультета общественных

наук, с 1919 г. и.д. председателя, с 20 февраля 1920 г. председатель Деканата Факультета общественных наук.

Ширяев Валериан Николаевич (1872–1937) — юрист, криминалист, доктор уголовного права, профессор Ярославского государственного университета, в 1918–1919 гг. (до ноября) и.д. ректора университета, с ноября 1919 г. до 20 февраля 1920 г. и.д. декана Юридикополитического отделения Факультета общественных наук, с 21 февраля 1920 г. ректор университета (до 1922 г.), с 1918–1924 гг. профессор Кафедры криминальной социологии и политики университета, с 1924 г. работал в Белорусском университете, читал курс уголовного права и истории права.

Шишмарев В.Н. — специалист по криминальной социологии и политики, профессор Ярославского государственного университета, с 22 июня 1921 г. состоял в составе Факультета общественных наук университета.

Шляхтин Евгений Михайлович (1865–1939) — врач-гистолог, в 1918–1919 гг. профессор Медицинского факультета Ярославского государственного университета.

Щеглов Владимир Георгиевич (1854–1927) — юрист, доктор права, в 1918–1923 гг. профессор Ярославского государственного университета, в 1918–1919 гг. и.о. декана Исторического отделения Общественно-исторического факультета, позже — декан Исторического отделения Факультета общественных наук университета, читал курсы сравнительного правоведения, истории государственных форм и политических учений, крестьянского права и его исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Andrews James T.* Local Science and Public Enlightenment: Iaroslav Naturalists and the Soviet State, 1917–31 // *Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001. P. 105–125.
- Andrews James T.* Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934. College Station: Texas A&M University Press, 2003. 256 p.
- McClelland James C.* The Professoriate in the Russian Civil War // *Party, State, and Society in the Russian Civil War: Exploration in Soviet History* / Ed. D.P. Koenker, W.G. Rosenberg, R.G. Suny. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1989. P. 243–266.
- Аврус А.И.* История российских университетов: Очерки. Саратов: Гос. учеб.-науч. центр «Колледж», 1998. 126 с.
- Академия наук Союза Советских Социалистических Республик, ее задачи, разделение и состав. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 90 с.
- Балухатый С.Д.* Некоторые ритмико-синтаксические категории русской речи // *Известия Самарского государственного университета*. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 14–25.
- Башикиров А.С.* Отчет о деятельности Социально-исторического факультета Самарского государственного университета // *Известия Самарского государственного университета*. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 74–86.
- Башикиров А.С.* Отчет Семинария археологии и искусств Самарского государственного университета с 20 апреля 1919 г. по 20 сентября 1921 г. // *Известия Самарского государственного университета*. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 86–92.
- Башикиров А.С., Ефимов П.Н.* Отчет Общества археологии, истории и этнографии при Самарском государственном университете за первый год его существования с 2-го ноября 1919 г. по 2-е ноября 1920 г. // *Известия Самарского государственного университета*. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 109–115.
- Беклемишев В.Н.* Общество естествоиспытателей при Пермском университете // *Труды Общества естествоиспытателей при Пермском университете*. Пермь: 2-я типография «Пермполиграф», 1924. Т. 1. Вып. 1. С. 3–7.
- Белявский М.Т., Сукаев А.Г.* Новые материалы о М.Н. Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области // *Археографический ежегодник за 1976 год*. М.: Из-во «Наука», 1977. С. 129–134.
- Берг Л.С.* Всесоюзное Географическое общество за сто лет. М.-Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М, 1946. 263 с.

- Берг Л.С.* Изменчивость явлений и законы природы // Природа. 1919. № 7–9. С. 291–302.
- Бердинских В.А.* Уездные историки. Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 522 с.
- Бушуева Л.А.* 1917 год в жизни университетского сообщества Казани // «Гасыпар авазы — Эхо веков». 2017. № 1/2. С. 6–17.
- Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. 498 с.
- Гапоненков А.А.* Философ в провинции. С.Л. Франк и его окружение в годы революции и Гражданской войны в Саратове. Из летописи событий 1917–1921 годов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2019. 304 с.
- Гольмстен В.В.* Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете (История и деятельность) // Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете. Самара: Б.и., 1925. № 1. С. 2–7.
- Гусынин В.А.* Отчет о состоянии Медицинского факультета Самарского государственного университета за 1922/23 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 10–20.
- Дедушиц С.И., Слоницкий С.Г.* Отчет о «Неделе помощи университету» // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 26–27.
- Декрет СНК «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)» // СУ РСФСР. 1921. № 65. Ст. 486. С. 803–809.
- Декрет СНК «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской Республики» // СУ РСФСР. 1918. № 72. Ст. 789. С. 999–1000.
- Декрет СНК «О правилах приема в высшие учебные заведения» // СУ РСФСР. 1918. № 57. Ст. 632. С. 770.
- Декрет СНК «О рабочих факультетах» // СУ РСФСР. 1920. № 80. Ст. 381. С. 576.
- Декрет СНК «Об утверждении государственных университетов в гг. Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и о преобразовании в государственные университеты быв. Демидовского юридического лицея в г. Ярославле и Педагогического института в г. Самаре» // СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 21. С. 22.
- Документы по истории Академии наук СССР, 1917–1925 гг. / Отв. ред. Б.В. Левшин. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1986. 382 с.
- Документы, относящиеся к открытию Самарского университета // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. I–XX.
- Дубман Э.Л.* Первый Самарский университет: от научных обществ к проекту создания научно-исследовательского института // Университеты в социо-

культурном пространстве Самарского региона (к 100-летию университетского образования в Самаре) материалы круглого стола, состоявшего в Самарском университете 8–9 ноября 2018 г. / под ред. П.С. Кабытова, М.М. Леонова, О.Б. Леонтьевой. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С.18–29.

Ерегина Н.Т. Медицинский факультет Ярославского университета: несостоявшаяся судьба (1919–1924 гг.) // Новый исторический вестник. 2009. № 21. С. 20–31

Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И., 2017. 208 с.

Ермаков А.М. Первые шаги Ярославского педагогического института (1918–1924 гг.) // История ЯГПУ за 100 лет. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. С. 37–119.

Жамойда А.И., Алексеев А.С., Розанов А.Ю., Суяркова А.А. Палеонтологическому обществу России — 100 лет. Исторический очерк. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2016. 243 с.

Занченко П.В. Отчет о деятельности Медицинского факультета // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 25–74.

Зубов И.О. К вопросу о дефектах «провинциальной» судебно-медицинской экспертизы // Сборник Ярославского университета. Вып. 1. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1920. С. 285–292.

Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. Состав и юридический статус учебных заведений. М.: Институт истории СССР, 1991. 392 с.

Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX в.: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.

Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых). М.: ИМЛИ РАН, 2010. 816 с.

Известия Саратовского университета. Медицинский факультет. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1918. Вып. 1. 360 с.

Известия Саратовского университета. Медицинский факультет. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1918. Вып. 2. Разд. паг.

Известия Саратовского университета. Медицинский факультет. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1918. Вып. 3. Разд. паг.

Интеллигенция и революция. XX век. Сборник статей / отв. ред. К.Ф. Гусев. М.: Наука, 1985. 334 с.

Историко-филологическое общество в 1917–1918 академическом году // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. 26–39.

Каиль М.В. Из истории становления университетского образования в советской провинции // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 256–272

- Камелин Р.В.* Русскому ботаническому обществу — 100 лет // Ботанический журнал. 2016. Т. 101. № 1. С. 3–12.
- Канищев В.В., Будюкина Н.Н.* Трудный старт. К истории Тамбовского государственного университета 1918–1921 гг. // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 4 (120). С. 9–22
- Кертман Л.Е., Васильева Н.Е., Шустов С.Г.* Первый на Урале. Пермь: Кн. изд-во, 1987. 234 с.
- Козлов С.А.* «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.): в 3 тт. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 588+688+272 с.
- Колчинский Э.И.* Российская академия наук и Гражданская война: в поисках путей выживания // Мавродинские чтения 2018: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 547–551.
- Колчинский Э.И., Синельникова Е.Ф.* Самоорганизация российской науки в годы кризиса, 1917–1922 гг. СПб.: Скифия-принт, 2020. 276 с.
- Костромской государственный рабоче-крестьянский университет. 7-го ноября 1919 г. — 7-го ноября 1920 г. // Отчет о деятельности Костромского государственного рабоче-крестьянского университета. Кострома: 3-я Государственная типография, 1921. С. 3–11.
- Краеведческие учреждения СССР. Л.: Типография «Печатный Труд», 1927. 205 с.
- Крайнова Т.В.* Самарское археологическое общество (1916–1919) // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара: Самар. обл. краевед. музей, 1995. С. 134–136.
- Крайнова Т.В.* Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете (191–1929) // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара: Самар. обл. краевед. музей, 1995. С. 137–162.
- Кричко В.А.* Продолжая традиции... (К 125-летию Русского технического общества). М.: Знание, 1991. 62 с.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А.* Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: ООО «Офорт», 2007. 168 с.
- Лебедева Е.В.* Научно-исследовательская деятельность Самарского государственного университета. 1918–1927 гг. Самара: Б.и., 2000. 73 с.
- Левина Т.А., Чуйков Ю.С.* К истории первого Астраханского университета (первый выпуск медицинского института имени А.В. Луначарского) // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 4 (42). С. 108–120.
- Левковский А.М.* Аномалии, уродства и наследственность // Известия Саратовского университета. Медицинский факультет. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1918. Вып. 1. С. 77–184.
- Левковский А.М.* Аномалии, уродства и наследственность. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1918. 184 с.

- Леонов М.И.* К истории Самарского университета // Университеты в социокультурном пространстве Самарского региона (к 100-летию университетского образования в Самаре) материалы круглого стола, состоявшего в Самарском университете 8–9 ноября 2018 г. / под ред. П.С. Кабытова, М.М. Леонова, О.Б. Леонтьевой. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С. 9–17.
- Личный состав профессоров, преподавателей, ассистентов и препараторов Костромского государственного рабоче-крестьянского университета в 1919–1920 гг. // Отчет о деятельности Костромского государственного рабоче-крестьянского университета. Кострома: 3-я Государственная типография, 1921. С. 60–68.
- Лоскутова М.В.* Уездные ученые: самоорганизация научной общественности в российской провинции во второй половине XIX — первые десятилетия XX в. // *Ab imperio*. 2009. № 3. С. 119–170.
- Мурашкинцев П.* Краткий отчет о рабочем факультете Самарского государственного университета за 1922–1923 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923.
- Наука в России: Справочный ежегодник. Вып. 1: Петроград: Данные к 1 янв. 1918 г. Пг., 1920. 146 с.
- Наука в России: Справочный ежегодник. Вып. 2: Москва: Данные к 1 янв. 1918 г. М., Пг., 1920. 63 с.
- Наука в России: Справочный ежегодник. Вып. 3: Научные работники Петрограда: Данные к началу 1922 г. М., Пг., 1923. 164 с.
- Наука в России: Справочный ежегодник. Вып. 4: Научные работники Москвы. М., Пг., 1925. 134 с.
- Наука и научные работники СССР: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Ч. 6. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. 810 с.
- Наука и научные работники СССР: Научные учреждения Ленинграда. Ч. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. 406 с.
- Научные работники Ленинграда: С прил. перечня науч. учреждений Ленинграда. Ч. 5. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 723 с.
- Обозрение преподавания наук в Костромском государственном рабоче-крестьянском университете на 1919–1920 учебный год. Кострома: Типография Губвоенкома, 1919. 12 с.
- Ольденбург С.Ф.* Работа Российской академии наук за последние три года 1917–1919 // Наука и ее работники. 1920. № 1. С. 8–12.
- Орешкин В.В.* Вольное Экономическое общество в России: Историко-экономический очерк. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 195 с.
- От издательской коллегии // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 3.
- От редакции // Краеведение. 1923. № 1. С. 1–2.

- Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Самарском университете за 1919–1920 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 118–120.
- Отчет Ярославского государственного университета за 1919–1920 учебный год // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярославского губернского сельско-хозяйственного и кустарно-промышленного союза кооператоров, 1923. С. 139–159.
- Отчет Ярославского государственного университета за 1920–1921 учебный год // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярославского губернского сельско-хозяйственного и кустарно-промышленного союза кооператоров, 1923. С. 159–180.
- Отчет Ярославского государственного университета за период времени с осени 1918 г. по 7 ноября 1919 г. // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1920. С. 333–359.
- Пасхалов А.П.* Отчет о деятельности Астраханского государственного мединститута с момента его основания по настоящее время // Астраханский медицинский вестник. Астрахань: Медицинский институт, 1922. № 1–2. С. 183–190.
- Перетц В.Н.* Отчет о деятельности Самарского педагогического института в осеннем полугодии 1917 года // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. 3–17.
- Перетц В.Н., Адрианова В.П.* Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Самарском университете за 1918–1919 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 2. Самара: Типография Средволосоюза № 1, 1919. С. 17–42.
- Плетнев Б.Д.* Национальная проблема в России и методы ее разрешения // Сборник Ярославского университета. Вып. 2. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1923. С. 26–39.
- Положение о женском педагогическом институте Самарского губернского земства памяти 19 февраля 1861 г. // СУ. 1917. № 275. Ст. 2013. С. 3296–3303.
- Положение о Центральном бюро краеведения при Российской академии наук // Краеведение. 1923. № 2. С. 209–211.
- Постановление Наркомпроса «Об организации рабочих факультетов при университетах» // СУ РСФСР. 1919. № 45. Ст. 443. С. 643–645.
- Постоянная комиссия по изучению естественных производительных сил СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 26 с.
- Предварительный список ученых учреждений, высших учебных заведений, музеев, обсерваторий, библиотек и пр., находящихся в Петербурге и его окрестностях / Сост. Комис. по изд. справ. «Наука в России» при Рос. акад. наук по сведениям, полученным до 1-го июня 1921 года. [СПб., 1921]. С. 45–71.

- Протоколы общих собраний общества за 1917–1923 гг. // Труды Общества естествоиспытателей при Пермском университете. Пермь: 2-я типография «Пермполиграф», 1924. Т. 1. Вып. 1. С. 8–38.
- Публичный статус российской химии. Русское химическое общество: история и традиции / под ред. Е.А. Баум, Т.В. Богатовой. М.: Янус-К, 2019. 350 с.
- Редакционная статья. Краеведение за 10 лет советской власти // Известия ЦБК. 1927. № 8. С. 266–267.
- Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я. «Теперь работа, прежде всего работа особенно нужна для России...» (А.А. Рихтер в 1917–1923 годы в Пермском университете) // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 29–34.
- Савчук В.С. Естественнаучные общества юга Российской империи: вторая половина XIX — начало XX в. Днепропетровск: Вид-во ДДУ, 1994. 230 с.
- Сафронов П.А. «Чутко отразились все требования революции»: советский университет в 1920–1930-е годы // Вопросы образования. 2010. № 4. С. 182–196.
- Святский Д. Первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края // Наука и ее работники. Вып. 2. 1922. С. 19–23.
- Семенов Е.В. Краткий отчет о деятельности Физико-математического факультета Самарского государственного университета за период 30 декабря 1919 г. — 1 октября 1921 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 1 СНХ, 1922. С. 15–24.
- Синельникова Е.Ф. Из истории высшего образования в первые годы Советской власти: попытка создания Археологического института в Самаре // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2020. М.: ИИЕТ РАН, 2020. С. 333–336.
- Смирнов П.П. Отчет о состоянии Педагогического факультета Самарского государственного университета за 1922/23 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 1–10.
- Соболев В.С. Нести священное бремя прошедшего: Российская академия наук: Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. 380 с.
- Соболев В.С. Отчет академика В.Н. Перетца о своей деятельности в первые годы революции (1918–1923) // Труды Отдела древнерусской литературы. Вып. XLV. Л.: Изд-во АН СССР, 1992. С. 30–33.
- Соловьев С.П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук. К 150-летию со дня основания (1817–1967). Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1967. 232 с.
- Соловьев С.П., Доливо-Добровольский В.В. История Всесоюзного минералогического общества и его роль в развитии геологических наук. СПб.: Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1992. 333 с.

- Состав и положение студентов СГУ в 1922/1923 учебном году // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 23–25.
- Стадницкий Н.Г. Искривления носовой перегородки по данным Анатомического института Саратовского университета // Известия Саратовского университета. Медицинский факультет. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1918. Вып. 1. С. 75–98.
- Тарасов Е.И. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Главы I–IV // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. 1–176.
- Тарасов Е.И. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Главы V–XII (окончание) // Известия Самарского государственного университета. Вып. 4. Самара: Тип. Губернского земства, 1923. С. 177–452.
- Тарасов Е.И. Записки неизвестного по крестьянскому вопросу // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 1–81.
- Топорков Ф.М. Отчет Общества клинической теоретической медицины при Астраханском медицинском институте // Астраханский медицинский вестник. Астрахань: Медицинский институт, 1922. № 1–2. С. 191–195.
- Устав Общества естествоиспытателей при Пермском университете // Труды Общества естествоиспытателей при Пермском университете. Пермь: 2-я типография «Пермполиграф», 1924. Т. 1. Вып. 1. С. 41–44.
- Федерольф А.К. Биологическое значение гигиены // Сборник Ярославского университета. Вып. 2. Ярославль: Типография Ярославского сельскохозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1923. С. 61–68.
- Ферсман А.Е. Памяти Евграфа Степановича Федорова // Природа. 1919. № 4–6. С. 235–244.
- Филимонов С.Б. Краеведческие организации европейской России и документальные памятники (1917–1929). М.: О-во «Поли», 1991. 207 с.
- Флейман Е.А. Краеведение в Поволжье. Кострома: КТИ, 1995. 213 с.
- Фокин С.И. «Интерес мой к области растет». Короткая жизнь зоолога Д.М. Дьяконова (1893–1923) // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 4. С. 23–43.
- Фомичев И.В. Школа и просвещение в России в условиях войны и революции. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2001. 338 с.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак, 2006. 344 с.
- Фридолин П.П., Софотерова А.К. Краткий обзор состояния Самарского государственного университета в 1921 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 2 СНХ, 1922. С. 4–14.
- ЦБК (Информационное сообщение) // Краеведение. 1923. № 1. С. 46–47.

Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. (1917–1938 гг.). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973. 472 с.

Чудова Ф.Г. Это было в Самаре: Воспоминания. Киров, 1991. 250 с.

Ширяев В.Н. Вопросы правотворчества и суда в Советской России // Сборник Ярославского университета. Вып. 1. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1920. С. 1–20.

Именной указатель

- Аврус А.И. 11, 146
Адрианова (Адрианова-Перетц) В.П. 54, 56, 63, 66, 68-69, 74, 81, 88-89, 92, 110, 117, 121, 151
Адрианова А.Ю. 115
Адриановский А.С. 117
Аккер М.И. 117, 121
Аксенов Н.В. 117
Александров Д.К. 117, 121
Александрова М.А. 63, 117
Алексеев А.С. 12, 148
Алфимов Б.А. 117
Алявдин Н.К. 117
Алякритская А.Н. 114
Анисимов А.И. 115, 139
Анучин Д.Н. 34
Арапов В.П. 117, 121
Аржеников К.П. 114, 136
Аринушкин Н.С. 117, 121
Архангельский Н.А. 49, 117
Арчаков В.И. 115
Ахманов А.С. 114, 137
Багрий А.В. 63-64, 66, 68-69, 117, 122
Баккал И.С. 90
Баллод Ф.В. 80
Балухатый С.Д. 49, 66, 72, 74, 81, 117, 122, 146
Баранников А.П. 56, 63, 66, 68-71, 117, 122
Бардин А.В. 117
Бартольд В.В. 26
Баскин Г.И. 117
Баум Е.А. 12, 152
Бахтиаров К.К. 115
Бахтин В.С. 67, 117, 122
Бахтина В.А. 78
Бачинский А.И. 115, 139
Башкиров А.С. 67, 70, 75, 117, 122, 146
Безобразов П.В. 54, 117
Беклемишев В.Н. 86-87, 146
Белихов Д.В. 114
Белоголовов Н.В. 117, 123
Белявский М.Т. 11, 146
Беляев В.А. 117
Беляев И.П. 114
Берг Л.С. 12, 29, 147
Бердинских В.А. 83, 147
Берендяева П.А. 117
Берзин Б.А. 115
Бернштейн Б.Л. 115
Бианки Л.В. 21
Бирюков Л.И. 117, 123
Биттер С.М. 117, 123
Благовещенский С.В. 117
Благомыслова С.М. 117
Блажеевич А.О. 115, 139
Блок Г.П. 25
Блювштейн (Блюбштейн) А.А. 115

- Боброва Е.К. 16
Богаевский Б.Л. 25
Богатова Т.В. 12, 152
Богданов В.В. 34
Богданов Д.Ф. 117, 123
Богданов Т.М. 117
Боголюбов В.А. 115, 139
Болдырев Г.И. 114
Болтунов А.П. 117, 123
Болтунова А.И. 77
Бонди С.М. 59, 114
Бородин И.П. 87
Бочкарёв В.Н. 115
Боянус В.К. 117, 122
Братчиков И.Л. 117, 124
Броницкий А.М. 117
Бубекина Т.М. 114
Будникова Е.А. 117
Будрин (Быдрин Р.Н.) 117
Будюкина Н.Н. 11, 149
Бурлаков Ф.Ф. 117
Бутенко В.А. 80-81
Бушуева Л.А. 11, 147
Быстрицкий П.Н. 117, 124
Вагнер В.А. 28
Вагнер П.Г. 117
Вайнфельд А.С. 117
Валицкий Б.З. 117
Василейский С.М. 117
Васильев И.П. 90
Васильев Н.Н. 117
Васильева А.И. 117
Васильева Н.Е. 11, 149
Вебер Г.К. 114-115, 137, 140
Вейденбаум М.А. 114
Венедиктов А.В. 115, 140
Вераитинов И.А. 117
Веретенников В.И. 80
Вершинин П.В. 115
Веселовский Б.Б. 115
Викторов Д.В. 54, 63, 117
Виноградов М.П. 117
Виноградова-Ширяева Н.И. 115
Винтелер Э.Н. 117, 124
Виссарионов М.Н. 117
Витальский А.В. 115
Виткевич С.П. 115
Вишленкова Е.А. 11, 149
Вишневский Б.В. 25
Вишневский Иоанн 69
Воейков Д.Д. 117
Воейков И.Д. 117
Воробьев И.К. 115
Воробьев Н.И. 114
Воронин П.В. 115
Воронов В.Н. 117, 124
Воронцов В.Н. 117
Всеволожский В.Н. 17
Вырыпаев Г.Г. 117
Вышеславцев Б.П. 117, 124
Гаврилов К.Ф. 117
Гайваровский А.А. 117
Гапоненков А.А. 11, 80, 147
Гаркави Л.З. 115
Гассанов В.К. 115
Гвоздев В.Н. (В.П.) 118
Генкель А.Г. 86
Генкин Д.Л. 118, 125

- Генкоу А.Н. 36
 Герцен А.И. 69
 Гиляровский И.П. 118, 125
 Гинзбург М.С. 115
 Глаголев Д.С. 115, 140
 Гливенко И.И. 32
 Гликман П.А. 118
 Голишевский Е.И. 118, 125
 Голованенко С.А. 115
 Головшикова Е.Ф. 115
 Голубев Н.Н. 115, 140
 Гольмстен В.В. 11, 49, 75, 77, 112, 118, 125, 147, 149
 Голяницкий И.А. 90
 Горбунов А.В. 115, 140
 Горенимус (Геронимус) Е.С. 118
 Гориневская В.В. 56, 63, 118, 125
 Гориневский В.В. 56, 63-64, 66, 68, 117, 125
 Городенский Н.Г. 59, 107, 114, 137
 Городецкий В.П. 118
 Горская Т.А. 114
 Горский А.И. 114, 137
 Грабак М.К. 118
 Грабарь И.Э. 37
 Граменецкий М.И. 115
 Грандилевская М.Л. 114
 Грацианский Н.П. 118, 126
 Гревс И.М. 36-37
 Грезе Б.С. 114
 Гремячкин М.Н. 118, 126
 Григорьев А.А. 36
 Григорьев Е.М. 118
 Гринштейн Я.М. 118
 Громов В.Н. 118
 Громов. Н.Н. 118
 Груздев П.Н. 114
 Груздева Е.С. 114
 Гужев (Гужов) М.Е. 118, 126
 Гумилев Н.С. 69
 Гусев К.В. 10, 148
 Гусев Н.И. 115
 Гусынин В.А. 55, 118, 126, 147
 Давыдов К.Н. 87
 Дальнов М.И. 118
 Дедушиц С.И. 72, 147
 Дейнега В.А. 115, 140
 Деникин А.И. 57
 Дживелегов А.К. 115, 140
 Диалектов И.Ф. 114
 Дидрикуль З.А. 115
 Дмитриевский В.И. 115
 Дмитриев А.М. 115, 141
 Долгих И.В. 118, 126
 Доливо-Добровольский В.В. 12, 153
 Домбровская Л.А. 118
 Дорогостайский В.Ч. 22
 Дроздова З.Н. 118
 Дружинин Н.М. 59, 114
 Дубман Э.Л. 69-70, 148
 Дурново А.С. 114, 137
 Дурново Н.Н. 81
 Дьяконов Д.М. 11, 85
 Дьяконов П.П. 115, 141, 153
 Дюбюк Е.Ф. 114
 Егоров И.Е. 118
 Емельянов А.А. 20

- Емельянов А.И. 118, 126
Ерегина Н.Т. 11, 148
Еремеева А.Н. 13, 148
Еремин Г.Г. 114
Еремин Е.В. 28
Еремина М.А. 114
Ермаков А.М. 11, 148
Ефимов Н.И. 49, 118
Ефимов П.Н. 70, 118, 146
Жадовский А.Е. (А.Э.) 114
Жамойда А.И. 12, 148
Жандр С.И. 115
Жданов А.Е. 118
Жебровский В.А. 55, 118
Жинкин Н.И. 115
Жирмунский В.М. 80-81
Жуков Б.Н. 118
Журавлев П.Д. 115
Заварзин А.А. 86
Занченко П.В. 68, 118, 126, 148
Захарина С.Д. 118
Зацепин В.Н. 118, 127
Звягин П.К. 118
Зиновьев Г.Е. 25
Знаменский А.В. 114
Золотарев Д.А. 36
Зубов И.О. 50, 115, 141, 148
Иванов А.Е. 11, 148
Иванов М.К. 118, 127
Иванов П.П. 118, 127
Иванов Ю.А. 118
Ивановский В.Н. 56, 75, 118, 127
Изыумов А.Ф. 59, 114
Ильинский А.П. 36
Ильинский Г.А. 80
Иовлев Н.Н. 118, 127
Ипполитова Е.И. 114
Каблуков И.А. 28
Кабытов П.С. 65, 69, 70, 148, 150
Кавецкий Е.Л. 118
Кадлец Н.А. 118
Казанский В.П. 115
Каиль М.В. 11, 149
Калачев П.В. 114
Калпистова И.В. 114
Камелин Р.В. 12, 149
Канищев В.В. 11, 149
Капелько В.С. 115
Каплинский В.Я. 80-81
Каптерев М.С. 115
Каптеров Н.Н. 116, 141
Каргер М.К. 118
Каржавин (Коржавин) Д.В. 114
Карпинский А.П. 27, 87, 103
Карпов В.Е. 116, 140
Карский Е.Ф. 40
Катенин Е.А. 114
Кауфман С.В. 118
Кертман Л.Е. 11, 149
Кизерицкий В.А. 17
Киселев В.А. 116
Клименко В.Н. 118, 127
Клыков Л.Л. 118
Князев Н.А. 116
Кобылина М.М. 77, 118
Ковалевский М.И. 114, 137
Козлов П.Г. 116
Козлов С.А. 12, 149

- Козлова М.П. 116
- Колесников А.Н. 118, 128
- Колосов А.Н. 116
- Колосов Г.В. 67, 118, 128
- Колчин В.В. 110, 118, 128
- Колчинский Э.И. 13, 149
- Комаровский В.П. 118
- Конкрова М.Ф. 118
- Кончаловский Д.П. 116, 141
- Корнилов А.А. 118, 128
- Котелов К.И. 118, 128
- Котельский А.Г. 116
- Кравец Т.П. 34
- Кравцев (Кравец) В.П. 116, 141
- Крайнова Т.В. 70, 112, 149
- Крепльак С.А. 118
- Кривошеин М.Я. 118, 128
- Кричко В.А. 12, 149
- Крылов П.П. 118
- Кряжимская Н.А. 118
- Кубарев М.В. 118
- Кудринский А.А. 118
- Кудрявцев В.А. 116, 142
- Кузнецов Н.Я. 21
- Кузьминых С.В. 11, 149
- Куликовская Е.И. 114
- Кун В.Н. 114, 137
- Куни В.Е. (В.Э.) 114
- Куница В.Л. 114
- Курзон В.М. 118, 128
- Лавров В.И. 114
- Лавров Н.И. 116, 142
- Лавров Н.Ф. 118
- Ладыгин С.В. 116
- Лапицкий Б.А. 116, 142
- Лебедев А.Д. 118, 128
- Лебедев П.П. 63, 68, 118, 129
- Лебедева Е.В. 11, 149
- Лебедев-Полянский П.И. 27
- Левикова Е.Д. 114
- Левина С.М. 118
- Левина Т.А. 11, 149
- Левит В.С. 118, 129
- Левитский П.Д. (Левицкий) 118
- Левковский А.М. 48, 150
- Леонов М.И. 65, 150
- Леонов М.М. 65, 69, 70, 148, 150
- Леонтьева О.Б. 65, 69, 70, 148, 150
- Лепешкин В.В. 118, 129
- Лепский С.С. 118
- Лермонтов Н.Ю. 116
- Лесюк С.Г. 116
- Лециус И.А. 54, 63, 118, 129
- Либерфорт И.А. 118
- Ливеровская М.И. 56, 63, 66, 68-69, 118, 129
- Ливеровский А.В. 118
- Липинский М.А. 116
- Лискун Е.Ф. 28
- Лисунов А.П. 116
- Лоскутова М.В. 84, 150
- Лузин А.И. 118
- Луначарский А.В. 11, 33, 37, 149
- Лурье С.Я. 69, 117, 129
- Лучинская А.В. 118
- Лучинский Г.А. 118
- Лыкошин Н.С. 118, 130
- Лысяков Ф.И. 116

- Львов С.Д. 118
Любимов А.А. 114
Мавродин В.В. 13, 149
Магницкий А.А. 114
Мазарович А.Н. 116
Малышева С.Ю. 11, 147
Манойлова О.С. 119, 130
Мануйлов А.А. 116
Марков В.П. 77
Марр Н.Я. 36-38
Марущенко А.А. 77
Масальский В.И. 28
Масловский В.Ю. 119
Махайлова А.С. 119
Медведев Б.Н. 119
Медведев П.Н. 119
Мезинг Э.К. 116, 142
Мейснер В.И. 28
Меликова С.В. 80
Мельников И.С. 119
Менделеев Д.И. 29
Меньков Ф.А. 59, 114, 116, 137, 142
Меньшев (Меньшов) Д.Л. 116
Мерварт А.М. 25
Мечников И.И. 29
Миленина В.А. 119
Милославов П.Г. 116
Миркин З.М. 119
Миронов А.М. 119
Миронова П.П. 119
Миропольская Н.В. 114
Михайлов А.В. 114, 137
Михайловский А.А. 119
Михеев Н.Н. 116
Молчанов И.В. 119, 130
Морген И.Ю. 116
Моровский А.З. 119
Мосолов И.И. 116
Моствилишкер М.А. 119
Мошков Е.Д. 116
Мурашкинцев П.П. 92, 150
Мышцын В.Н. 116, 142
Неверов И.И. 114
Некрасов А.И. 59, 114, 138
Непряхин Г.Г. 90
Нерсесов М.Н. 116, 142
Неустроева М.В. 119
Нечаев А.П. 53, 62, 65, 67-68, 81, 107, 119, 130
Нечаева-Дьяконова А.К. 116, 142
Никитин Н.П. 25
Никифоров В.И. 90
Никифоровский П.М. 119, 130
Николаев Н.Д. 119
Николаев П.Н. 119, 131
Никольский С.Н. 114
Никольско-Любимова Ф.Д. 114
Никонова О.Н. 119
Ницше Ф. 29
Новицкий И.Б. 116, 143
Новицкий Т.Н. 119, 131
Новицкий Ю.П. 59, 114, 138
Нольде М.А. 119, 131
Носов С.Д. 116
Овчинникова Н.И. 114
Огановский Н.П. 119, 131
Огнев А.И. 116, 143
Окерблом И.И. 116

- Ольденбург С.Ф. 29-30, 32-34, 36-38, 40, 44, 103, 150
- Орешкин В.В. 12, 151
- Орлов А.С. 114, 138
- Павлов А.П. 34
- Палладин В.И. 87
- Панов В.А. 119, 131
- Пасхалов А.П. 47, 151
- Пашенин Н.П. 114
- Первушин И.В. 119, 131
- Пергамент С.М. 16
- Перетц В.Н. 11, 49, 53-54, 56, 61-63, 65-71, 74, 76, 81, 88-89, 92, 110, 119, 131, 151-152
- Перцев (Перцов) П.П. 114
- Петришева П.А. 119
- Петровский М.А. 114, 138
- Петровский Ф.А. 114, 138
- Петровых Н.С. 116
- Петухов Н.Г. 116, 143
- Пиксанов Н.К. 80-81
- Пильман Н.И. 119
- Писаржевский А.В. 28
- Платонов С.Ф. 33
- Плетнев Б.Д. 51, 116, 143, 151
- Покровская Е.Н. 21
- Покровский А.Н. 17
- Покровский М.М. 119, 131
- Поливанов М.П. 116, 143
- Полканов А.А. 85
- Полосин И.И. 116
- Поляков Г.Г. 116
- Полянский Н.Н. 116, 143
- Попадопуло П.Х. 116
- Попов Н.В. 116
- Попов Н.Я. 116
- Португалов Ю.В. 119, 132
- Потемкин В.В. 116
- Преображенский А.П. 116
- Преображенский П.А. 49, 119, 132
- Преображенский П.Ф. 75, 119, 132
- Преображенский С.И. 119, 132
- Пржеборовский Я.С. 116, 143
- Прозоров А.И. 119
- Прохоров А.В. 119
- Птицына (Птицина) А.А. 114
- Пустошкина Н.В. 119
- Пчелин Н.Н. 116, 143
- Пятницкий Д.А. 119, 132
- Пятосин И.С. 119
- Радионон С.Н. 17
- Радлов В.В. 26
- Радциг С.И. 116, 143
- Разумов Н.С. 119
- Растопчин Н.П. 114
- Резанов (Розанов) И.Д. 119
- Ремашев (Ромашов) Н.С. 119
- Рихтер А.А. 12, 85-86, 152
- Рихтер Т.Я. 12, 152
- Рихтер Я.А. 12, 152
- Рождественский А.А. 116, 144
- Рождественский А.Н. 115
- Рождественский И.П. 116
- Розанов А.Ю. 12, 148
- Розенштейн А.Ф. 116
- Романов Б.А. 59
- Ремашев (Ромашов) Н.С. 119
- Рославский В.А. 116

- Руднев Д.Д. 41
Рыков П.С. 80
Рыхлик Е.А. 119, 132
Савинов Н.И. 115
Савчук В.С. 84, 152
Саккетти А.Л. 59, 115, 138
Сальников К.В. 77
Сальникова А.А. 11, 1147
Самойлович А.Н. 36
Сафонов И.Е. 11, 112, 149
Сафронов П.А. 11, 152
Свищевский А.Р. 116, 144
Святский Д.О. 33-34, 36, 152
Семенов В.М. 119, 132
Семенов Е.В. 55, 68, 119, 152
Семенов-Тянь-Шанский А.П. 29
Семов В.В. 119
Сергеев В.С. 115
Сергиевская С.И. 119
Сергиевский Л.И. 119, 133
Синельникова Е.Ф. 13, 71, 149, 152
Сиротин Е.Е. 115, 138
Сканави М.С. 119, 133
Славочинский Б.М. 115
Сластенина Е.Д. 116
Сломикий С.Г. 72, 147
Слугинов С.П. 119, 133
Смирнов А.В. 119, 133
Смирнов А.И. 116
Смирнов В.А. 119
Смирнов В.Д. 116
Смирнов В.И. 115
Смирнов Д.К. 115
Смирнов М.С. 115
Смирнов П.А. 119, 133
Смирнов П.П. 55, 119, 134, 152
Соболев В.С. 11, 72, 152
Сокова О.А. 115
Соколов А.А. 115-116
Соколов Б.М. 6, 78-80, 82, 113, 148
Соколов К.И. 116
Соколов Н., священник 22
Соколов Ю.М. 78, 81, 113, 148
Соколовский И.А. 116
Соловьев Л.Т. 115
Соловьев Н.С. 116
Соловьев С.П. 12, 152, 153
Сосновцев А.А. 119, 134
Сосновцева С.А. 119
Софотеров А.К. 119
Спасский В.А. 119, 134
Спиридонов В.С. 119, 134
Спицын А.А. 36
Стадлер Ф.В. 119
Стадницкий Н.Г. 48, 153
Сташенков Д.А. 11, 112, 149
Стириус М.Ж. 25
Стопневич А.Д. 28
Субботин Я.Е. 116
Сукаев А.Г. 11, 146
Сунгуров А.Н. 115
Сутулов А.Н. 119
Суяркова А.А. 12, 148
Тарасов Е.И. 63-66, 68, 72, 88, 119, 134, 153
Тереножкин А.И. 77
Тимофеев А.Н. 119
Тимофеев В.Я. 115

- Тимофеева В.Н. 119
 Тиханов М.С. 119
 Тихомиров М.Н. 11, 49, 119, 135, 146
 Толмачев Н.Г. 25
 Топорков Ф.М. 47, 90, 153
 Тоцкий Н.М. 116, 144
 Трехлетов М.Ф. 116
 Тужилкин А.А. 119
 Тулайков Н.М. 119, 135
 Турбаба В.Д. 119
 Турбаба Д.П. 119, 135
 Тылес И.М. 119
 Тюлин Н.М. 16
 Угличанинова Е.А. 115
 Удальцов А.Д. 116
 Усов Д.С. 119
 Успенский К.П. 116
 Успенский Н.И. 116
 Устинов В.М. 116, 144
 Ушаков И.А. 115
 Фаддеев П.Д. 119
 Федерольф А.К. 51, 116, 144, 153
 Федоров В.В. 55, 119, 135
 Федоров Е.С. 29
 Федорова Н.Т. 116
 Федорова Т.В. 119
 Федотов Г.П. 80
 Федотов Д.М. 86
 Фермор Е.Н. 119
 Ферсман А.Е. 29, 33-34, 37, 153
 Филимонов С.Б. 84, 153
 Филиппов С.В. 115
 Финк А.И. 119
 Фицнер Е.Н. 119
 Флейман Е.А. 84, 153
 Флоринский Б.А. 115
 Фокин С.И. 11, 153
 Фолт Б.А. 116
 Фомичев И.В. 11, 153
 Формозов А.А. 77, 154
 Фрадкин Л.Е. 116
 Франк С.Л. 11, 80-81, 147
 Францев (Францов) П.Ф. 119, 135
 Фридолин П.П. 55, 66, 92, 120, 135, 154
 Хлебников С.Н. 120
 Хованский С.А. 120
 Хомяков М.М. 120, 136
 Цветков И.И. 120
 Цветов А.А. 116
 Цемш Н.С. 115
 Циммерман С.Э. 116
 Чалусов М.А. 120
 Чанбарисов Ш.Х. 10, 154
 Чашкин Н.Н. 120
 Чаянов А.В. 37
 Чепурковский Е.М. 115
 Червинский В.Н. 28
 Черемисин В.И. 120
 Чернов С.Н. 80-81
 Чехов А.П. 28
 Чистосердов Н.К. 116
 Чредин Б.В. 116
 Чудова Ф.Г. 77, 154
 Чуйков Ю.С. 11, 149
 Чуковский К.И. 69
 Чумаков А.Н. 117

- Чурин Н.Ф. 117
- Шаблов П.Я. 115
- Шальнов (Шальнев) К.Е. 120
- Шамбинаго С.К. 59
- Шевченко Т. 69
- Шерман-Эпштейн М.З. 120
- Шестаков С.П. 120
- Шимкевич В.М. 87
- Шипов В.К. 117
- Ширяев В.Н. 50, 96, 107, 117, 145, 154
- Шифнер Э.А. 120, 136
- Шишакина Е.И. 120
- Шишмарев В.Н. 117, 145
- Шишмарев В.Ф. 59, 115, 139
- Шишмарева Л.Ф. 115
- Шляхтин Е.М. 117, 145
- Шмидт В.К. 85, 87
- Шмидт О.Ю. 44
- Шокальский Ю.М. 34
- Шот-Львов Е.А. 120
- Штакельберг А.П. 22
- Шубин А.С. 120
- Шустов С.Г. 11, 149
- Шульц Е.Г. 120, 136
- Шульц М.Г. 120
- Щеглов В.Г. 117, 145
- Щеглов Л.В. 117
- Щеглова В.С. 120
- Щеглова С.А. 63, 68-70, 81, 120, 136
- Эдинг Д.Н. 117
- Яковлев Н. 115
- Янсон М.А. 117
- Яхонтов А.Ф. 117
- Яшнев В.И. 120
- Andrews J.T. 84, 146
- Koenker D.P. 10, 146
- McClelland J.C. 10, 146
- Rosenberg W.G. 11, 146
- Suny R.G. 11, 146

SUMMARY

The book is devoted to the study of the forms and results of interaction between scientific and educational institutions and organizations of the center and province in the conditions of the formation of a new space of Russian science and education in 1917–1922. It contains the analysis of the problems of mutual influence between the center and the province, to consider the results of joint efforts of representatives of the science of the center and local scientific communities to develop science in the field, to organize and carry out revolutionary changes in these areas of society, to create new components of the scientific infrastructure.

From the first days of its existence, the Soviet government declaratively declared that the revolution “must place all the achievements of science and culture at the service of the people”. A rather significant role in solving this complex problem in the first years of Soviet power was played by the interaction of the metropolitan centers of science and with the provincial scientific community.

Despite the grandiose revolutionary transformations and social upheavals, the scientific center and, above all, the institutions and structures of the Russian Academy of Sciences, managed to maintain its national authority at a high level. This situation was clearly expressed in the fact that the centers managed to build correct and quite optimal relationships with the scientific intelligentsia of the Russian provinces, especially in solving many problems of the further development of science and education “on the ground”. One of the important results of this fruitful interaction was the formation of a qualitatively new scientific and educational space in Russia. In the provincial towns, new state and public scientific structures were created, work was carried out to save historical and cultural monuments,

to acquire museum and archival funds as the basis for future research. For the first time, significant areas of the country were subjected to systematic comprehensive study. New forms of educational activity received the “right to citizenship”, there was a significant increase in local history work, etc.

In the first years of Soviet power, the interaction of scientific centers with the provinces intensified. The traditional forms of these relationships received a powerful impetus. They were based on the desire of the scientific intelligentsia of the centers, which had been formed over decades, to provide all possible support and assistance to their colleagues who worked “in the cities and towns” of Russia. After the revolution, this deep academic tradition also received ideological support from the new government, which put the solution of the global tasks of developing education and enlightenment in the country among its most important tasks.

On the other hand, qualitative changes in the interaction between the “two branches” of science and education (in our case, “central” and “local”) were caused by an increase in the level of social and professional activity of the peripheral scientific intelligentsia. This was a direct result of the abolition by the revolution of all ideological and censorship restrictions that existed in tsarist Russia. Practically in all even remote corners of the vast country, on the basis of the genuine enthusiasm and initiative of the local intelligentsia, work was carried out to organize educational institutions, museums, scientific societies, clubs, etc. The Soviet authorities often supported these beneficial undertakings, but as a result of the devastation of the national economy and the outbreak of the Civil War, this assistance, especially its material component, was insignificant. Under these conditions, support and assistance from the centers, for the provincial scientific community, were important and useful.

Unfortunately, this topic has not yet been adequately reflected in historiography. For a long time, researchers focused on demonstrating the fruitful cooperation of scientists with the Soviet authorities and involving them in socialist construction in the early Soviet period. The interaction of the local professional community and intelligentsia with scientists from Petrograd and Moscow, when considering the history of education during the Revolution and the Civil War, was also out of the focus of the authors.

Nevertheless, in recent years, studies have begun to appear on little-known pages in the history of science and education during the Civil War. However, works devoted to the interaction of the local professional community and the intelligentsia with scientific centers in the organization of higher education, attracting young people to scientific work, have not

yet been created. Thus, it is relevant to study the activities of certain groups of metropolitan scientists in organizing higher education in the provinces, attracting young people to scientific work and forming a new scientific and educational infrastructure in the first post-revolutionary years.

In addition, an array of interesting sources in a number of funds of federal and regional archives makes it possible to comprehensively explore the stated topics.

The authors of this monograph have been working for a number of years to identify and study sources on this topic in a number of archival institutions and libraries in St. Petersburg and Moscow. The authors of this monograph, brought to the attention of readers, have been working for a number of years to identify and study sources on this topic in a number of archival institutions and libraries in St. Petersburg and Moscow. One of the results of this activity was the historical essays prepared by the authors, which became the basis of this book. All essays are combined in two main blocks of the publication: "The activities of scientific centers" and "The transformation of the provincial scientific community".

The first part of the book includes essays prepared on the basis of materials on the history of the activities of one of the main scientific centers — the Russian Academy of Sciences, its institutions and structures. The second part consisted of essays on the positive changes in province scientific community.

The authors of the essays set themselves several difficult tasks. An attempt was made to reflect and objectively evaluate some important aspects and results of the historical process:

1. Based on the identified archival sources, to show the evolution of the traditional relationships between employees of the country's scientific centers and their colleagues in the periphery in the early years of Soviet power. In particular, to assess the impact of the position of the Soviet government, for the first time in the history of Russia, declaring the need for a cultural revolution.

2. To analyze the qualitative changes in the development of culture and education "on the ground", which have arisen as a result of a significant increase in the level of social and professional activity of the peripheral intelligentsia.

3. To talk about some of the most striking and radical forms and methods of activity and its results that arose during the interaction of the "two branches" of culture and education in the early years of Soviet power.

4. To note the increase in the activity of scientists — representatives of the center to provide all possible assistance to local colleagues. Assess the significance of migration of individual scientists and the results of their scientific missions.

5. To assess the results of the joint efforts of scientists from the center and the province to form a qualitatively new scientific and educational space in the country.

The conclusion contains the results of the study.

One of the consequences of large-scale transformations and social upheavals caused by the October Revolution was the formation in Russia of a qualitatively new scientific and educational space. An important factor of this process was the parameters of the relationship between the scientific centers of the country and the intelligentsia of its periphery.

First of all, after the revolution, the traditional forms of these relationships received a fairly tangible impetus. They were based on the desire of scientific centers that had been formed for decades to provide all possible support and assistance to their colleagues “in the field”. After the revolution, this academic tradition received effective “feeding” from the new government, which in every possible way and at all its levels declared the main principles of its policy in the field of culture and education, setting their development among the primary tasks.

A significant impact on the change in the space of Russian science in the first post-revolutionary years was exerted by the movement of teaching and research personnel from the center to the periphery. The concentration of scientific forces in the province contributed to the accelerated construction of a new scientific and educational infrastructure. Based on the data obtained from university periodicals that appeared during the Civil War, it can be stated with confidence that the teaching staff was represented mainly by the “old” professorship, which was the bearer of pre-revolutionary academic traditions. At the same time, the professional formation of young scientists who had received their education before the revolution was taking place in the province. The joint activity of representatives of different age groups and scientific schools created the possibility of fruitful scientific and organizational work.

Another significant trend in the formation of a new scientific and educational space, which is closely related to the first one, was the creation of new educational institutions in large provincial cities, primarily universities, scientific societies, museums and libraries, which brought together scientists who arrived from the center, and representatives of the

local scientific intelligentsia. However, also the teaching staff of universities that already existed in the province was also significantly replenished with metropolitan scientists.

In addition, one of the leading trends in the change in the scientific and educational space of the country has been the fact that the number of students has increased significantly. Local universities began to train personnel for work in the regions, and thanks to the abolition of gender, social, ethnic and other restrictions, the majority of university students in the first post-revolutionary years were women, and a significant level of student proletarianization was also achieved.

One cannot fail to mention the scientific societies that were created at provincial universities, where interaction between scientists and students took place. These organizations played the role of a platform for the exchange of relevant scientific information and allowed students to get involved in research work. In the short period of existence of many of these scientific societies, for the first time, a systematic comprehensive study of significant territories of the country was carried out, a significant contribution was made to the preservation of historical and cultural monuments, and a large-scale acquisition of museum and archival funds was carried out — basis for future scientific research. The creation of scientific societies on the periphery in the first post-revolutionary years was a fairly common phenomenon.

Another important trend in the change in the educational and scientific space of Russia has been the close interaction between metropolitan scientists and peripheral scientific intelligentsia in the organization of museums, libraries, circles and clubs, etc. This was a direct result of the abolition of many ideological and censorship restrictions that existed in tsarist Russia. Scientific centers, in particular, one of the most authoritative scientific centers in the country, the Russian Academy of Sciences, provided very significant assistance in this.

After the revolution, publications of academic museums revived: "Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences", "Yearbook of the Zoological Museum of the Academy of Sciences", "Proceedings of the Geological and Mineralogical Museum of the Academy of Sciences", and others. guidebooks, manuals and instructions were also important: "Guide to the Zoological Museum", "Plan of distribution of departments of the Museum of Anthropology and Ethnography", "Short Guide to the Geological Museum", "Instructions for collecting zoological collections", "Instructions for geological and

mineralogical research”, etc. All these publications were sent free of charge to all parts of the country upon request. Academic museums also sent doublet copies of exhibits, various dummies and copies, etc. to provincial organizations free of charge. One more form of activity of the museums of the Russian Academy of Sciences should be recalled. In those years, they often provided methodological and practical assistance to peripheral scientific organizations in the annotation and description of collections.

Unfortunately, the disappearance of a number of formal and informal scientific institutions soon after the end of the Civil War, in which scientists in the provinces conducted their activities, in particular, the closure of the “new” universities, did not allow a number of important changes that occurred in the first post-revolutionary years to be fully consolidated.

The formation of a new scientific and educational space in the first years of Soviet power took place in extremely difficult historical conditions: the restoration of the country after a devastating period of wars, revolutions and powerful social turmoil. The cooperation between scientific centers and the provincial intelligentsia has become a fairly significant factor in achieving a number of positive results in the field of science, education and culture. This was reflected not only in solving complex issues of preserving the national cultural and scientific heritage, but also in generating new powerful impulses for the progressive development of the scientific and educational space, which made it possible to achieve the solution of some important tasks. A number of principles, forms and methods of activity created by the revolution were preserved in the field of science and education throughout the entire Soviet era. We believe that in this regard, further in-depth study of certain aspects of the history of the formation and development of the scientific and educational space in the early years of Soviet power remains important and significant.

The monograph is based on a complex of historical sources that are diverse in their composition and content, many of which are introduced into scientific circulation for the first time.

The book is addressed to specialists in the field of the history of science and culture, as well as to a wide range of readers.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Синельникова Елена Федоровна — кандидат исторических наук, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук.

Соболев Владимир Семенович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук.

Научное издание

Синельникова Елена Федоровна, Соболев Владимир Семенович

НА ПУТИ К НОВОМУ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ
ПРОСТРАНСТВУ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Верстка — *Лукин С. Е.*

Подписано в печать 14.08.2023. Заказ №14519
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,25. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10